Ш3(2=Р)
М 333
М620006

Р. П. Матвеева

ТВОРЧЕСТВО СИБИРСКОГО СКАЗИТЕЛЯ Е. И. СОРОКОВИКОВА-МАГАЯ

АКА
С
Б
ИНСТ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
БУРЯТСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

В монографии исследуется весь репертуар Е. И. Сороковикова-Магая, как традиционный, так и советский, показана идейно-художественная ценность произведений, раскрыты особенности его творческой лаборатории. Большое внимание уделяется тункинской сказочной традиции, которая стала школой мастерства для Магая и других сказителей, известных и неизвестных науке. В исследовании, кроме печатных источников, используются архивные материалы, личные наблюдения автора и тех фольклористов, кто работал непосредственно с Магаем.

Книга рассчитана на литературоведов, краеведов, фольклористов и всех интересующихся вопросами народного творчества.

Ш3(2=1Р)
М333

Е. И.

08

ИЗДА
СЕ

003(2=1Р)-4

следуется весь репер-
кова-Магая, как тради-
тский, показана идей-
енность произведений,
и его творческой ла-
внимание уделяется
ой традиции, которая
ства для Магая и дру-
стных и неизвестных
ии, кроме печатных
ются архивные мате-
юдения автора и тех
аботал непосредствен-

а на литературоведов,
стов и всех интересу-
народного творчества.

ШЗ(2=1Р)
М333

Р. П. Матвеева

ТВОРЧЕСТВО СИБИРСКОГО СКАЗИТЕЛЯ Е. И. СОРОКОВИКОВА-МАГАЯ

Республиканская научная библиотека им.
М. Горького г. Улан-Удэ Бур. АССР
ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

М 620006 кр.

08

ОРЗ(2=1Р)-4

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Новосибирск · 1976

Ответственный редактор
д-р филол. наук
проф. *Л. Е. Элиасов*

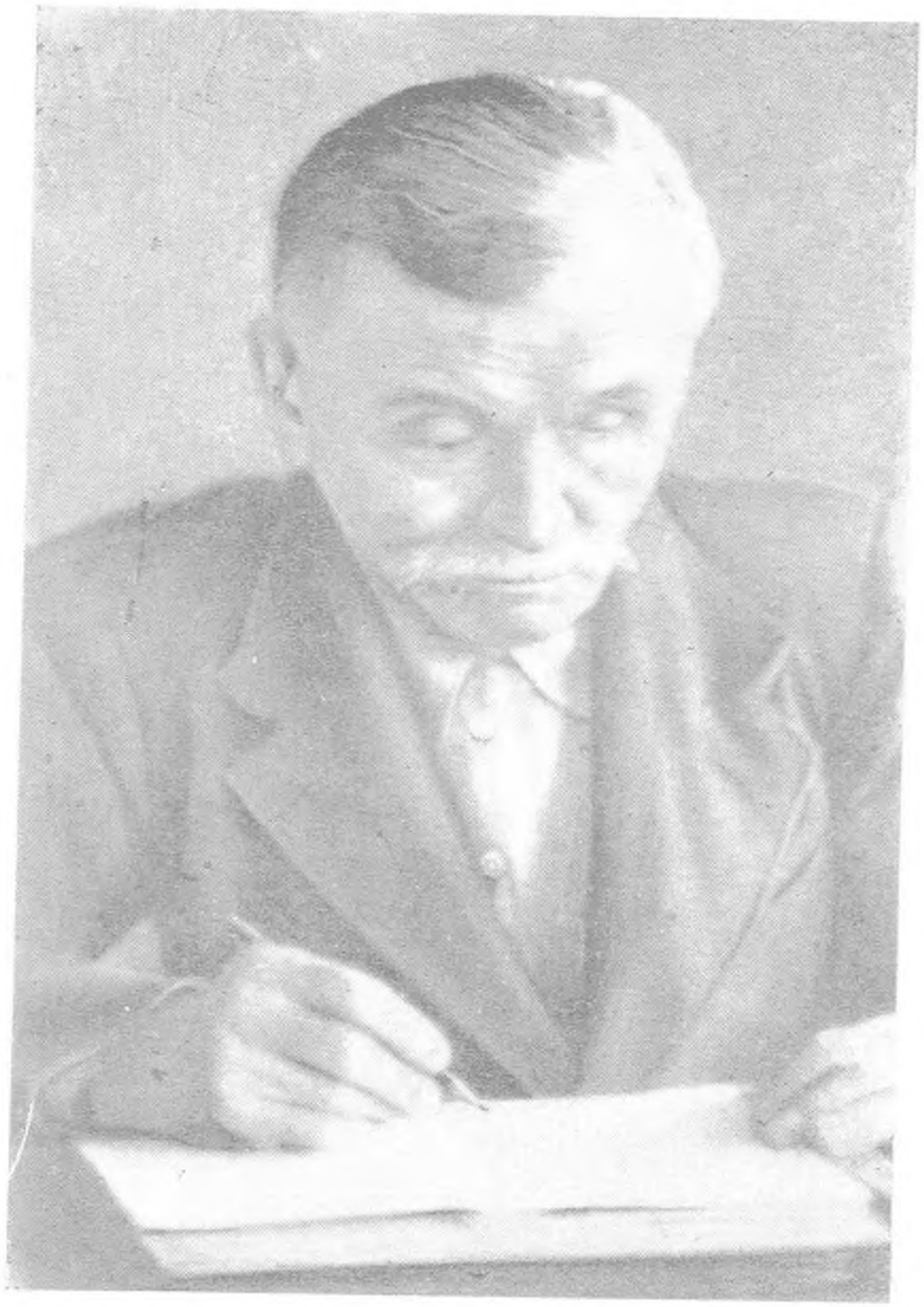
М $\frac{70202-817}{042(02)-76}$ 290—76

© Издательство «Наука», 1976.

енный редактор
филол. наук
Л. Е. Элиасов

©Издательство «Наука», 1976.

Посвящаю памяти матери
моей — Александры Сергеевны
Арефьевой



Е. И. Сороковиков-Магай (1868—1946 гг.).
Одна из последних фотографий. Публикуется впервые.

Имя талантли
новича Сороковик
ской фольклорист
ших сказителей
ляет собой выда
Сказитель в сове
ства, он не толь
вые творения на
изведений.

Е. И. Сороко
витие художеств
существенное вл
широко известны
тая богат и мног
фольклора. Он з
сен, сотни посло
даний, благопож
лие сюжетов, бо
работке. Многие
рые идеи получи
доставляют эсте
людей, потому
ческие и гумани

Е. И. Сороко
в 1925 г. Восхи
ля, ученый сраз

ВВЕДЕНИЕ

Имя талантливого сибирского сказителя Егора Ивановича Сороковикова-Магая прочно вошло в историю русской фольклористики и встало в ряд с именами крупнейших сказителей современности. Его творчество представляет собой выдающееся явление в русском фольклоре. Сказитель в совершенстве постиг тайну народного искусства, он не только осветил своим ярким талантом вековые творения народа, но и явился создателем новых произведений.

Е. И. Сороковиков-Магай внес большой вклад в развитие художественной культуры родного края, оказал существенное влияние на творчество как местных, так и широко известных сибирских сказителей. Репертуар Магая богат и многообразен, в него вошли почти все жанры фольклора. Он знал около двухсот сказок, более ста песен, сотни пословиц и поговорок, множество легенд, преданий, благопожеланий, заговоров. Поражает также обилие сюжетов, богатство мотивов и разнообразие в их разработке. Многие образы сказителем переосмыслены, старые идеи получили новое звучание. Произведения Магая доставляют эстетическое наслаждение, они воспитывают людей, потому что несут в себе современные патриотические и гуманистические идеи.

Е. И. Сороковикова-Магая «открыл» М. К. Азадовский в 1932 г. в Бокситогорске, [illegible] сказителя, ученый сразу же поставил его в число лучших носи-

телей народного творчества. «Это в полном смысле выдающийся сказитель, он же и выдающийся музыкант»[1],— писал исследователь.

Позднее фольклористы страны высоко оценили творчество сказителя из далекой Тункинской долины; [illegible]ным сказочником» назвал его Ю. М. Соколов. «Трудно найти более выдающегося сказителя, чем Е. Н. Сороковиков-Магай,— писал он.— Его сказки, с которыми в более широком плане я познакомился только по данной рукописи («Сказки Магая». — *Р. М.*), представляют собой чудесный сплав реального и фантастического, сплав коллективного человеческого разума. Очень обширны интересы сказителя: он великолепно рассказал волшебные сказки, чувствуется, что он непревзойденный мастер бытовой сказки. Все это вместе взятое дает право назвать Магая самым прекрасным мастером современной сказки»[2].

После выхода в 1940 г. «Сказок Магая» имя сказителя было названо в числе самых выдающихся носителей фольклора СССР[3]. О мировой известности Магая писали Е. В. Гиппиус и В. И. Чичеров[4]. Как об одном из лучших советских сказителей говорится о Магае в изданной в Нью-Йорке «Истории русской литературы»[5], хотя это издание и не лишено ряда недостатков.

Высокая оценка творчества Магая дается в исследованиях и учебных пособиях последних лет; о нем как о

Отчет Азадовского [illegible] — Тункинс[illegible] нологическая секция в [illegible] г.— «Сибирская жив[illegible]на», 1926, вып. 5, с. 171.

Отзыв на [illegible]. Цит. по книге: Сказки [illegible] Магая. Записи, вступительная статья, комментарии [illegible] Улан-Удэ, 1968, с. 46. (Далее: Сказки и предания [illegible]).

Сказки Магая.— «Известия», 1949, 20 окт.

Гиппиус Е. В., Чичеров В. И. Советская фольклористика за 30 лет.— «Советская этнография», 1947, № 4, с. 44.

[illegible]зонова Ю. И. История русской литературы. Древний период. Нью-Йорк, 1955, с. 54.

«Это в полном смысле выда-
выдающийся музыкант»[1],—

граны высоко оценили твор-
го Ю. М. Соколов.
азителя, чем Е. И. Сороковиз-
сказки, с которыми в более
ся только по данной рукопи-
.), представляют собой
стического, силав коллектив-
чень обширны интересы ска-
казал волшебные сказки, чув-
ный мастер бытовой сказки.
раво назвать Магая самым
ецной сказки»[2].

мых выдающихся носителей
известности Магая писали
Как об одном из лучших

в.

в исследо-
нем как о

работах в Тункинском крае. Эт-
6 гг.— «Сибирская живая стари-

Магая». Цит. по книге: Сказки и
нительная статья, комментарии
16. (Далее: Сказки и предания

1940, 20 окт.
Н. Советская фольклористика за
1947, № 4, с. 44.
ной литературы. Древний период

большом мастере пишут ведущие сказковеды Э. В. Померанцева и Н. В. Новиков[6]. Произведения Магая получили признание советского народа.

уяснения ряда сложных проблем фольклорного процесса, таких, как коллективное и индивидуальное в народном творчестве, эволюция жанров, соотношение фольклора и действительности и т. д.

Общие закономерности развития народного творчества предполагают наряду с коллективным
многом зависит направленность произведения.
художественных средств. Поэтому
ние индивидуального творчества
значение для познания законов
роли в жизни народа.

Е. И. Сороковиков-Магай в
фигура колоритная. Его произведения — результат личного восприятия и осмысления народной поэзии, пример диалектического единства коллективного
ального в фольклорном процессе. Коллективное
ве Магая выражается не только в том, что произведения создавались, развивались и хранились многими поколениями, но и в том, что его идейное и художественное мастерство отвечало эстетическим запросам масс, соответствовало современным жизненным идеям. Магай является одним из ярких представителей богатой русской фольклорной традиции, и вместе с тем мы вправе говорить о сибирской школе сказителей, через которую он прошел.

Взгляд на исполнителя фольклорного произведения,
ное творчество сказочника,

---

[6] Померанцева Э. В. Русская народная сказка. М., 1963, с. 17, 47, 50; Она же. Судьба русской сказки. М., 1965, с. 62, 178; Она же. Сказочница Королькова.— В кн.: Русские народные сказки. М., 1969,
Новиков Н. В. К проблеме сказочного сборника.—
м текстологического изучения фольклора. М.— Л.,

менялся в процессе изучения русского фольклора. Бытовавшее в середине прошлого века мнение о том, что от сказки должно быть отделено все, что прибавляет от себя сказочник, было выражено А. Н. Пыпиным в статье, посвященной сборнику сказок А. Н. Афанасьева[7].

Противоположной точки зрения придерживался И. А. Худяков, указывая на неприкосновенность текста, записанного из уст народа. Подобная точка зрения встречается в статьях Н. А. Добролюбова, который считал, что необходимо не только бережно обращаться с текстом, но и отмечать отношение народа к рассказываемому[8]. Точных записей требовал и В. Г. Белинский, придававший большое значение форме сказки, осуждая погоню ученых лишь за сюжетами[9].

В конце XIX — начале XX в. в литературе все чаще появляются разного рода материалы о сказителях.

Вопрос о личности сказителя, поставленный еще П. Н. Рыбниковым в «Заметке собирателя»[10], а затем А. Ф. Гильфердингом в статье «Олонецкая губерния и ее рапсоды» (1873 г.), не обходил ни один собиратель, ни один исследователь фольклора. Н. Е. Ончуков, Д. К. Зеленин, Ю. М. и Б. М. Соколовы[11] поставили этот вопрос в самой острой форме и дали богатейший материал для наблюдений.

---

[7] **Пыпин А. Н.** Русская народная сказка.— «Отечественные записки», 1856, № 4-5, с. 48, 51.

[8] **Добролюбов Н. А.** Народные русские сказки.— Собр. соч., т. 3. М.— Л., 1962, с. 237.

[9] **Белинский В. Г.** Полн. собр. соч., т. 5. М., 1954, с. 660—676.

[10] Впервые опубликована в «Песнях, собранных П. Н. Рыбниковым» (Ч. 3. Петрозаводск, 1864, с. 1—111). См.: **Астахова А. М.** Былины. Итоги и проблемы изучения. М.— Л., 1966, с. 233.

[11] **Ончуков Н. Е.** Северные сказки. Спб., 1908; **Зеленин Д. К.** Великорусские сказки Пермской губернии. Пг., 1914; **Он же.** Великорусские сказки Вятской губернии. Пг., 1915; **Соколовы Ю. М. и Б. М.** Сказки и песни Белозерского края. М., 1915.

С выходом в с
новые проблемы,
традиции и нова
ном начале в фо
ценные творчест
бот сказковедов з
подчеркивал нео
мастерства. Он п
ве случаев являе
возможность изу
альную среду, в к
что ни в какой
такие широкие в

Таким образо
фольклоре — это
власти сложивш
одаренным предс
кретном материа
вует глубокая с
записывалась. О
лые эпизоды и д
среду, через кот
в Сибири с пер
и другие жанры

---

[12] **Азадовский**
1925; **Он же.** Русск
ные мастера, т. 1
сказка).

[13] **Ольденбург**
народной сказки.
Л., 1926.

[14] **Авдеева Е.**
записки», 1948, т.
Сибирский сборни
гунцев.— «Вестни
община в тюрьме
зочник»).

ния русского фольклора. Быто-
ого века мнение о том, что от
ено все, что прибавляет от се-
кено А. Н. Пыпиным в статье,
зок А. Н. Афанасьева[7].
чки зрения придерживался
на неприкосновенность текста,
. Подобная точка зрения встре-
бролюбова, который считал, что
ежно обращаться с текстом, но
рода к рассказываемому[8]. Точ-
В. Г. Белинский, придававший
казки, осуждая погоню ученых

XX в. в литературе все чаще
атериалы о сказителях.
сказителя, поставленный еще
метке собирателя»[10], а затем
атье «Олонецкая губерния и ее
бходил ни один собиратель, ни
лора. Н. Е. Ончуков, Д. К. Зе-
коловы[11] поставили этот вопрос
дали богатейший материал для

родная сказка.— «Отечественные за-

ые русские сказки.— Собр. соч., т. 3.

собр. соч., т. 5. М., 1954, с. 660—676.
в «Песнях, собранных П. Н. Рыбни-
864, с. 1—111). См.: Астахова А. М.
учения. М.— Л., 1966, с. 233.
е сказки. Спб., 1908; Зеленин Д. К.
ой губернии. Пг., 1914; Он же. Вели
берении. Пг., 1915; Соколовы Ю. М.
ского края. М., 1915

С выходом в свет работ М. К. Азадовского[12] ставятся новые проблемы, способствующие решению вопросов о традиции и новаторстве, коллективном и индивидуальном начале в фольклоре. Публикуются сборники, посвященные творчеству отдельных сказителей. В обзоре работ сказковедов за 1924—1925 гг. С. Ф. Ольденбург особо подчеркивал необходимость изучения индивидуального мастерства. Он писал: «Перед нами сказы в большинстве случаев является несомненным автором, и мы имеем возможность изучить и его, и ту обстановку, и ту социальную среду, в которой он творит. Смело можно сказать, что ни в какой другой области творчества нам не даны такие широкие возможности исследования»[13].

Таким образом, коллективное и индивидуальное в фольклоре — это единый процесс, сказитель находится во власти сложившейся традиции, тесно связан со средой, одаренным [illegible] На конкретном материале исследователи доказали, что существует глубокая связь сказки с жизнью того края, где она записывалась. Отдельные элементы, детали, а иногда целые эпизоды и даже композиция отражают время, место, среду, [illegible] Появившись в Сибири с первыми засельщиками, русская сказка, как и другие жанры фольклора, продолжала жить[14], бережно

---

[12] **Азадовский М. К.** Сказки Верхнеленского края. Иркутск, 1925; **Он же.** Русские сказочники. — В кн.: Русская сказка. Избранные мастера, т. 1. Л., 1932. (Далее: **Азадовский М. К.** Русская сказка).

[13] **Ольденбург С. Ф.** Исключительная важность исследования народной сказки. Сказочная комиссия 1924—1925 гг. Обзор работ. Л., 1926.

[14] **Авдеева Е. А.** Воспоминания об Иркутске.— «Отечественные записки», 1948, т. 9, отд. 8; **Н-ь.** Очерки Колымского края.— В кн.: Сибирский [illegible] Канин П. [illegible] и забавы приисковых [illegible] гунцев.— «Вестник РГО», Спб., [illegible] Варнаков Н. М. [illegible] община в тюрьме и ссылке. Спб., 1872 (гл. VIII — «Тюремный сказочник»).

сохраняла принесенную традицию, и в то же время приобретала местный колорит, что дает право говорить о местной, сибирской сказочной традиции. «Создаются в некотором роде местные школы. В этих местных школах — [illegible] жеты — излюбленные типы сказок»,— писал М. К. Азадовский[15]. [illegible] что принесли с собой на новые земли, что уловило их чуткое ухо в творчестве аборигенов, но и постоянно развивали свою художественную культуру.

Первое значительное издание сибирских сказок было осуществлено в 1902 г. в «Записках Красноярского подотдела РГО». Затем вышло несколько самостоятельных сборников сибирских сказок. Многие тексты публиковались в различных этнографических журналах, в сборниках общерусских сказок, русского фольклора Сибири. К 1925 г., когда состоялся первый Восточно-Сибирский краеведческий съезд в Иркутске, по сибирскому сказковедению был накоплен уже значительный материал.

Науке известно много примеров того, как рушились традиционные взгляды на бытование жанра, географию его распространения. Так, Н. Е. Опчуков записал на Печоре былины, о существовании которых не подозревала местная интеллигенция. Е. Э. Липева сделала вывод об отсутствии былин в Белозерском крае, а братья С[illegible] вы доказали обратное; Вс. Миллер утверждал об [illegible] ков и А. Д. Григорьев опровергли это утверждение.

[illegible] клора. Умозрительные наблюдения некоторых исследователей прошлого, их социальная и историческая ограниченность привели к заключению: «Русский народ в Сибири не музыкален, он утратил эту музыкальность, вероятно, вследствие своего звероловческого быта»; «Русские в

[15] Азадовский М. К. Русская сказка, т. 1, с. 31

радицию, и в то же [illegible]
, что дает [illegible]
[illegible]
[illegible]
[

Поездка П. А. Ровинского в Сибирь, в частности в Тункинскую долину, должна была дать ему материал об изменениях в характере переселенцев, находящихся в новых условиях жизни. В своей программе он поставил задачу [illegible] с бытом и образом жизни народа. Его интересовал как внешний вид, так и духовная деятельность русских и в первую очередь их фольклор, язык[20]. Однако исследователю не удалось выполнить программу. Помещенные в «Известиях РГО»[21] отдельные заметки П. А. Ровинского носили, как правило, случайный, необоснованный характер. Так, не имея достаточно материала по фольклору сибиряков, он отмечает бедность их поэтического творчества.

Два года прожил в Тункинской долине Н. М. Астырев, интересовавшийся хозяйственной и культурной жизнью населения. Однако и он не нашел там произведений народного творчества. Более того, отмечая положительные черты жизни тункинцев (опрятность жилья, одежды, гостеприимство и т. д.), он отрицал духовную сторону жизни, в первую очередь существование народной поэзии, подчеркивал сугубо хозяйственное, утилитарное отношение тункинца к жизни. Лишь советские ученые доказали, что русские в Сибири свято хранили свою национальную культуру и по-прежнему были способны к эстетическому осмыслению действительности.

Материалы, собранные М. К. Азадовским и Г. С. Виноградовым, совершившими поездки по следам П. А. Ровинского и Н. М. Астырева, опровергли мнение о бедности духовной жизни тункинцев, в частности об отсутствии у них фольклора.

Г. С. Виноградов в отчете о работе в Тункинском крае сообщал о народных музыкантах и певцах. Он [illegible]

---

[20] «Отчет Сиб. отд. РГО», 1871, с. 10.

[21] «Известия Сиб. отд. РГО», 1871, т. I; 1872, т. III, № 3 («Сообщение о поездке в Тунку и Оку до Окинского карауле [illegible] графические исследования в Забайкальской области»).

ого в Сибирь, в частности в Тун-
была дать ему материал об из-
реселенцев, находящихся в но-
воей программе он наметил под-
итом и образом жизни народа.
нний вид, так и духовная дея-
первую очередь их фольклор,
ателю не удалось выполнить
в «Известиях РГО»[21] отдель-
кого посили, как правило, слу-
характер. Так, не имея доста-
клору сибиряков, он отмечает
творчества.
кинской долине Н. М. Астырев,
венной и культурной жизнью
е нашел там произведений на-
того, отмечая положительные
прятность жилья, одежды, гос-
рицал духовную сторону жиз-
ществование народной поэзии.
твенное, утилитарное отноше-
ть советские ученые доказали,
о хранили свою национальную
ыли способны к эстетическому
ти.
М. К. Азадовским и Г. С. Ви-
поездки по следам Н. А. Ро-
опровергли мнении о бедно-
цев, в частности об отсутст-

е о работе в Тункинском крае
нтах и певцах. Он дал спи-

, с. 10.
1871, т. I; 1872, т. III, № 3 («Со-
ку до Окинского караула», «Этно-
йкальской области»).

певцов и сказочников, записал их песни, обратил
внимание на «чудиков» и «балагуров»: «Они в народной
праздничной и повседневной жизни играют заметную
роль: они помогают заполнить досуг, они скрашивают
обычную работу в избе»[22]. М. К. Азадовский во время по-
ездки открыл целую галерею сказочников, и среди них
замеченную семью сказителей: Марфу Ивановну Нефедье-
ву и ее братьев Ивана и Егора Сороковиковых. Открытия
М. К. Азадовского и Г. С. Виноградова послужили нача-
лом изучения русского фольклора в этом крае.

В 1927 и 1935 гг. М. К. Азадовский совершил еще две
поездки в Тунку, во время которых собрал большой мате-
риал по фольклору и этнографии. В 1927 г. записала
сказки от Василия Пятницкого О. М. Блюменфельд[23].
Вместе с М. К. Азадовским впоследствии изучением тун-
кинского фольклора занялись его ученики А. В. Гуревич
и Л. Е. Элпасов. Здесь побывали экспедиции и отдель-
ные собиратели.

В 30-е гг. в Тункинском районе работала группа фоль-
клористов из Иркутска, руководимая А. В. Гуревичем,
после этого А. В. Гуревич побывал здесь еще несколько
раз. В 1936—1937 и 1938—1939 гг. он стенографировал
сказки Магая в Иркутске, куда сказителя приглашала
фольклорная секция на краевую олимпиаду и вечера рус-
ской народной сказки. Многие произведения записыва-
лись А. В. Гуревичем несколько раз.

Начиная с 1934 г. изучением русского фольклора Тун-
кинской долины занялся Л. Е. Элпасов. В 1934—1938 гг.
он неоднократно встречался с Магаем; в эти годы и был

---

[22] **Виноградов Г. С.** Отчет о работе в Тункинском крае летом 1925 г.— «Сибирская живая старина», Иркутск, 1926, вып. V, с. 169.

[23] Материалы 1925—1927 гг. находятся в рукописном отделе Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (архив М. К. Азадовского). Все последующие ссылки на архив М. К. Азадовского в ГБЛ даются на ф. 542, ед. хр. 231.

записан основной репертуар сказителя[24]. В 1939 г. совместно с сотрудником Бурятского научно-исследовательского института А. Б. Банновым, который записывал бурятский фольклор, Л. Е. Элпасов, пользуясь намеченной М. К. Азадовским программой, сделал повторные записи от тех сказителей, от которых уже записывали М. К. Азадовский и А. В. Гуревич. Все это давало материал не только для наблюдения за жизнью фольклора в крае, но и для решения ряда теоретических вопросов, в частности изменение произведения в устах одного и того же сказителя на протяжении ряда лет. Кроме этого, были сделаны новые записи как от известных сказителей, так и от вновь выявленных одаренных носителей фольклора.

Большая фольклорная экспедиция работала в Тункинской долине под руководством Л. Е. Элпасова в 1959 г. Участники ее собрали большой материал по всем жанрам фольклора, открыли новые имена. В 50-е гг. здесь побывали экспедиции историков, этнографов, лингвистов Иркутска, Улан-Удэ. В 1963 г. фольклор в крае записывали сотрудники сектора русского народного творчества БКНИИ И. З. Ярцевский и Л. А. Соловьева. Результатом систематического изучения фольклора края явилось издание в 1966 г. сборника «Русский фольклор Тункинской долины»[25], в который вошли восемь текстов традиционных сказок и восемь — современной тематики.

Тексты, записанные в Тункинской долине (в основном сказки Магая), публиковались и раньше. В 1932 М. К. Азадовский печатает три сказки Магая в антологии «Русская сказка». Помещал сказки Магая и А. В. Гуревич в сборниках «Фольклор Восточной Сибири» (1938 г.) и «Русские сказки Восточной Сибири» (1939 г.). В 1940 г.

---

[24] Подробнее об этом см.: **Элпасов Л. Е.** Жизнь и творчество Магая.— В кн.: Сказки и предания Магая.

[25] **Русский** фольклор Тункинской долины. Сост. Л. Е. Элпасов, И. З. Ярцевский, Л. А. Соловьева. Под ред. Л. Е. Элпасова. Улан-Удэ, 1966. (Далее: **Русский** фольклор Тункинской долины)

ар сказителя[24]. В [illegible] г. сов-
рятского научно-исс[illegible]ватель-
новым, который записывал бу-
Элпасов, пользуясь намеченной
мой, сделал повторные записи
рых уже записывали М. К. Аза-
Все это давало материал не
жизнью фольклора в крае, но
тических вопросов, в частности
устах одного и того же сказ-
ет. Кроме этого, были сделаны
естных сказителей, так и от
ых носителей фольклора.
экспедиция работала в Ту
дством Л. Е. Элпасова в 1959 г
шой материал по всем жанрам
имена. В 50-е гг. здесь побы-
ков, этнографов, лингвистов
фольклор в крае записыва-
усского народного творчества
Л. А. Соловьева. Результатом
фольклора края явилось изда-
Русский фольклор Тункинской
восемь текстов традиционных
ной тематики.
Тункинской долине (в основном
лись и раньше. В 1932 г.
три сказки Магая в антоло-
щал сказки Магая и А. В. Гу-
ор Восточной Сибири» (1938 г.)
й Сибири» (1939 г.). В 1940 г.

пасов Л. Е. Жизнь и творчество Ма-
Магая.
нской долины. Сост. Л.
. Под ред. Л. Е. Элпасова.
Тункинской долины).

в свет сборник «Сказки Магая» под редакцией
М. К. Азадовского, в который были включены произведе-
ния, записанные Л. Е. Элпасовым и М. К. Азадовским.
Сборник сопровождают большая статья М. К. Азадовского
[illegible] и «[illegible]»
и М. К. Азадовского и Н. Колесницкой.

В 1966 г. были изданы «Байкальские предания» в за-
сп Л. Е. Элпасова, где представлено творчество [illegible]
лей преданий Е. Н. Сороковикова-Магая, Д. С. [illegible]
В. В. Кобелева, А. А. Шелиховой, С. В. Бушинова,
М. Д. Софина, Н. К. Бекетова и др. Через 2 года публи-
куются «Сказки и предания Магая». Кроме того, фоль-
клорные тексты Тунки печатались в периодической печа-
[illegible] других сборниках.

Однако эти публикации не охватывают весь богатей-
ший фольклорный материал, собранный в Тункинской
долине в разное время. Часть материала, собранного
М. К. Азадовским, Г. С. Виноградовым, А. В. Гуревичем,
[illegible]
писных фондах Москвы, Ленинграда, Иркутска, Красно-
ярска, Улан-Удэ, в частных архивах. Тем не менее мно-
гие имена тункинских сказителей прочно вошли в науку.

Наиболее полно представлено творчество одного из
самых талантливых тункинских сказителей — Е. Н. Соро-
ковикова-Магая. Не обобщенное до сих пор, оно тем не
менее дает интересный материал для исследования, так
[illegible] отражает общие процессы, происходящие в современ-
ном фольклоре, и в то же время является глубоко инди-
видуальным.

Многие вопросы, связанные с изучением творчества
Магая, были поставлены М. К. Азадовским уже после
первых записей. Он же наметил основное направление
для изучения его индивидуального мастерства.

В настоящее время накопился большой материал, поз-
воляющий, с одной стороны, более детально изучить [illegible]
изведения сказителя, показать их идейно-худож[illegible]

ценность, раскрыть особенности творческой лаборатории Магая, с другой — обобщить весь имеющийся о сказителе материал и на его примере проследить, как меняется фольклорная традиция. Это и является целью данной работы.

Несмотря на то, что репертуар Магая, как уже указывалось, состоит из различных жанров фольклора, мы ограничиваемся подробным рассмотрением лишь его прозаических произведений: сказок и преданий. Остальных жанров коснемся попутно. Такой подход объясняем тем, что, во-первых, названные жанры преобладают в репертуаре Магая, во-вторых, форма сказок и преданий более подвижна, чем, например, песен, пословиц или поговорок, поэтому позволяет исполнителю глубже влиять на содержание. Кроме того, на этих жанрах более всего сказались колорит эпохи, судьбы фольклорных традиций, в них ярче видно творческое лицо Магая.

Непосредственному анализу произведений Магая в данной работе предшествует исследование тункинской фольклорной традиции, [illegible] общесибирской. На творчество Магая оказали влияние не только сказители, от которых он непосредственно воспринял свои произведения или у которых учился мастерству сказывания. Источником творчества для Магая явилась вся та творческая среда, которая окружала его в родном крае. В первом разделе даются и некоторые биографические сведения о сказителе. Жизнь Магая обстоятельно описана в статьях М. К. Азадовского «Сказочник Тункинской долины» [26], Л. Е. Элиасова «Сказители и певцы Тункинской долины» и «Жизнь и творчество Магая» [27]. В на-

---

[26] **Азадовский М. К.** Сказочник Тункинской долины.— В кн.: Сказки Магая. Записи Л. Элиасова и М. Азадовского. Л., 1940. (Далее: Сказки Магая).

[27] **Элиасов Л. Е.** Сказители и певцы Тункинской долины.— В кн.: [illegible] Тункинской долины. Он же. [illegible] Магая.— В кн.: Сказки и предания Магая.

ности творческой лаборатории
ть весь имеющийся о сказителе
ере проследить, как меняется
то и является целью данной

ертуар Магая, как уже указы-
ных жанров фольклора, мы ог-
рассмотрением лишь его про-
сказок и преданий. Остальных
Такой подход объясняем тем,
жанры преобладают в репер-
орма сказок и преданий более
песен, пословиц или поговорок,
ителю глубже влиять на содер-
х жанрах более всего сказались
льклорных традиций, в них яр-
Магая.

анализу произведений Магая в
ует исследование тункинской
вляющейся частью общесибир-
ая оказали влияние не только
и непосредственно воспринял
которых учился мастерству ска-
очества для Магая явилась вся
орая окружала его в родном
ются и некоторые биографиче-
е. Жизнь Магая обстоятельно
задовского «Сказочник Тункин-
асова «Сказители и певцы Тун-
ь и творчество Магая» [27]. В на-

очник Тункинской долины.— В кн.:
ова и М. Азадовского. Л., 1940. (Да-

и певцы Тункинской долины.— В кн.:
долины; Он же. Жизнь и творчество
ния Магая.

шей работе приводятся лишь те факты из жизни Магая, которые имеют непосредственное значение для понимания его творчества. Прежде всего это касается сказительской школы, через которую прошел Магай.

Наследуя все лучшее в фольклоре края, Магай творчески подошел к народным произведениям, обогатил их своим талантом, дал им новую жизнь. Своеобразию творчества, в котором больше всего сказался индивидуальный «почерк» сказителя, и посвящены основные разделы книги.

Стержневой вопрос в них — соотношение сказки и действительности. Для индивидуального мастерства Магая характерно сочетание сказочной фантастики с психологизмом и мотивированностью действий. Объясняя чувства, душевные переживания героев жизненными ситуациями, Магай тем самым углубляет их характеристики, не ослабляя при этом фантастику сказки.

Оригинально разрабатывая эпизоды и мотивы, встречающиеся не только в русском, но и в нерусском сибирском фольклоре, Магай создает произведения в рамках общерусской сказочной традиции, широко используя накопленные ею художественные средства. Все изменения, которые происходят в сказке, вполне закономерны, они являются в первую очередь результатом связи ее с жизнью (выбор сюжетов, художественных средств, образов и т. д. диктуется средой, обстановкой, взглядами сказителя). Одна из сторон такой связи в сказках Магая — сибирский колорит. Мы рассматриваем его лишь в волшебно-фантастических сказках Магая, так как связь с жизнью в них менее на виду, чем, например, в бытовых.

В разделе «Сатирические сказки Магая» исследуются сказки новеллистические и сказки-анекдоты, имеющие между собой много общего. Особое внимание при этом уделено социальной сатире.

Всем предшествующим творчеством сказителя подготовлено создание произведений на советскую тематику.

620006

Старые произведения Магая впитали в себя то новое, что появилось в фольклорной традиции, в них ярко сказался местный колорит, колорит эпохи. Но сказителю теперь тесно в старых рамках, и на основе традиционных произведений он создает новые сказки. Обращение больших мастеров-сказочников к современной тематике — закономерное явление в народном творчестве.

В данной работе автор стремился по возможности охватить основные вопросы творческого метода сказителя, выяснить связь творчества Магая с фольклорной традицией. Все эти вопросы имеют важное значение для характеристики современного состояния сказочной традиции в Сибири и ее дальнейших судеб.

ТУНКИНСК

Талантливый.
яет Тункинск
ный материал уб
ховной культуре
ренных исполнит
сказать, что
образцов мирово
Любовью к с
природой, восхи
творчество наро
оких Саянах?
появились" Вас
авший поэтичес
свой край.— Стоя
вее разукрашен
кнами и крыша
ень на них лю
ень от них, ког
ых нигде не от
кроме самой
ты. Долго, видат
кую громадину

Гиппиус Е. В
лет.— «Советская

ТУНКИНСКАЯ ФОЛЬКЛОРНАЯ ТРАДИЦИЯ

Талантливый, чуткий к поэтическому слову народ населяет Тункинскую долину. Собранный здесь фольклорный материал убедительно свидетельствует о развитой [illegible] культуре народа, поэтической традиции, об одаренных исполнителях народных произведений. Достаточно сказать, что тункинские сказки стоят в ряду лучших образцов мирового фольклора[1].

Любовью к своему краю, щедро наделенному богатой природой, восхищением [illegible] проникнуто все творчество народа. «Его на свете не слыхал о наших высоких Саянах», — [illegible] предание „Как на земле горы появились“ Василий Васильевич [illegible] целыми днями. Глаз не оторвешь, [illegible] столькими цветами, которых нигде не отыщешь. Ни человек, ни другая какая сила, кроме самой природы, не [illegible] прекрасно. Долго, видать, природа работала [illegible] эту громадину. Поднимаются [illegible]

---

[1] [illegible] г.— «Сов[illegible]

и нет еще человека, который прошел бы по их вершине вдоль и поперек» [2].

Дивная природа края рождала в воображении тункинца сказочные образы. Множество преданий существует о его красоте, происхождении названий, о людях, населяющих долину. «Вот когда полюбуется человек на Саяны, тогда ему в голову и приходят разные мысли: как же Саяны произошли, откуда они взялись»,— говорится в предании В. В. Кобелева [3]. «Где же еще такая добрая земля есть?» — спрашивает другой знаток преданий и легенд З. Т. Бекетов, и сам же себе отвечает: «Нигде нету. Умны наши деды были. Богатое они место отыскали и своим детям наказали: „Живите здесь и радуйтесь. Работайте, и все счастливы будете“...» [4]

Рассказы старожилов свидетельствуют о талантливости народа, его тяге к культуре, знаниям. Многие из тункинцев старшего поколения самостоятельно познали грамоту. Сохранилось любопытное предание о том, как выучился грамоте дядя Е. И. Сороковикова-Магая Харитон. «Дядя Егора Ивановича по городам ездил, выписывал много книг. В детстве приобрел букварь, выйдет на дорогу и каждому встречному:

— Дядя, ты грамотный?

— Нет.

Ждет следующего:

— Дядя, ты грамотный?

— Грамотный.

— Покажи мне, какая буква.

Тот покажет, вот и выучился грамоте, стал читать, писать, стал выписывать литературу... Много, очень много читал, на состязание к нему приезжали из Иркутска, но никто не мог состязаться в красноречии, никто не мог

---

[2] Элиасов Л. Е. Байкальские предания. Улан-Удэ, 1966, с. 41.

[3] Там же, с. 41—[illegible]

[4] Русский фольклор Тункинской долины, с. 7—8.

устоять. О нем сл
Видать, все такие
Рассказы старо
мнение об умст
шской долины и
льтуры народа,
С первых шаго
засельщик находи
телями различных
наложила замети
сторону жизни, т
фольклор.
М. К. Азадовс
долины сохраннос
стихии: исконно р
же в разбросанно
улусов. Очень мно
ворить,— сказала
живем, сами чисто
Своеобразие эт
лено смешением
По внешнему
делить, русский о
монгольский; кром
владеют обоими яз
Сохранились п
ние о смешении
там можно встрет
ская семьи происх
мером в этом отн
старожила Тункин

---

[5] Записано в 1968
историю от отца.
ГБЛ. Архив М.
[7] Там же.

ый прошел бы по их вершине

ождала в воображении тункин-
кество преданий существует о
и названий, о людях, населяю-
олюбуется человек на Саяны,
ходят разные мысли: как же
они взялись»,— говорится в
. «Где же еще такая добрая
другой знаток преданий и ле-
ке себе отвечает: «Нигде нету.
Богатое они место отыскали и
ивите здесь и радуйтесь. Рабо-
...»[4]

видетельствуют о талантливо-
ьтуре, знаниям. Многие из тун-
и самостоятельно познали гра-
тное предание о том, как вы-
Сороковикова-Магая Харитон
по городам ездил, выписывал
обрел букварь, выйдет на доро-

буква.
ыучился грамоте, стал читать,
литературу... Много, очень мно-
нему приезжали из Иркутска,
я в красноречии, никто не мог

ие предания. Улан-Удэ, 1966, с. 41.

ской долины, с. 7—8.

ть. О нем слава шла как о прекрасном сказителе.
ть, все такие были, вся родня способная»[5].

Рассказы старожилов опровергают бытовавшее некогда мнение об умственной ограниченности населения Тункинской долины и свидетельствуют о развитии духовной культуры народа, частью которой является фольклор.

С первых шагов своей жизни на новом месте русский переселенец находился в тесной взаимосвязи с представителями различных народностей, населявших Сибирь. Она наложила заметный отпечаток как на материальную сторону жизни, так и на духовную, в том числе и на фольклор.

М. К. Азадовский отметил в фольклоре Тункинской долины сохранность старины, в которой отразились «две стихии: исконно русская и неугасшая туземная»[6]. «Даже в разбросанности сел сказывается происхождение от Тунгусов. Очень многие говорят по-бурятски. „Ну как не говорить,— сказала мне О. Ефимовна,— с бурятами всегда живем, сами чисто буряты“»[7].

Своеобразие этнического состава населения обусловлено смешением пришлых русских с аборигенами края.

По внешнему виду коренного тункинца трудно определить, русский он или бурят: тип лица в большинстве монгольский; кроме того, и русские и буряты свободно владеют обоими языками.

Сохранились предания, родословные, свидетельствующие о смешении пришлых русских с бурятами. Нередко бывает можно встретить такой факт, когда русская и бурятская семьи происходят от одного предка. Типичным примером в этом отношении служит родословная коренного старожила Тункинской долины Алексея Никаноровича

[5] Записано в 1968 г. от Г. А. Нефедьева, который слышал эту историю от отца.

[6] ГБЛ. Архив М. К. Азадовского, тетр. 1.

[7] Там же.

[illegible] 1910 [illegible] Шо[illegible]
А. Н. Пантелеева бурят Моргой был крещен казаком Пантелеем (или Пантелеевым), в результате чего от него (Моргоя) пошли русские потомки. Бурят Моргой стал [illegible] Шо[illegible] Пантелеевым [illegible] ским; сын Ивана — Николай Пантелеев (по бурятскому обычаю имя деда — фамилия внука); сын Николая — Никапор Пантелеев; сын Никапора — Алексей Пантелеев (фамилия сохраняется по русскому обычаю). У Моргоя было два брата: Сикрит, который был крещен Шо[illegible] [illegible] крещен, от него потомки буряты. Здесь происходит интересное явление: общий предок бурят, от него поколения родственников — одни буряты, другие русские.

Подобно этому родословная русских Иннокентьевых ведется от бурята Бамбахая, русские Односторонцевы — от предка бурята Холбана. Русские Сороковиковы имели предков бурят: одни — Хэлдэя, другие Магая. [illegible] Зарбагтая. До сих пор с[illegible] коренные тункинцы свои родовые имена. [illegible] прозвища: Магаяты, Хартаг[illegible] [illegible]. Сороковиковы-Тунгусяты имели предка тунгуса, который пришел сюда с [illegible]

Таким образом, в формировании эти[illegible] [illegible] уклада жизни местного населения Тунки[illegible] [illegible] сыграло сосед[illegible]

Вопрос о [illegible] фольклора в [illegible] ми, но они [illegible] [illegible]ловательница сибирских сказок Т. Г. [illegible] к неправильному выводу [illegible]итая, что взаи[illegible] культур двух народов приво[illegible] к исчезновению одной [illegible]

Изучение народного т[illegible]ства Тункинской долины [illegible]тельно доказало обр[illegible]ное. Фольклор двух народов

[illegible] Донова Г. Г. [illegible]
материалы Омской [illegible] М., 1965. с.

Уже отмечалось, какое место сибирской народной поэзии и вообще духовной жизни сибиряков отводили областники. А. П. Щапов писал по этому поводу: «При ограниченном и видоизмененном усвоении верований великорусского народа сибиряки, естественно, плохо усвоили и великорусский эпос... Среди великорусского народа, даже в сфере такой суровой, неприветливой природы, как природа Олонецкого края, Рыбников и Гильфердинг находили множество „сказителей", любивших рассказывать старинные былины русского народа. А в Сибири едва ли есть где-нибудь такие „сказители". Сибиряки, подобно бурятам, больше любят разговоры и рассказы о предметах современной материальной жизни, чем о русской старине... Вместо былин из старинной, исторической жизни русского народа в Сибири вы услышите былины, повествующие о взаимных отношениях русских с азиатскими племенами»[10].

Записи С. И. Гуляева, А. А. Макаренко, И. Чекалинского, М. Ф. Кривошапкина, И. А. Худякова, В. Г. Тан-Богораза, А. Пруссак, Т. А. Шуб, М. К. Азадовского[11] и других дали фактический материал о распространении былин в Сибири. Живая история не была забыта русскими

---

[10] **Щапов А. П.** Историко-географические и этнологические заметки о сибирском населении.— «Изв. Сибирского отд. РГО», Иркутск, 1873, т. III, № 5, с. 264—265.

[11] **Гуляев С. И.** Былины и исторические песни из Южной Сибири. Записи С. И. Гуляева. Редакция, вступительная статья и комментарии М. К. Азадовского. Новосибирск, 1939; **Макаренко А. А.** Сибирские песенные старины.— «Живая старина», Спб., 1907, вып. 1—4; **Чекалинский И.** Енисейские старины и исторические песни.— «Этнографическое обозрение», 1915, вып. 1—2; **Кривошапкин М. Ф.** Енисейский округ и его жизнь, т. 1—2, 1865; **Худяков И. А.** Верхоянский сборник. 1890; **Богораз В. Г.** Областной словарь колымского русского наречия. 1901; **Пруссак А.** Былина, бывальщина и три песни.— «Живая старина», Пг., 1916, вып. 3; **Шуб Т. А.** [illegible] В кн.: Русский фольклор. Материалы и исследования, т. 1. М., 1956; **Азадовский М.** [illegible] традиция в Сибири. [illegible]

переселенцами, с
вым поколениям.
Богатая эпиче
выяснена в силу
были, оставалось
вателей. Матерна
бо был разбросан
местным краевед
что собранные С
веским аргумент
традиции в Сиби
материал, собран
вестен немногим,
записей относили
Собранные во
ны лишь в 1939 г
Теперь, после
клористов, сущес
вызывает сомнен
дельникова собра
времен и местно
по эпосу сибиря
не могла[13].
В «Былинах
текста: прозанч
М. Гуревичем от
писанная Н. О. Б
лева (с. Кырен Т
В начале 20-х
ская традиция в

---

[12] **Азадовский М**
бири. Новосибирск,
[13] **Сидельников**
[14] Автор опибо
Севера.

е место сибирской народной поэ-
кизни сибиряков отводили обла-
ал по этому поводу: «При огра-
ном усвоении верований велико-
и, естественно, плохо усвоили и
ди великорусского народа, даже
еприветливой природы, как при-
ьбиков и Гильфердинг находи-
й", любивших рассказывать ста-
народа. А в Сибири едва ли есть
тели". Сибиряки, подобно буря-
воры и рассказы о предметах со-
жизни, чем о русской старине...
ной, исторической жизни русско-
слышите былины, повествующие
русских с азиатскими племе-

. А. А. Макаренко, И. Чекапин-
ина, И. А. Худякова, В. Г. Тан-
А. Шуб, М. К. Азадовского[11] и
материал о распространении бы-
тория не была забыта русскими

-географические и этнологические за-
ии.— «Изв. Сибирского отд. РГО», Ир-
—265.
и исторические песни из Южной Си-
Редакция, вступительная статья и ком-
. Новосибирск, 1939; **Макаренко А. А.**
ины.— «Живая старина», Спб., 1907,
Енисейские старины и исторические
бозрение», 1915, вып. 1—2; **Кривошап-**
ут и его жизнь, т. 1—2, 1865; **Худя-**
ник. 1890; **Богораз В. Г.** Областной сло-
аречия. 1901; **Пруссак А.** Былина, бы-
Живая старина», Пг., 1916, вып. 3;
старожилов низовьев р. Индигирки.—
терналы и исследования, т. 1. М., 1956;
адиция в Сибири. Чита, 1921.

переселенцами, они бережно хранили ее, передавая по-
ким поколениям.

Богатая эпическая традиция Сибири не была до конца
ыявлена в силу многих причин, а то, что собиратели до-
бывали, оставалось неизвестным широкому кругу исследо-
вателей. Материал либо хранился в личных архивах, ли-
бо был разбросан по различным периодическим изданиям,
местным краеведческим сборникам. Достаточно сказать,
что собранные С. И. Гуляевым былины могли бы стать
веским аргументом, доказывающим бытование эпической
традиции в Сибири. Этот уникальный по своей ценности
материал, собранный в середине прошлого века, был из-
вестен немногим, а отдельные встречающиеся публикации
записей относили к случайностям.

Собранные воедино тексты были впервые опубликова-
ны лишь в 1939 г.[12]

Теперь, после появления трудов ряда поколений фоль-
клористов, довольно полно эпическая традиция Сибири за-
фиксирована записями. Выходящая в 1968 г. работа В. М. Си-
дельникова собрала воедино былинный материал разных
времен и местностей Сибири, и осветила многие вопросы
по эпосу сибиряков. Но дать ответы на все вопросы она
не могла[13].

В «Былинах Сибири» опубликовано два тункинских
текста: прозаический пересказ былины, записанный
А. Гуревичем от Е. И. Сороковикова-Магая, и сказка, за-
писанная Н. О. Шаракшиновой в 1965 г. от А. Д. Кобе-
лева (с. Кырен Тункинского района)[14].

В начале 20-х гг. М. К. Азадовский в статье «Эпиче
ская традиция в Сибири» с уверенностью заявил о суще-

---

[12] **Азадовский М.** Былины и исторические песни из Южной Си-
бири. Новосибирск, 1939.

[13] **Сидельников В. М.** Былины Сибири. Томск, 1968.

[14] Автор ошибочно относит запись к материалам Крайнего

ствовании былин в Забайкалье. Отмечая пути проникновения эпической поэзии в Сибирь, исследователь говорил о существенной роли казачьей колонизации. Тот факт, что собиратели не нашли там былин, М. К. Азадовский объясняет следующим образом: «Естественно, что при та-

[illegible]

[illegible] населением схватывается только то, что лежит наверху, плавает, так сказать, на поверхности — лирические песни, свадебные и т. п. легко доступный материал. Эпос принадлежит к числу сокровищ, таящихся глубоко, и для извлечения его нужны серьезные „подземные работы". Оттого-то так мало в Сибири записей собственно эпических при изобилии текстов лирической и обрядовой поэзии»[15]

Записей тункинских былин в том виде, как они там бытовали, нет, но тем не менее о их существовании мы можем говорить, опираясь на сказки, и не только на те, что представляют собой прозаический пересказ былин, но и на те, в которых связь с былиной по содержанию ослаблена, однако богато сохранена поэтика.

Несомненный интерес представляют сказки на сюжет [illegible] несколько вариантов. Большинство этих сказок строится на [illegible] ченность сюжета, усиление чисто внешней занимательности, отсутствие исторической приуроченности (действие происходит в обстановке сказочной неопределенности) и некоторые другие.

Из всех известных нам тункинских текстов наиболее [illegible] «Илья Муромец». Она записывалась несколько раз, и каждый раз представляла собой новый вариант, который

---

[15] Азадовский М. К. Эпическая традиция в Сибири.— «Вестник просвещения». Чита, 1921, № 5-7, с. 11.

ыстном знакомстве с

— лирическ

ряд специфи

просил Илью Муромца: „Подай, подай, сделай великую милость мене, ету сумочку". Вот приходит, бирет адной рукой, подымат, подымат сумочку. Сил его не бирет. Вот другой рукой ухвутил — давай подымать эту сумочку — ушёл до кушука в сырую землю, ну не мог поднять ету сумочку, патом в ответ ему старичок говорит: што, добрый молодец, с поля едь — похвались, а преж время хвалитца нечего. Говорил, что весь свет подымешь, а здесь только третья часть его» [20].

Отголоски эпизода из былины о Святогоре видны в сказке А. А. Шелиховой об Илье Муромце. Илья поехал в поле «показать свою храбрость великую и попробовать силу богатырскую... Ехал и ехал, стоит чудовище — домовишше железное, а нельзя Илюше, ему проехать ето чудовишшо. Слезти надо попробовать, кому оно принадлежит, не мне ли, Илюше, доброму молодцу». Лег Илья, «домовишшо» закрылось. «Тут ево все кончилось». В заключение сказительница говорит: «Так и не успел ничево Илюша сделать, кончилась ево сила» [21].

Для тункинской эпической традиции характерно слияние былинных и сказочных сюжетов. Вряд ли можно безоговорочно согласиться с мнением В. М. Сидельникова, что после 60-х гг. XIX в. молодежь воспринимала произведения большей частью через лубок и таким образом отходила от старины.

В Тункинской долине были очень популярны лубочные издания. Они, несомненно, оказали влияние на фольклор. Но лубочная литература не могла вытеснить старинную сказку, устную былину. Здесь столкнулись две струи: живая устная и вновь пришедшая книжная. В результате похождения былинных героев становятся порой похожими на рыцарские подвиги, а от рыцарских повестей иногда сохраняются в сказке лишь имена героев и

---

[20] ГБЛ. Архив М. К. Азадовского, тетр. 14.
[21] Там же, тетр. 10.

„Подай, подай, сделай великую
ку". Вот приходит, бирет адной
сумочку. Сил его не бирет. Вот
давай подымать эту сумочку —
землю, ну не мог поднять ету
ему старичок говорит: што, доб-
— похвались, а преж время хва-
то весь свет подымень, а здесь
20.

былины о Святогоре видны в
об Илье Муромце. Илья поехал
рабрость великую и попробовать
и ехал, стоит чудовище — домо-
вя Илюше, ему проехать ето чу-
опробовать, кому оно принадле-
доброму молодцу». Лег Илья,
«Тут ево все кончилось». В за-
говорит: «Так и не успел ниче-
лась ево сила» [21].

еской традиции характерно слия-
ых сюжетов. Вряд ли можно без-
с мнением В. М. Сидельникова,
молодежь воспринимала произ-
через лубок и таким образом от-

е были очень популярны лубоч-
пенно, оказали влияние на фоль-
ратура не могла вытеснить ста
былину. Здесь столкнулись две
новь пришедшая книжная. В ре-
линных героев становятся порой
подвиги, а от рыцарских пове-
т в сказке лишь имена героев и

довского, тетр. 14.

отдельные эпизоды. Былинный сюжет нередко передается в духе авантюрных лубочных сказок.

В Тункинском крае широко бытует сказка «Бова-Королевич», пришедшая в устное бытование из лубочной литературы. Некоторые сказители, например Магай, передали ее очень близко к лубочному тексту. Но есть [illegible] о Бове-Королевиче, которые отдельными сюжетами, мотивами, образами сближаются с былиной.

Былинная основа обнаруживается в сказках А. А. Шелиховой и Д. С. Асламова. У последнего сохранено только имя Бовы-Королевича. Илья Муромец встретил Бову-Королевича,— «наймал Илью савсем с канем, посадил в карман себе и идет себе, думал, что птапечка». Передан здесь и эпизод встречи Ильи Муромца со слепой матерью Бовы-Королевича. «Ты мотри, моей матери руку не дай, и [illegible] м со мной кузнецу: «Ну, Илья, дуй мех, а я вот ету железину накалю»,— говорит Бова своему названному брату. Вместо руки Илья, по совету Бовы, подает матери накаленную железину. Мать пожала ее: «Хорошо, люб[illegible] я тово человека, горячая рука». Поехали в лес, там домовишша. Илья лег — еще десять Илей надо. Лег Бова-Королевич, крышка захлопнулась, стал Илья бить — на[illegible]очили обручи» [22]. Как видим, сказка построена на материале былины «Илья и Святогор».

В сказке А. А. Шелиховой образ Бовы часто отождествляется с образом Ильи Муромца. Здесь подвиги Бовы перемежаются с подвигами Ильи Муромца. Подобно Илье Муромцу, Бова-Королевич встречает Соловья-свистуна, который свистит так, что конь Бовы пал на колени. «Что ты, волчья сыть, травяной мешок, спотыкаешься, испугался ты голоса звериного или свисту саловьиного»,— осадил коня Бова-Королевич. Для достижения идейно-эстетической цели сказительница использует то сказочные, то былинные функции для своего героя. В былинном

[2] ГБЛ. Архив М. К. Азадовского, тетр.

эпизоде встречи Соловей по-сказочному взмолился: «Ах, Бова-Королевич, не бей меня, я тебе годюся». Побежденного Соловья герой привязал к седлу и поехал в другое царство к Ворону Воронаевичу, железному носу. Далее развертывается сказочный сюжет, но в повествовании постоянно встречаются былинные реминисценции. Бова-Королевич в золотом дворце ждет Ворона Воронаевича. «Прилетает Ворон Воронаевич, летит, крылом махнул — полдвора сакрыл, другим махнул — весь двор сакрыл». Удивляется, как мог пройти, проехать Бова-Королевич: «По стой [illegible]. Гость с хозяином начинают меряться силами, сначала сами бьются, а затем Ворон Воронаевич выставил свое войско, а Бова-Королевич развязал Соловья-разбойника: «Ну, Соловей-разбойник, свисни-ка своим посвистом, соловьиным голосом, а сперва не весь ход пущай, сперва попугаим их». После свиста соловьиного «все его солдаты испужахнулись и все оглохли и все онемели» [23].

Здесь явное отражение полузабытой былины в ее старинной версии. Такой же эпизод, когда герой борется не сам, а заставляет бороться Соловья-разбойника, встречаем в сказке Магая (вариант 1925 г.): Соловей борется с Илью Муромца с Калином [24]. М. К. Азадовский предполагает, что деталь эта принадлежит какой-то древней [illegible] былины об Илье Муромце. Повторение ее у другого сказителя показывает, что это не случайный эпизод, а отражение традиции. Эту сказку Магай воспринял от отца, А. А. Шелихова — от матери. «Ети от матери, больше я никогда уж так не слыхивала» [25]

Тункинская традиция сохранила древнейший образ богатыря с тех времен, когда истинным героем считался

---

[23] ГБЛ. Архив М. [illegible]
[24] Сказки Магая. с. [illegible]
[25] ГБЛ. Архив М. [illegible]

по-сказочному взмолился: «Ах,
ня, я тебе годюся». Побежд чно-
и поехал в другое цар-
полезному посу. Далее раз-
но в повествовании посто-
ые реминисценции. Бова-Коро-
Ворона Вороновича «При-
летит, крылом махнул — пол-
— весь двор сакрыл». Удив-
Бова-Королевич: «По этой
пролетывала».

связал Соловья-разбойника:
висни-ка своим посвистом, со-
а не весь ход пушнай, сперва
соловьиного «все его солдаты
и и все онемели» [23].

забытой былины в ее ста-
визод, когда герой борется
разбойника, встре-
Соловей борется
ом [24]. М. К. Азадовский пред-
принадлежит какой-то древней
Муромце. Повторение ее у дру-

матери. «Ети от матери, ольн-
нвала» [25].

сохранила древнейший образ

тетр. 1.

кого, тетр. 1.

ромной вел

наделе

неномерную силу

Найден-Попович».

средств — гиперболизм образов. Найден-Попович поехал

(для очень раннего эпоса
о волшебных повестей характерно, когда герои едет без
определенной цели). По пути он встречает сначала Усы

гору». Взяли его в товарищи, пошли

домовишно. В этим домовине

рит,— товарищи,

ще последует мне. Когда я лягу в домовину,

богатырь Найден-Попович

ваюсь, что я

вас еще больше"

Ковда ихний лег товарищ, домовина закрылась,

тянулась железными обручами, пошла сила богатырская

сила у них размножилась. Не могли

и не ходили по земле и покончились все»

И, как всегда у А. А. Шелиховой, смысл сказки — в з
ключении: «Значит не послушались его, он велел им толь-
ко помаленьку лизнуть, а они пожадничали, и сила их.

значит, перешлина, по сырой земле богатырин[26]. В этой сказке или едва выполняющие атрибуты былин о Святогоре и более поздних о том, почему не стало богатырей. Это не пересказ былин, а живая сказка, но для нас важно то, что в ней использованы бытующий материал.

Вальмино, рассказанный на быдине об Илье Муромце, служит канвой в сказке Г. А. Доценой «Волшебная подпруга»: «Змей этот говорит: „Ты выпей только полковшичка и воды тоже полковшичка. А то полный ковшик выпьешь, тебя мать сыра земля не будет поднимать“»[27]. Или у С. Л. Истомина на сюжет «Волшебный помощник»: Ваня не может поднять гирю. «Старик-космач вынимает из кармапу пузырек: „Ну-ка, хозяин, попробуй из стова пузырька“. Ваня попил. „Ну, как ты теперя чувствуешь?“ — спрашивает старик-космач. „Да я типеря чувствую, что если бы был от земли до неба столб, я бы поворотил весь свет“. „Много,— говорит,— хозяин!“ Вынул другой пузырек, дал ему. Он попил, взял из другова пузырька. „А как типерь чувствуешь?“ — „Типерь я чувствую наполовину тово“»[28].

Отражение устно бытовавших в Сибири былин обнаруживается не только в сюжетах сказок, но еще более в их поэтике. Сказки часто содержат былинную фразеологию, специфические формулы и ритмику. Например, у А. А. Шелиховой: «Время идет, как вода течет» или:

> И видют оне гостей хороших у Илюшеньки, примечают.
> Переночевали у них хорошенько, утушкались.
> Назавтре утром поутру встают,
> С хозяином распростилися[29].

Подобных примеров можно привести множество.

В нашу задачу не входило всестороннее изучение бы-

---

[26] ГБЛ. Архив М. К. Азадовского, тетр. 1.
[27] Там же, тетр. 3.
[28] Там же, тетр. 15.
[29] Там же, тетр. 10.

тало совсем богатырей»[26]. В этой
ьзование атрибутов былин о Свя-
о том, почему не стало богаты-
лин, а живая сказка, но для нас
спользован былинный материал.
ницей из былины об Илье Му-
казке Т. А. Донской на сюжет
ея учит героя: „Ты квасу выпей
ды тоже полковшичка. А то пол-
тебя мать сыра земля не будет
Л. Истомина на сюжет «Волшеб-
е может поднять гирю. «Старик-
рману пузырек: „Ну-ка, хозяин,
Ваня попил. „Ну, как ты
прашивает старик-космач. „Да я
п бы был от земли до неба столб,
т". „Много,— говорит,— хозяин!"
дал ему. Он попил, взял из дру-
пнерь чувствуешь?" — „Типерь я

товавших в Сибири былин обна-
сюжетах сказок, но еще более в
о содержат былинную фразеоло-
рмулы и ритмику. Например,
ремя идет, как вода течет» или:

роших у Илюшеньки, примечают.
ранники, угустилися,

лися[29].

можно привести множество.
одило всестороннее изучение бы-

довского, тетр. 1.

линной традиции Тунки. Этот вопрос заслуживает особого внимания. Отметим лишь, что эпическая традиция имеет древние корни. Форма былин разрушена, но элементы ее сохранились в сказках.

Мы отметили влияние двух основных факторов на фольклорную традицию Тункинской долины — взаимодействие ее с бурятским народным творчеством и сохранность [illegible]ней древнерусской старины.

Другие немаловажные факторы, под влиянием которых складывалась фольклорная традиция сибиряков,— это за[illegible]тия населения, его экономическая жизнь, местные при[illegible] Это только насыщение произведений топонимическими названиями или диалектизмами, но и выбор репертуара, усиление одних и ослабление других [illegible]т в характеристике героя, композиция произведения, художественные средства — все носит на себе след мест[illegible]ой традиции.

[illegible]. К. Азадовский объяснял полнокровную жизн[illegible] [illegible]ри спецификой хозяйственной жизни, требую[illegible]ты артелями. В Тункинской долине и сама мест[illegible]ствовала распространению сказок: тайга, горы, [illegible]олинах покосы.

[illegible] располагаем всеми текстами сказок, записан[illegible]х в крае, но и те, что имеются, дают достаточно ясное [illegible]ие о местной сказке. Сказочное творчество [illegible]ень развито. Из числа местных сказителей вышли [illegible] мастера, известные не только в крае, но и да[illegible]го пределами, сложилась своя, местная школа [illegible] имеются семьи и даже династии сказочников.

В тункинских сказках — большинство сюжетов из рус[illegible]ких народных сказок. В них отразились черты, харак[illegible]сюжетность, наличие [illegible]х эпизодов, [illegible]ное развитие дей[illegible] Тун[illegible]кинские сказки от[illegible]временную сказит[illegible]ть, которая [illegible] характеризующих его классовое мировоззрение.

Получил купец телеграмму, что родилась дочь, «давай опс выпивать, гулять — конешное дело, как купцы, чего имя (пи)»[30]

[illegible] пример влияния современности на волшебную сказку — творчест[illegible] А. А. Шелиховой Г. А. Тугарина из с. Нюрх[illegible] Фантастика определила особенности [illegible] сказок, трехчленность, градацию заданий по [illegible] поэтические сказочные формулы, общие места. Рядом с традиционным выражением: «Садился он на седло черкашское, бил он коня по бедрам и пошел полевать: горы и долы промеж ног пускал, быстрые реки хвостом котилал»[31],— соседствуют слова «ба[illegible]хон», «третий этаж», «номер газеты», «делать договор», «составлять бумагу»: «Иван Царевич хочет Марфу-царевну достать да взамуж взять! А ето слышно было по газетам, пито [illegible] красавица Марфида-царевна». И далее: [illegible] величество, что вы ищете невесту [illegible] В газете, номер такой, было вот [illegible]

[illegible] выражен[illegible] лорит, который сказался как в бытовых подроб[illegible] так и в использовании сибирской топонимики, в типично сибирских оборотах речи. Но особенно примечательной чертой его сказок является обилие бытовых подробностей. Например, в сказке на сюжет «Волшебное кольцо» отразились и промысловая жизнь, и домашнее хозяйство и весь жизненный уклад крестьян. «Выпли, коровушку подоили — ведро молока надоили. „Ну, мамаша, стряпай же блины, давай а[illegible] яйца стоят прямо корзины. [illegible] жат. Взял он все ето, прямо нагреб. Заходит в поменьше и дрова поленицы. Он дрова забрал, она печку затопила.

[illegible] ГБЛ. Архив М. К. Азадовского, тетр. 15
[illegible] Там же, тетр. 16.
[32] Там же, тетр. 16.

[illegible] очень подробно описы-
[illegible] к свадьбе, приглашение гостей, которые
[illegible] у одного блуза плоха, у другого обуток
[illegible] есь же
[illegible] Мать героя при-
[illegible] мещение, богу
[illegible] в углах
[illegible] ведь пришла [illegible]
„Наш петушок, ваша курочка, наш петушок желает по-
топтать вашу курочку! Мой Петр Иванович желает на
[illegible]
захохотал и убежал в кабинет» [3]

Мысль В. Г. Белинского, что бытовые сказки наиб
ярко и остро отразили социальную [illegible]
нельзя их считать безобидным анекдотом, [illegible]
ное подтверждение в сказках Тункинск[illegible]
зочница из с. Зактуй Т. А. Донская в [illegible]
летка» комментирует поступок богача: «Бо́гатые мужики
всегда жадные». В другой ее сказке «Беспечальный мона-
стырь» рыбак едет звать попа окрестить ребенка, тот
отказывается, сказочница по этому поводу замечае
«Видит, что мужик беднай, к богатому поехал бы — ан
попы, всегда жадные» [33]

Несмотря на широко представленную сказочную обря
ность, тункинской сказке свойственна неразработанность
[illegible]
Ивана [illegible]

[illegible] в М. К. Азадовского, тетр. 3

дили ухотиться...», «У старика да у старухи родился [illegible] форму зачина имеют и сказки С. Л. Истомина: «Адин был восударь...», «У одного мужичка было три сына...» [37] Но сказки П. П. Сороковикова лишены сказочной обрядности, они по художественной форме больше напоминают бывальщины, поэтому такой зачин соответствует их форме. В сказках же С. Л. Истомина богато представлена сказочная обрядность: «свистнул по-молодецки, крикнул по-богатырски — конь являтца», «что пи в сказке сказать, пи пером описать», «Сивка-бурка — вещая каурка, будь передо мной!» Три сына обращаются к отцу с одной и той же просьбой и каждый повторяет ее: «Поеду я сестру искать — сам себя покажу и добрых людей посмотрю, быть может и сестру найду» [38]. Часто сказитель употребляет переходную фразу: «Ехал он долго ли коротко, близко ли далеко, как раз попал на тропинку...», «патом поехали три брата, ехали ане долго ли коротко, близко ли далеко, но сказка скоро сказыватца, а дело долго делатца».

Сказки С. Л. Истомина отличаются многосюжетностью и обилием мотивов. Отдельные понравившиеся эпизоды, имена и образы героев переходят из одной сказки в другую. Типичная концовка его сказок: «И Ваня остался жить и по сейчас живет».

Во всех сказках Т. А. Донской моральное превосходство на стороне бедного и, как результат справедливости, бедный награжден, а богатый посрамлен [39].

В тункинских сказках часто в роли справедливого [illegible], который разрешает спор между богатым и бедным в пользу последнего, выступает царь и непременно Петр I. Так, в сказке Т. А Донской на сюжет «Беспе-

---

[37] ГБЛ. Архив М. К. Азадовского, тетр. 1.
[38] Там же, тетр. 15.
[39] Там же.
[39] Там же, тетр. 3.

гарика да у старухи родился
рму зачина имеют и сказки
был восударь...», «У одного му-
Но сказки П. П. Сороковикова
ти, они по художественной
бывальщины, поэтому такой
рме. В сказках же С. Л. Исто-
сказочная обрядность:
л по-богатырски — конь
зать, ни пером описать».
е просьбой и каждый
стру искать — сам себя покажу
быть может и сестру найду» [38].
яет переходную фразу: «Ехал
ко ли далеко, как раз попал на
ли три брата, ехали ане долго
еко, но сказка скоро сказыват-

осюжетностью
эпизоды,
ки в дру

Донской моральное превосход-
как результат справедливости.
ой посрамлен [39].
часто в роли справедлив
спор между богатым и бедным
ступает царь и непременно
А. Донской на сюжет «Бесе

чальный монастырь» царь наказывает попа за то, что тот не приехал крестить сына бедняка. Но даже при этом сказительница не запрещает своему герою обойтись с царем не совсем почтительно: «Мужик ловил рыбу в пенастье, а царь к ему подъехал, прозяб и просит водки у рыбака согретца, а рыбак говорит: есть да не про вашу честь!»

Творчество сказочников развивалось в неразрывной
местной фольклорной традицией. Даже сказочни-
ники, которые уверяют, что знают сказку по кни-
е, невольно отражают устную традицию. Вот почему, из-
едуя творчество носителя фольклора, необходимо знать
среду, в которой бытует произведение, учителей, от кото-
рых был воспринят репертуар, и фольклорную традицию,
оказавшую влияние на творчество исполнителя. Только
совокупность всех этих обстоятельств дает возможность
раскрыть творческую индивидуальность сказителя.

Начиная с М. К. Азадовского, открывшего сказочное богатство в Тункинской долине исследователями записано большое количество сказок, и каждый раз при выяснении их бытования собиратели слышали сетования на то, что
не были сказочники, теперь их нет, а если есть,
как раньше.

старики молодые становились
и, но в представлении населения о сказочниках
ничего не менялось. «Раньше работы зимой не было, клубов не было,— говорит житель с. Кырен П. П. Москаленко (1929 г. рождения),— вечерком собе-
ем заняться? Сказки рассказывают про Ивана-
урака, про жар-птицу. Раньше старики рассказывали — от разинешь, слушаешь. Старики здорово рассказывали». Другой старожил Тункинской долины М. Д. Софин вспоминает: «Раньше рассказывали сказки на охоте. Сказочника уважали. На почете был, не давали ему ни заряды

[38] ЦГЛ. Архив М. К. Азадовского, тетр

делать, ни дрова готовить. После ужина кто пули льет, кто заряды делает, а он рассказывает. Быть может, и охот- [illegible] ой, а сказки рассказывает, его берут и поровну [illegible]лят нам»[41].

И поныне известно имя Ивана Солдатова (по прозвищу Иван Хартай) — балагура, песенника, сказочника. Его всегда приглашали на свадьбы. «Сядут за стол, просят его рассказать сказку. Он и начинает. У Артамона было девять [illegible]

У нашего Артамона
Девок три бартагона (бур. лукошко),
[illegible]ятевой
До самых до дверей.

Сначала критикует хозяйку с хозяином, потом гостей, а там сказки [illegible] М. Д. Софьина.

Иван Солдатов похоже подражал птицам, животным, любил и сказки рассказывать про них. Например, летят гуси: «Га-га-га», а он, имитируя их крик, говорит: «Ха-лан-халан» (бур. отстал, отстал) и начинает сказку про них. Или: «Сидит Иван у пня, а у него ходит утка и селезень. Он и спрашивает:

— Отец Сидор, вы поняли, что селезень спрашивает у утки?

Отец отвечает:

— Что тут поймешь?

А я все понял. Он спрашивает (очень похоже подражая крику селезня):

— Кто у тебя жених? Кто у тебя жених?

(Подражая крику утки): — Ты, ты»[42].

Называют имя и Павла Иннокентьева, который перенимал [illegible]

и Д. С. Асламове (1858—1939). Их творчество воспитало не одно поколение исполнителей, оказав непосредственное влияние на фольклорную традицию края.

Еще при жизни А. А. Шелиховой о ее необыкновенном таланте начала ходить молва, которая переросла в предания, живущие до сих пор. В одном из них говорится, как состязалась Анна Афанасьевна в пении с попом Сидором. «Сидор запоет — свечи гаснут, а Анна Афанасьевна запоет — тухнет лампа»[47]. Другое предание о том, как хор из пятидесяти человек захотел заглушить пение А. А. Шелиховой, но голос ее был слышен ясно, а хор, казалось молчал.[48] Как вспоминает Л. Е. Элпасов, записывать от нее песни в деревне было невозможно, надо было уводить ее куда-нибудь, иначе люди, заслышав пение, бросали работу и стекались к ее дому. У А. А. Шелиховой был необыкновенный диапазон голоса, тонкий слух и большая любовь к песне.

Имя А. А. Шелиховой вошло в литературу уже после смерти сказительницы и известна она, в основном, как исполнительница русских народных песен. Но опубликовано всего десять текстов песен в сборнике «Русский фольклор Тункинской долины» (запись 1939 г.), на три текста делается ссылка в комментариях к этому сборнику.

В песенный репертуар А. А. Шелиховой входили лирические, бытовые песни, свадебные, солдатские и рекрутские, шуточные и плясовые: «Развесело было время», «При долинушке калинушка стояла», «Сизенький голубчик», «Ты, пастух мой, пастушочек», «Как по реченьке несет лодочку», «Зеленый дубок на яр навалился», «Петухи, мои петухи», «Последний нынешний денечек», «Не кукушечка во сыром бору куковала», «Ты не стой, не стой на горе крутой», «Закатилось красно солнышко», «Уродилось много ягод во бору» и др. Из прозаических произ-

[47] Записано от М. Д. Софина в 1970 г.
[48] Русский фольклор Тункинской долины, с. 33.

939). Их творчество воспитало
телей, оказав непосредственное
радицию края.
Шелиховой о ее необыкновен-
ть молва, которая переросла
их пор. В одном из них гово-
на Афанасьевна в пении с по-
т — свечи гаснут, а Анна Афа-
лампа»[47]. Другое предание о
ти человек захотел заглушить
о голос ее был слышен ясно,
ак вспоминает Л. Е. Элпасов,
деревне было невозможно, на-
нибудь, иначе люди, заслышав
кались к ее дому. У А. А. Ше-
ный диапазон голоса, тонкий
есне.
ошло в литературу уже после
звестна она, в основном, как
ародных песен. Но опублико-
песен в сборнике «Русский
ны» (запись 1939 г.), на три
мментариях к этому сборнику.
А. А. Шелиховой входили ли-
свадебные, солдатские и рек-
вые: «Развесело было время»,
а стояла», «Синенький голуб-
стушочек», «Как по реченьке
убок на яр навалился», «Пе-
ний нынешний денечек», «Не
ковала», «Ты не стой, не стой
сь красно солнышко», «Уро-
и др. Из прозаических произ-

в 1970 г.
кой долины, с. 33.

опубликовано два предания: «Страшные време-
что пострадал Чернышевский».
богатейший материал, записанный от А. А. Ше-
вой М. К. Азадовским и Л. Е. Элпасовым, а возмож-
другими собирателями, хранится в рукописях в раз-
местах, не собран воедино, и говорить обо всем объеме
репертуара пока не представляется возможным. По
Л. Е. Элпасова, сказительница знала около

разнообразен и сказочный репертуар А. А. Ше-
однако ни одна из ее сказок не увидела свет.
тем творческий подход к тексту и в то же время
ность традиционной поэтики делают ее сказки ин-
ными для науки.
ой сказочный и песенный репертуар А. А. Шелихо-
ереняла от матери, обладавшей незаурядными спо-
тями. Анна Афанасьевна вспоминала о своей ма-
Часто она нас в круг собирала и рассказывала
, пела песни, и вот от нее я научилась. Раньше
по свадьбам возили, уж там-то я пела»[49]; «старики
бирались у матери слушать вечера два-три, мать рас-
ывала, а я слушаю, на ус мотаю, как бы мне ето
помнить, я неграмотная, а вперед попа знаю, что ему
петь, память у меня хорошая. Я слушать охотница
ма рассказывать охотница»[50].
Основу репертуара составляют богатырские сказки и
ки о животных. Самое характерное в них — много-
тность; например, в сказке о лисе контаминированы
еты, которые в таком сочетании нигде больше не
ечаются. «Жили-были каток, саболек и петушок»,—
инает она сказку и далее рассказывает, как лиса во-
петушка, кот убивает ее дочерей, дерется с ней, лиса
ает петушка; затем включается сюжет «Волк и лиса»,

Русский фольклор Тункинской долины, с. 362.
ГБЛ. Архив М. К. Азадовского, тетр. 1.

заключение: «хитрее лисе нету»[51]. Иногда сюжеты в [illegible]
ках А. А. Шелиховой абсолютно не связаны тематич[illegible],
а отдельные мотивы и эпизоды, встречающиеся в [illegible]
[illegible] разработаны, что [illegible]
[illegible] Попрошу [illegible] зок [illegible]
[illegible] «Добывание [illegible]
[illegible] мотивы и эпизоды. [illegible]
[illegible] Примечательно, что одно [illegible]
[illegible] ках разработаны по-разному. [illegible]
[illegible] соединяла известные ей сю[illegible]
[illegible] и восприняла их от матери.

[illegible] А. А. Шелиховой характерно соблюде-
[illegible] традиционной лирической опрядности: употребление
[illegible]зочных формул, переходных фраз, дословное повторение целых эпизодов, троекратность. Часто повторяется
без изменения [illegible]
ся, малые реки меж ног пропущал, чистое поле хвостом
устилал». Переходный момент выра[illegible]ается через формулу: «[illegible] ни далеко, низко ли высоко, скоро с[illegible]
[illegible] а не скоро время межу ст[illegible]во проходит»[52].
[illegible] «Иван-охотник» «государь» задает трудную
[illegible] е царство, постав[illegible]
[illegible] та ем сад выстраепай [illegible]
[illegible]
[illegible]ственные, и [illegible] ыл пост установлен». Все это
[illegible] герой повторяет дословно своей жене-помощ[illegible].
[illegible] жена — снова все повторяется. [illegible]
[illegible] утром видит «мост через речку...
[illegible]вторение[53].

[illegible] сказках А. А. Шелиховой выдержи-
[illegible] о в отдельных [illegible] [illegible]авно, часты риф-
[illegible] у [illegible] ты народу, затрамил

[illegible] Азадовского, тетр. 4.

[illegible]

[illegible] оронти тут и во [illegible]

А. А. Ш[illegible]

[illegible]ины Н. В. [illegible]

[illegible]ки сказ[illegible] А. А. Ш[illegible]

[illegible] форму[illegible]

[illegible] некотором [illegible]

[illegible]

[illegible]

[

сказочница говорит: «Сказка к тому подходит, што как только капитал появился, сразу будут люди проследовать». Сказку о Бове-Королевиче А. А. Шелихова заключает: «Значит ему надо было, чтобы людям не мешали, надо было ему сделать» [57].

В сказках А. А. Шелиховой современность уживается рядом с традиционной сказочной поэтикой. Марфиде-царевне строят «балхон, штоб на етот балхон заскочил жених и штоб она подарила ему звезду и обручила кольцом». Ванюшка собирается ехать к Марфиде: «Свиснул своим посвистом, молодецким голосом, бежит его бурка, из ушей пламя, а из роту дым столбом. Подходил Ванюшка, брал коня, седлал подпички на подпички, коврички на коврички...» [58] Марфида-прекрасная не хочет венчаться с царем, она предлагает: «Сделаем мы так: соберем мы такое собрание, позовем всякого народа, бедных-богатых, простово и начальства, русских и братских — и потом будем спрашивать — кому же ето принадлежит невеста — кому ее взять,— то ли кто домогался, кто доставал или кто ее (неразб.) устраивал такие печали, такие страшные службы накладывал»... Собрался весь народ и решил Марфиду-прекрасную отдать тому, кто ее достал, т. е. Ивану-крестьянскому сыну. «Товда за ето посадили Ивана-царевича на ворота и расстреляли ево до смерти. Иван-крестьянский сын взял царевну Марфиду и повенчался с ей» [59]. Под влиянием современности меняется поэтика, меняются и образы. Совершенно неожиданно, но достаточно убедительно традиционная сказка связывается с современностью. Так, образ Ивана-царевича, например, в одной и той же сказке дается по-разному. Вначале традиционное толкование образа, который не является носителем классовых черт, а в конце явная модернизация под влиянием происходящих в жизни событий.

[57] ГБЛ. Архив М. К. Азадовского, тетр. 1, 4.
[58] Там же, тетр. 4.
[59] Там же, тетр. 1.

к тому подходит, што как
азу будут люди проследо-
че А. А. Шелихова заключа-
чтобы людям не мешали,

й современность уживается
й поэтикой. Марфиде-царев-
тот балхон заскочил жених
езду и обручила кольцом».
Марфиде: «Свиснул своим
, бежит его бурка, из ушей
. Подходил Ванюшка, брал
ички, коврички на коврич-
е хочет венчаться с царем,
так: соберем мы такое соб-
, бедных-богатых, простово
ских — и потом будем спра-
адлежит невеста — кому ее
кто доставал или кто ее
али, такие страшные служ-
есь народ и решил Марфи-
кто ее достал, т. е. Ивану-
а его посадили Ивана-царе-
ево до смерти. Иван-кресть-
фиду и повенчался с ей»[59].
еняется поэтика, меняются
анно, но достаточно обе-
а связывается с современ-
евича, например, в одной
ому. Вначале традиционное
является носителем клас-
одеризация под влиянием

В сказках А. А. Шелиховой ярко выражен местный
нт. Герой ее сказок обычно охотник, из зверей встре-
белку, соболя. Сказочница активно вмешивается
ку, глубоко понимая ее смысл, вкладывая свое ми-
зрение. «Которы меня сказки не интересуют, так я
имания не обращаю»[60] — эти слова Шелиховой пере-
аются со словами Н. Ончукова об отборе произведе-
сказочником: «Очевидно, от личного вкуса каждого
ителя зависит выбор тех или иных сказок из того
чного репертуара, который вращается в данной мест-
. Сказочник запоминает из всего, что он слышал
той части, главным образом то, что поразит его во-
жение или растрогает сердце и глубоко западет в его
»[61].

А. А. Шелихова внесла большой вклад в развитие
ьклорной традиции Тункинской долины. Эта тради-
стала школой мастерства для многих исполнителей,
м числе и для Магая.

Не менее глубокий след в народном творчестве оставил
исполнитель сказок, песен, преданий — Д. С. Ас-
мов.

Имя Д. С. Асламова в литературе впервые упоминает-
в 1932 г. М. К. Азадовским[62]. Но первые публикации
произведений стали появляться только с 1960 г.: сна-
а в исследовании Л. Е. Элиасова «Русский фольклор

ГБЛ. Архив М. К. Азадовского, тетр. 4

Ончуков Н. Северные сказки. Спб XLVII. Правота
едователя имеет множество по в современном
ве. Например, встреченная нам Амурской об-
ти сказочница Ф. С. Чернова выросла в сиротстве, много на-
лась горя, и сказки ее в основ х, о добром отно-
ии к обездоленным. Другой сказочник бывший партизан, участ-
жданской войны Н. Л. Комаров «спец зировался» в рас-
в солдатской среде: в его репертуаре длинные фанта-
, где героем выступает ловкий солдат

Азадовский М. К. Русские сказочники.— В кн.: Русская сказ-
1. с. 68.

Восточной Сибири»[63], а [illegible] сборниках «Русский фольклор Тункинской долины» и «Байкальск[illegible] ния». Пока опубликованы только предания. [illegible] хранятся в архивах. Впе[illegible] сказки Д. [illegible]) записал М. К. Азадовский в 1932 г. [illegible] текстов от Д. С. А[illegible] текстов А. [illegible] Е. Элшасов записал еще 40 коротких [illegible] оды были записаны предания. [illegible] исчерпывают богатейшего репертуара [illegible] чинок [illegible] Д. С. [illegible]

[illegible] Асламов воспринял [illegible] дей. Он много ездил, слыл за бо[illegible]ого человека. Знания его поражали своей обширностью. Он умел объяснить слушателям любое явление природы, любое [illegible] местных названий, на один и тот же вопрос [illegible] ветить несколькими пре[illegible] верил сам, верили и окружающие. Учителями [illegible] были люди бывалые: ссыльные, поселенцы, пон[illegible] охотники и т. д. И все же основной школой [illegible] Д. С. Асламова была семья деда, в которой воспитывался [illegible] щий сказитель.

Дед Никифор слыл незаурядным рассказчиком, музыкантом. Он вл[illegible] не только [illegible] но и произведениями, которые усвоил от [illegible] жил на Витимских золотых приисках. Прекрасной песенницей была бабушка. Такое окружение спо[illegible] природы одаренного мальчика. [illegible] вскормили,— вспоминает Д. С. Асламов [illegible] начал помогать [illegible] меня с собой

Элшасов Л. Е. Русский [illegible] Восточной Сибири. Народные предания. Улан-Удэ, [illegible]

коротких с
редания. Но все записи по
репертуара сказителя. Общий

в достоверность которых
жа
ства
вался

рядным рассказчиком, нев-
не только местным репертуа-
которые усвоил от рабочих,
тых приисках. Прекрасной
кое окружение способство-
даренного мальчика. «Меня
ет Д. С. Асламов
ал меня с собой

Восточной

охотились, целыми месяцами жили в тайге. Когда
и домой, то тут начиналось веселье.
Меня подн
потом я и
была очень хорошая. С восьми лет
по нескольку
сказки, заучил
есен. Так и началось мое пос
тельство»

Д. С. Асламова, отмечают ар-
тистичность его исполнения. Мимика, жест, движение,
интонация голоса — все приходило на служку этому ода-
ем он приводил
с ним
своем дневнике: «Расс
тонает ногами, хму-
оператора и окружающие разъясняют ему ее, сказочник
у увещательные и внушительные ин-
тонации. Отдельные подвиги и похождения он отмеч
восклицаниями и вопросами: „Ага! Хорошо! Ловко!
как! Ловко сделано!" и т. д. Или, наоборот, замеча
„Вот дурак-то!", „Ну что же, смекалки-то не хватает!
Рассказывая, он все время находится в движении, обо-
рачивается то в одну, то в другую сторону, иногда при-
встает с места, руками обозначает размеры, если при-
ходится, например, говорить о величине, росте, вообще,
размерах чего-нибудь или кого-нибудь. Настроение и
торг слушателей передаются и ему и, особенно, когда
го разглаж
ит о суровых и печальных фа

Русский фольклор Тушкинской долины,

же в рассказе сентиментальных и идиллических сцен на его лице появляется улыбка. В торжественных и патетических [illegible] вым, поднимает руку и грозит пальцем»[illegible].

М. К. Азадовский отмечал определенно эстетический момент в рассказывании сказки, который выражался как в особой подготовке к рассказыванию, так и в ремарках сказителя. Д. С. Асламов иногда прерывал свое повествование восклицаниями: «Вот отпела ему!», «Сл[illegible]», «Вот нам задача!», «Оборони господи, тут пойдет [illegible] касно!», «Ага! Вот как он ему завесил!», «Вот что зад[illegible] нам. Ха-ха!», «Вот как они хорошо сделали! Хорошо ето?»[66]. Эти замечания очень важны, так как в них выражаются эстетические, морально-этические и социальные взгляды сказителя, комментируется текст по ходу действия. Ремарки сказителя углубляют идейный смысл сказки.

Подходя к тексту творчески, Д. С. Асламов в то же время тщательно заботился о сохранности традиции, всегда старался придерживаться точно усвоенного хода событий в повествовании. В своей сказке он видел стройное целое, которое нельзя нарушать, «чтобы все было к месту». «Только пиши все [illegible]кладно»,— говорил [illegible] собирателю: «Смотри, ладно ли пишешь, ты ладно [illegible]! Кто-нибудь там слушать будет — может препятствие вышло»

Высоко оценивая свои сказки, сохраняя традицию, сказитель прекрасно понимал роль творца как [illegible] отборе репертуара («Я плохую-то не говорю, у меня сказки шибко хорошие!»; «А-а! Не слыхал еще поди такой? Кто тебя натравил ко мне? У меня, оборони бох, каки красивы сказки!»), так и в мастерстве повествования («Вот

---

[65] Азадовский М. К. Русские сказочники.— В кн.: Русская сказ- [illegible]

[66] [illegible] М. К. Азадовского, тетр. 5.

[illegible]

ных и идиллических сцен на
. В торжественных и патети-
мается, лицо становится суро-
т пальцем»[65].

ал определенно эстетический
зки, который выражался как
ыванию, так и в ремарках
ногда прерывал свое повест-
от отпела ему!», «Сламно!».
и господи, тут пойдет ужас-
авесил!», «Вот что задал нам.
шо сделали! Хорошо ето?»[66].
, так как в них выражаются
ские и социальные взгляды
текст по ходу действия. Ре-
идейный смысл сказки.

Д. С. Асламов в то же
сохранности традиции, всег-
точно усвоенного хода со-
воей сказке он видел строй-
арушать, «чтобы все было к
складно»,— говорил он собе-
пишешь, ты ладно пиши!
ет — может препятствие вы-

сказки, сохраняя традицию,
л роль творца как в отборе
говорю, у меня сказки шиб
ыхал еще поди такой? Кто
еня, оборони бох, каки кра-
терстве повествования («Вот

казочники.— В кн.: Русская сказ-

ого, тетр. 5

казал! Вот почитают-то! А кто рассказал? Про-
рик — неграмотнай, не ученай!»; «Читайте мои
Однако я помру, а ане все ходить будут!»[68]).
рассказывании сказки «Оклеветанная дочь» ска-
повторяет несколько раз дословно историю доче-
ечая: «Надоедлива ета сказка, два раза не гово-
шаче нельзя. Красиве оне!». В другой раз по
словного повторения Асламов говорит: «В два
сказывается — вот холера-то!»[69]. «Я худо-то не
говорить, штоб слово к слову было подходящие» —
эстетическое кредо Д. С. Асламова. По окончa-
сказки на сюжет «Отсуленный сын» сказитель с
ением говорит: «Ну, насилу распетрошил я не —

чиняясь традиции, соблюдая сказочную обрядность,
Асламов активно влияет на сказку. С одной сторо-
спользование сказочного приема ретардации путем
ния мотивов, буквального повторения, употребления
типных фраз, вопросов, ответов, сказочных формул.
угой — явная модернизация под влиянием современ-
В сказке «Про Петра I»: «Потом восударь доспел
ание, съезд народу — собралася [illegible] народу»;
казке «Оклеветанная дочь»: «[illegible]оберите,— говори[illegible]
ьное сильное собрание»; «Жил-был купец, однажды
на охоту. Идет по крестьянскому чертежу — с идит
еленный»[71]. Даже само употребление тради-
[illegible] Д. С. Асламова весьма свое-
зно. Например, в сказке «Иван — кобылин сын»:
брые лошади аторвали 12 цепей, вылетели, бросилися
молодцам на белые груди..., брались за паводе,
ели на свет, слали коврики на коврики, сверх того чер-

ГБЛ. Архив М. К. Азадовского, тетр. 5, 9, 14.
Там же, тетр. 14.
Там же, тетр. 5
Там же, тетр. 4, 5.

рветца. [illegible] ї, наговаривали: шолк не
вет, бил [illegible] серебро в земле не ржа-
малые реки хвостом [illegible] алдиралися копи от земли.
меж ног пушшали. [illegible] большие горы, долы [illegible]
растане стоит столб, на столбе надпись надписана. [illegible] оне к растани, на [illegible]
Характерная, наиболее употребительная формула его сказок: «...оьют коней кость до кости, мозг до мозгу, алдираются копи от земли».

Язык сказок Д. С. Асламова поэтичный, образный, остроумный. Для повествовательной манеры сказителя характерна экспрессия, которая достигается как подбором лексики, так и определенными синтаксическими конструкциями: простыми двучленными предложениями, пе[illegible]

С. Асламов свои сказки обычно доводит [illegible] ского конца. Сказку «Оклеветанная дочь». [illegible] зитель заканчивает так: «Д[illegible] новатых людей — п[illegible] смерть, генерала разоолокли етова мальчишку оболокли: имей,— говорят,— [illegible] го дород, а он пушай твоим пользуется. От [illegible] тиле. Никакого им препятствия не де[illegible]

Д. С. А[illegible] натии на [illegible] тоянного [illegible] лестнице. [illegible] ловкостью вора. «шуль[illegible] которому [illegible] Поэтому [illegible] нец, гд[illegible]ется победа бедняка. Большинство сказок заканчиваются тем, что бывший бедняк оказывается богачом или получает «вечный кусок хлеба». Царь дал солдату, который его спас, «чин генералом, поить-кормить до скорти[illegible]ова солдата за то, что он сохранил

[illegible] ПБ. Архив М. К.
Там же, тетр. 4.

мужик был бедная...»

С. Асламова отличаются обилием бытовых

привело к

Байкал взялся»; предания о заселении

жизни поселенцев, о Степане Разине и др.[1]

[1] БЛ. Архив М. К. Азадовского, тетр. 4

Байкальские

многих людей слыхал и передаю их так, как про то другие ведали. Думаю, что каждое по-своему о правде говорит»[77].

Д. С. Асламов не просто передает, что слышал от других, но и высказывает свои соображения, сомнения или уверенность в правдивости предания. «Вот так-то [illegible] Байкал появился. Как я раньше от стариков слыхал, так и вам все порассказал. Может, то и на самом деле так было, старики напраслину нести не будут. Слыхал я от стариков еще и то, что когда Байкал появился, людей в то время здесь не было. А народ про то знал по своей мысли, как-то он должен был появиться, не с неба же Байкал на землю спустился»[78].

Особый интерес представляет его предание «Енисей и шаман». Произведение это занимает промежуточное положение между преданием и сказкой. По своей художественной форме это самое красивое предание Д. С. Асламова.

Такие сказители, как Д. С. Асламов и А. А. Шелихова сыграли огромную роль в развитии фольклорной традиции Тункинской долины, хотя творчество их составляет небольшую часть во всем объеме народного творчества края.

Из современных сказочников Тункинской долины типичен сказочник с. Тайторка Федор Иннокентьевич Семенчук. В 1959 г. Н. З. Ярневский записал от него сказки и несколько песен. В момент записи сказителю было 74 года. Ф. И. Семенчук логично, последовательно передает сюжет, но в его произведениях отсутствует традиционная сказочная [illegible] Только тогда, когда он использует традиционные концовки, они теряют сказочный колорит. Сказка «Иван-красавчик», например, заканчивается так: «...Устроили они свадьбу царскую, где угощали

---

[77] Байкальские предания, с. 13

[78] Там же, с. [illegible]

цаю их так, как про то дру-
дое по-своему о правде го-

передает, что слышал от
вой соображения, сомнения
и предания. «Вот так-то наш
ше от стариков слыхал, так
, то и на самом деле так
сти не будут. Слыхал я от
а Байкал появился, людей
народ про то знал по своей
появиться, не с неба же
[8]

яет его предание «Енисей
анимает промежуточное по-
казкой. По своей художест-
ивое предание Д. С. Асла-

Асламов и А. А. Шелихова
звитии фольклорной тьали
творчество их составляет
ьеме народного творчества

ов Тункинской долины
Федор Иннокентьевич Се-
кий записал от него сказки
г записи сказителю было
чно, последовательно пере-
дениях отсутствует тради-
Даже тогда, когда он ле-
зки, они теряют сказочный
нк», например, заканчива-
цьбу царскую, где угощали

всех. Я тоже угощался, но только угощение в рот так
попало»[79].

В сказках Ф. И. Семенчука еще больше, чем у его
нственников, выражен дух времени. Почти везде
роводит мысль о справедливом распределении мате-
льных благ. В сказке «Петя-петух» дед получает от
коров, лошадей, золото — все, что отобрал «Петя-
у первого слуги царя Скупожада. «Дед только
л делить всем собравшимся по корове, да по лошади
и понемногу золота. Оставил и себе лошадь, чтобы было
м дрова возить, да коровушку, чтобы было молочко.
л стали они жить да поживать»[80]. В сказке «Соль в пище»
царская дочь отказывается от наследства: «Раздели ты,
отец, свое царство бедным, пусть им будет легче жить,
уж привыкли жить своим трудом»[81].

Другой тип современного тункинского сказочника
представляет Варвара Яковлевна Бекетова, 1890 г. рож-
Ее репертуар состоит из волшебных сказок. Заду-
вной лирикой веет от ее произведений. Восприятию
собствует приятный тембр голоса сказительницы, риф-
анные сказочные формулы, часто ею употребляемые.
Сказки она переняла от матери: «У меня мать была, ой,
сказки рассказывала! Уж умерла-то ковды, давным-давно,
пятьдесят как ее нет. А я от нее переняла, а уж
ерь все потеряла... Мать моя сирота была, народ-то
м все рассказывал, она все и ловила, большие сказки,

Варвара Яковлевна прожила трудную жизнь, но полна
тимизма, любит шутки, прибаутки. «Двенадцать детей
дила, длинную жизнь прожила»,— говорит она о себе.
муж, участник трех войн, старый партизан, с юмором
бавляет: «Прожила жизни локоток, осталось жизни по-

Русский фольклор Тункинской долины, с.
Там же. с.
Там же. с. 217.
Записано автором в 1971 г.

[illegible] Три войны солдаткой была, двенадцать люлек каного с нез проливала»[83].

[illegible]вые от В. Я. Бекетовой И. З. Ярневский в 1959 г. [illegible] сказку «Ивашка-медведушка». Мы от не[illegible] записали две [illegible]нные сказки в 1969 г. и четыре — в 1971 г. [illegible] хорошо сохранили сюжет и [illegible] изеть, отличаются красочным, сочным языком, особенным ритмом.

[illegible] вы мои сыночки.
[illegible]ко мне, почуйте по почке.—

говорит умирающий отец своим сыновьям.

Для представления о сти[illegible] характерный отрывок. Три зайца, [illegible] лодцев, предстали перед девушкой один красивее [illegible]

[illegible] Они легли спать. Она добыла огня. Одного посмотрела — [illegible] расавец, другого [illegible] жина лепнула на голове. Он ей и сказ[illegible]

— Не [illegible] горами, за тремя полями, за тремя морями,— и исчез.

А потом Ванюшка приходит.

— Братец, ты мой братец, принеси мне три просвиры, три молота, трое сапог.

Он принес.

Вот она гору прошла, долу прошла, море проплыла, молот избила, просвиру изгрызла, сапоги износила. Потом стоит избушка [illegible] курьих ножках, повернулась [illegible] избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом, по-старому, как мать поставила.

Потом заходит в эту избушку, лежит Яга Ягишна из угла в угол:

— Фу, фу, русску коску видом не видывала, русску коску слы[illegible]ска коска сама пришла. Куда путь держишь? [illegible] Что ты, бабушка, не накормила, не напоила — вестей спросила»[84].

---

[83] Записано автором в 1971 г.

двенадцать люлек ка-

Н. З. Ярневский в 1959 г.
душка». Мы от нее
69 г. и четыре — в 1971 г.
т и традиционную обряд-
сочным языком, особен-

сыночки,
по ночке.—

сыновьям.
е сказочницы приведем
ца, превратившись в мо-
й один красивее другого.

ия. Одного посмотрела —
а у третьего от огня жемчу-
ал:

ми, за тремя пол

и мне три просвиры, три мо-

ла, море проплыла, молот из-
осила. Потом стоит избушка
и говорит:
лесу задом, ко мне перо-

ит Яга Ягишна из угла в угол:
у коску слы-
на путь держишь?
не напоила — вестей сыро

СССР, № 3274, папка 5.

Вторую сказку, на сюжет «Конька-горбунка», В. Я. Бекетова назвала «Про Иванушку, который пшеницу караулил». В ней сохранены традиционные формулы призыва и седлания коня. Нередко сказительница использует пословицы, поговорки, афоризмы. Иванушка просится с братьями, они ему отвечают: «Куды мы тебя возьмем? Богу на грех да людям на смех». Заканчивается сказка традиционным пиром: «Сделали пир да на весь мир, да я там была, да вино пила, да по усам текло, да в рот не попало. Все» [85].

Один из наиболее интересных современных сказочников Тункинской долины — Иосиф Трофимович Загребнев (1889 г. рождения). Пятилетним ребенком привезли его на Алтай из Пензы. Дед И. Т. Загребнева был бурлаком, знал очень много сказок; от него и от отца, тоже талантливого сказочника, перенял в основном репертуар Иосиф Трофимович. Развитию его сказительских способностей, а также постоянному пополнению репертуара способствовало его увлечение охотой и рыбалкой. «Ходит на рыбалку,— говорит о нем жена Мария Спиридоновна, — ночь. На той неделе пришли к нему звать в гости. Мы, дедушка, нам только сказки рассказывал, а мы в гости рыбы наловим и привезем». Иосиф Трофимович говорит: «Всю ночь не спал, которы уж спят, а я все рассказываю, рассказываю. Сказки-то длинные, за одну ночь ко-[illegible]» [86].

И. Т. Загребнев — сказочник-эпик. Рассказывает неторопливо, как бы рассуждая вслух, но постоянно останавливая рассказ. Паузы полны смысла — сказочник дает [illegible] решить и оценить ситуацию и т. д. [illegible] Он сказки не умрет, пересказы[illegible]

---

[85] Рукописный отдел БФ СО АН СССР, № 3274, папка 5, л. 139. Записано автором в [illegible]

рия Спиридоновна, явно гордясь мужем.— Надо бы коротко — рассказал [illegible] и выбросить можно было бы. Вот сразу длинные и получатся. На это Иосиф Трофимович отвечает: «Нет, [illegible] выбрасывать.

В его репертуаре — [illegible] просто «были», небольшие анекдоты.

Рассказывая, И. Т. Загребнев иногда переходит на повествование от первого лица. Таким способом сказке придается форма достоверного рассказа.

Очень удачно сказитель передает диалоги. Здесь и мимика, и интонация: например, передавая угрозу атамана в сказке о разбойнике, сказочник принял надменный вид, [illegible]

Иосиф [illegible] выразительно: понижает либо повышает голос, прикрывает глаза, [illegible] Он [illegible] неволько видят платочек, облитый кровью.

В героической сказке Н. Н. Ларионова рядом с традиционной образностью [illegible]

ь мужем.— Надо бы ко-
и все повторяет, да все
росить можно было бы.
ся». На это Иосиф Тро-
зыбрасывать».
кие сказки про Ивана-
отничьи рассказы и про-

иногда переходит на по-
ним способом сказке при-
за.
едает диалоги. Здесь и
передавая угрозу атама-
ник принял надменный
ы.
неторопливому Иосифу
Николаевич Ларионов
Тункинского района).
го репертуар состоит в
Рассказывает он очень
вышает голос, прикры-
Он как бы вслух раз-
но выразительны. Вот
его брата в сказке «Шы-
платочке кровь получи-
этот момент сказитель.
радальческим выражени-
и, в которых слушатели
кровью.
Ларионова рядом с тра-
ся юмористические сце-
орых вдруг оказывается
щены и местным коло-
ого он говорит: «А он
(показывает на гольцы.
р Николаевич человек

ный, любит шутку, хорошо поет. Про себя пропиче-
ал выразился: «Ясашна поварежка. Был дедушка бурят,
потом на русской женился, вот и получилось ортом»
(монг. ортома — помесь хайнака с монгольской коровой.—
Р. М.). Хорошо знает бурятский и монгольский языки:
«С молодых годов скота гонял, слов пять-шесть до де-
сяти скажет — я передаю, потом тот скажет — я пере-
даю».

Сказки И. Н. Ларионов рассказывать любит; мастер-
ству сказочника научился еще в молодые годы от деда,
у которого жил на квартире. «Я еще молодым был,— вспо-
минает сказочник,— был у нас старикашка, лет девяносто
ему было, табачок курил, водочку попивал, сказки рас-
сказывал. Я около него сижу, года два около него сидел.
Я неграмотный, а чтобы не забыть, я повторял, повторял
с ним, а потом спать лягу и вспоминаю. Одно слово
говоришь, а друго уж тут вспоминаешь. Как молитва од-
но за друго слово цепляется. Я как раз переехал к нему
на квартиру. Ему девяносто или поболе лет было. Бо-
рода больша-а-а — спрятаться можно было». Герои сказок
И. Н. Ларионова чаще всего рыбаки. «Смолоду часто
рассказывал, время провести надо, так начнешь бормо-
тать, все слушают. Раньше рыбачить ездил, так вечером:
„Кто сказки знает?“ — Ну и начнешь»[87].

Развитое народное творчество края явилось школой
мастерства для многих известных сказителей, в том числе
и для Е. И. Сороковикова-Магая. Коллективно выработан-
ная фольклорная традиция Тункинской долины послужи-
ла той почвой, на которой выросла его творческая индиви-
дуальность.

Родился Егор Иванович Сороковиков-Магай 7 апреля
1868 г. в с. Талое Тункинского района Бурятской АССР,
в семье охотника, музыканта-скрипача и сказителя. Грамо-
ту постиг очень рано, учил его отец, потом местный поп.

---

[87] Записано автором в 1971 г

[illegible] большинство,
[illegible] с десяти лет его уже знали как сказочника не только
дети, но и взрослые. «Мы вместе с ним пасли коров [illegible]
сколько лет,— вспоминает друг детства Магая В. В. Що-
белев,— и я хорошо помню, как он около огн[illegible]
варили [illegible] сидел с палочкой в руке [illegible] чертил и спокойно рассказывал о богатырях, которые одолевали моря и океаны, побарывали всех, кто стоял на их дороге. Нам было интересно слушать, книг в то время не было, в школах почти никто не учился. Верно, в ту пору я тоже много сказок знал, но рассказывал их с пятое на десятое, а Егор, как большой, умел поведать, что деется в тридевятом царстве, в тридесятом государстве. К нам часто в поле ребята приходили специально сказки послушать» [55]

К 20-ти годам репертуар сказителя был уже сформирован в своей основе. К этому времени определились интересы Магая, манера рассказывания, он стал общепризнанным мастером. Большую роль не только в творчестве, но и во всей жизни сказителя сыграли встречи его с учеными-фольклористами, поездки в Москву, Иркутск, Улан-Удэ, сотрудничество с другими сказителями, выступления [illegible] трудящимися и школьниками городов, сел. Вклад Магая в искусство народа велик. Он был принят в члены Союза писателей СССР. 13 марта 1948 г. Е. П. Сороковикову-Магаю было присвоено звание заслуженного деятеля искусств Бурятской АССР.

Умер [illegible] апреле 1948 г.

Все, кто знал Магая, отмечают, что человек он был очень интересный, большой знаток народной медицины, прекрасный охотник. Но собенно славился он сказками, преданиями, легендами, песнями, музыкой. До сих пор вспоминают о нем односельчане с восторгом. «Удивляюсь, что за [illegible]

---

[55] Сказки и предания Магая, с. [illegible]

И. И. Сороковиков, житель с. Талое.— Веселый старик был, очень веселый. Ч[illegible] за память была! Хороший был [illegible]ник шибко. Хорош[illegible] охотник был, на все был мастер, [illegible]ляр, плотник, все-все мог делать. Охотился, через ка[illegible]е Саяны переходил пешим, интересовался шибко охо[illegible]. «По тому времени исключительно передовой че[illegible]. Редко у кого там были библиотеки. Он покупал [illegible] сельскому хозяйству книги, лечил на народ[illegible]й основе»[90],— говорит о Магае жительница с. Кочки Л. Н. Шубина.

Начитанность, бывалость, весь образ жизни выделяли [illegible] общей массы односельчан. Он часто бывал в [illegible] общался с интеллигенцией, сопровождал земле[illegible]мерческие экспедиции, служил проводником в [illegible] это еще в начале века. Охота его привлекала не [illegible]лько своим промыслом, сколько поэзией. Сельско[illegible]йством занимался не [illegible] только, чтобы прокор[illegible] все по лесу любил бродить. Там всякие ягоды и травы [illegible]бирает, ходит. Охотиться он не охотился, как его отец, [illegible]ак просто какая-то страсть у него была ходить в лес. [illegible] лечить. [illegible]х лекарственных хорошо [illegible]

[illegible] ин вспомина[illegible] первую очередь отме[illegible] к книге, это [illegible] редким явлением, чтобы [illegible] малограмотный крестьянин имел библиотеку. Магай — человек был просто удивительный. Он много [illegible] книг был целый шкаф и [illegible] — вспоминает известный тункинский сказит[illegible]

[illegible] Записано автором в 1968 [illegible]

[90] То[illegible]

[illegible] То же.

И. К. Бекетов.— У него книг много было, не меньше полсотни»[92]. О разносторонности его интересов говорит подбор книг: здесь были книги по луговодству, пчеловодству, был домашний лечебник, были классики русской литературы и почти все лубочные издания сказок.

М. К. Азадовский в полевом дневнике отметил во время встречи со сказителем в 1925 г.: «Среди его книг я видел целый ряд приложений к „Северу“ и „Родине“. Ему известны имена Пушкина, Ершова. Он читал Вл. Соловьева. Читал Фламмариона»[93].

Сосед Магая Г. А. Нефедьев рассказал, какие книги были у сказителя в последние годы,— это Пушкин, отдельные выпуски Конан-Дойля, «Хижина дяди Тома», «Князь Серебряный». «„Сказку о царе Салтане“ Магай знал наизусть всю. Культурный он был. Все новинки у него первого: патефон, скрипка, баян, гитара. Хорошо на гитаре играл. Отец рассказывал, что он прожил так, что у него была одна корова, одна лошадь, не утруждал себя скотом. Манера в разговоре у Магая очень интересная, лишнего ничего не было, все к месту, так красиво говорил, и культурное произношение.

Удивительно, в деревне вырос, никто бы не поверил, что здесь рос, настолько красиво говорил, увлекательно. Как-то находил дорогу к каждому сердцу, и с большим и с малым, с маленьким по-детски, как равный с равным, все его могли понимать»[94]. Все эти свидетельства тем более для нас интересны, что записаны двадцать лет спустя после смерти сказителя.

Собиратели фольклора неоднократно отмечали [illegible] чительность сказителей, они выделялись своими умственными способностями и художественным дарованием. Случалось, что их считали за колдунов, колдуном [illegible]

[92] Записано [illegible]м в 1968 г.

[93] ГБЛ. Ар[illegible] М. К. Азадовского. «Поездка в с. Бл. [illegible] 15 июня 1925 г., 27—28 июня 192[illegible]

[94] Записано в 196[illegible]

го было, не меньше пол-
интересов говорит под-
говодству, пчеловодству,
лассики русской литера-
ия сказок.

невнике отметил во вре-
б г.: «Среди его книг я
к „Северу“ и „Родине“.
ршова. Он читал Вл. Со-

рассказал, какие книги
ы,— это Пушкин, отдель-
Хижина дяди Тома»,
о царе Салтане“ Магай
л был. Все новинки у не-
, гитара. Хорошо на ги-
го он прожил так, что
ыпадь, не утруждал себя
агая очень интересная,
есту, так красиво гово-

никто бы не поверил,
говорил, увлекательно,
у сердцу, и с большим
, как равный с равным,
эти свидетельства тем
записаны двадцать лет

кратно отмечали исклю-
тялись своими умствен-
енным дарованием. Слу-
дунов, колдуном звали

Поездка в с. Бл. Хобок, 14–

Е. И. Растригина — сказочника с. Старая Тойда Воронеж-
ой губернии, считали колдуном брата Е. И. Магая,
сказочника — Ивана Ивановича, потому что он при-
таинственность своим знаниям народной медицины.
отличие от него, Егор Иванович при лечении не при-
вал магического характера своим действиям, но еще
и жизни ходили о нем разные небылицы, им теперь
е никто не верит, некоторые, сохранившись до сего
мени, превратились в легенды, предания[95]. В одной
енде говорилось, что там, где жил Магай, «ночью не
езжали люди: лошади сами распрягались, дуги летели
стороны»[96]

По свидетельству старожилов, не было ни одной свад
ы, где бы ни присутствовал в качестве почетного гостя
агай. Объяснялось это тем, что он был человеком ве-
«Очень был общительный человек, играл на
на баяне, на таре. Шутки, прибаутки его, пес-
кали людей, без него веселье не было весель-

Восхищение этим необыкновенным человеком, удивле-
е и даже недо[illegible]ываемые способностями Ма-
, явились источником [illegible]еданий о нем.

Магаю приходилось рассказ[illegible] в разной об
новке: у себя дома, у сосед[illegible] на охоте, на
льнице. Как почитали с[illegible]сказывал сам
агай.

Приезжаешь на мельницу — даже принимают мешки мне-ка
огать.

Он седни будет рассказывать сказки.

И пускали через о[illegible]

— Смелем тебе, только говори сказки нам!

---

[95] См.: Элиасов Л. Е. Сказки и предания Магая, с. 5—6.

[96] Записано в 1968 г. от Будажапа Дамбаевича Машкинова, [illegible]28 г. рождения.

[97] Записано в 1968 г. от Л. Н. Шубиной.

Вот таким путем много приходилось сказок говорить. Но и на промыслу (на охоте) [illegible] товарищами приходилось говорить много. Ночь длинная, осеновская. Делать нечего. Начинаешь сказки говорить — и у них настроение повышается [illegible]

[illegible] было [illegible] по охоте, в [illegible] Шелковников.— [illegible] ни приходи[illegible] чтобы Егора просл[illegible] источники, которые непосред[illegible] Магая? Это, прежде всего, семья. [illegible] й в отчете о поездке в Тунку в 1925 [illegible] бесед (с жителями [illegible] селений.— [illegible] (Нижний Хобок) целой семьи [illegible] вны Нефед[illegible] братьев [illegible] Сороковиковых»[100]. Любовь к устному [illegible] Ивановичу, его сестре и брату привили [illegible] ть, великолепные сказочники, знатоки ле- [illegible] и преданий. Поэтическая атмосфера в семье способ- [illegible] вала эстетическому восприятию мира, воспитывала [illegible] венное чутье, любовь к эпическому слову, к остроумному афоризму. «Отец Сороковиковых был, видимо, замечательный носказатель. Он великолепно рассказывал также и бурятские сказки на бурятском языке. Старики буряты по сию пору вспоминают его». Об отце говорит и Марфа [illegible] На [illegible]

[illegible] крае.— «Сибирская живая старина». Иркутск 1926 [illegible] 171.

[illegible] Архив М. К. Азадовского. «Поездка в с. Бл. Хобок 14—15 июня 1925. 27— [illegible]

[illegible]нове и у попа», «Встреча [illegible]ьника». «Большие, длинные сказки это отцовск[illegible] не запомнишь, [illegible] прослушаешь раз, [illegible] как очень трудно. Отец часто рассказыва[illegible] был. Но у него — [illegible]а,— сокрушенно [illegible]мечает [illegible] — [illegible]-то [illegible]оспоречив[illegible] выходило. Очень красноречивый был про[illegible] в меня» [102].

Не только мас[illegible]рство рассказчика [illegible] репертуар передал [illegible]дущему сказителю отец, но и привил ему любовь к чтению. Сам был он человеком начитанным. «Рассказ[illegible] о [illegible]стерстве старика Со[illegible],— [illegible] М. Д. Аз[illegible]ий,— я слышал не только в его семье, но и от многих посторонних лиц. Все [illegible] [illegible]амотность... Некоторые [illegible] одного из его сыновей я [illegible]писанную некогда ста[illegible]ком сказку Ершова [illegible]

Впоследс[illegible] [illegible] [illegible] [

вости. За два дня, что мы прожили там, не слышно было ни одного окрика, ни одного шлепка, зато много постоянной, будто мимоходом, ласки». «Бабушка (Марфа Ивановна.— *Р. М.*), по словам всех, мастерица сказывать сказки. Сказки частью она переняла от отца — крещеного бурята, который был большим мастером сказывать. Посказателем является и брат ее — Егор Иванович»[105].

Встретил М. К. Азадовский и брата — Ивана Ивановича. Это был мастер короткой сказки-новеллы, сказки-анекдота. О нем до сих пор живы среди тункинцев воспоминания.

Так семья, будучи талантливой хранительницей лучших фольклорных традиций края, явилась первой школой сказительства для Магая.

Развитию его таланта способствовала и дружба с другими одаренными сказителями. На творчество Магая оказал огромное влияние его товарищ по охоте — Матвей Шубин из с. Шимки. От него Магай перенял многие волшебные сказки. Предания, легенды, сатирические сказки тот не признавал, любил рассказывать длинные сказки, некоторые из них тянулись целую неделю. Он был первым, кому сказитель сдал экзамен на мастерство, поведав сказку «Самойло Кузнецов». «Шубину сразу понравился мой рассказ,— вспоминал впоследствии Магай,— и он мне посоветовал говорить медленнее. Меня это как-то сразу окрылило, и на другой год я от него же перенял сказку „Иван-царевич и Алихон-богатырь“. Верно, в моем пересказе она намного короче, чем ее рассказывал Шубин»[106].

Большое значение для творчества сказителя имело непосредственное общение с бывшим солдатом, Игнатом Прокушевым, знатоком преданий, бывальщин, сказок. От него Магай перенял сказки «Кузнец и поп», «Курдучок», «Золотильщик бороды».

---

[105] ГБЛ. Архив М. К. Азадовского, тетр. 1.
[106] Сказки и предания Магая, с. 12.

ли там, не слышно было
ика, зато много постоян-
«Бабушка (Марфа Ива-
мастерица сказывать
ла от отца — крещеного
тером сказывать. Поска-
Иванович»[105].
брата — Ивана Иванови-
ки-новеллы, сказки-анек-
еди тункинцев воспоми-

ой хранительницей луч-
я, явилась первой шко-

твовала и дружба с дру-
а творчество Магая ока-
щ по охоте — Матвей
гай перенял многие вол-
ды, сатирические сказки
зывать длинные сказки,
ю неделю. Он был пер-
на мастерство, поведав
убину сразу понравился
ствии Магай,— и он мне
Меня это как-то сразу
его же перенял сказку
ь". Верно, в моем пере-
рассказывал Шубин»[106].
гва сказителя имело не-
ним солдатом. Игнатом
й, бывальщин, сказок.
Кузнец и поп», «Бурду-

етр. 1.

Интерес к книге, стремление к знаниям сблизили сказителя с ссыльным Григорием Савельевичем Каратаевым, который имел хорошо подобранную библиотеку. Здесь были книги по медицине, астрономии, лубочные издания сказок. Некоторые из них были подарены Магаю. Книги обогатили его сказочный репертуар, сыграли роль в создании образов героев, помогли в разработке многих тем и сюжетов.

Магай много ездил по Тункинской долине и другим районам Забайкалья и Прибайкалья, встречался со сказителями других национальностей, пополнял свой репертуар. Некоторые произведения фольклора сказитель воспринял из эвенкийского и бурятского народного творчества.

Е. И. Сороковиков-Магай говорил, что отец учил его не только умению рассказывать, но и слушать. И действительно, сказитель умел хорошо слушать не только признанных мастеров-исполнителей, но и начинающих сказителей. У него никогда не было и тени зазнайства, хотя, как отметил после первой встречи с ним М. К. Азадовский, «держался с замечательным достоинством. Достоинство видно и в манере разговора»[107].

Многих вдохновил Магай на творчество. Будучи чутким к поэтическому слову, он первый рассмотрел в И. К. Бекетове способности к рассказыванию преданий, поощрял его. И. К. Бекетов перенял от Магая предания о Койморских богатырях, про источники Аршана. «Он мне еще говорил: „Вот у нас богатыри какие, ты соображай...“; начнет рассказывать, его не проси, сам рассказывает, что-нибудь разговор зайдет, вот так и начнет. Чтобы это не потерять, он и рассказывает, а когда рассказываешь, то в память врезается»[108].

Тункинцы вспоминают о Павле Федоровиче Иннокентьеве — ближайшем ученике Магая, который часто слушал

[107] ГБЛ. Архив М. К. Азадовского, тетр. 1.
[108] Записано автором в 1968 г.

сказателя, а потом рассказывал своим сверстникам. «Павел Федорович приходил в село и говорил: „Я слышал новую сказку от Егора Ивановича“ — и мы все собирались и всю ночь просиживали и слушали»[109].

Много сказок переняли от Магая Осип Николаевич Сороковиков, Николай Харитонович и Алексей Харитонович Сороковиковы. «От Харитоновских все хорошие сказители, а больше всех сам дедушка Харитон,— свидетельствует А. Н. Пантелеев.— О нем слава такая шла, что мастер сказки. А вот, например, Шехин тоже часто слушал Магая, но пересказать не умел»[110].

Не каждому дано стать сказочником, какую бы школу он ни прошел. Рассказывание сказки — особое мастерство, доступное одаренным людям. Понимали это слушатели Магая, понимал и сам сказитель. Он никогда не считал сказку бездельем, рассказывал ли сам, слушал ли в исполнении других. У него выработался к ней профессиональный интерес, от услышанного произведения он испытывал радость, его тянуло к другим исполнителям. Он постоянно работал над сказкой, совершенствуя свое мастерство.

Магая всегда окружали люди, односельчане удивлялись его энергии. Ходил он быстро, мелкими, частыми шажками, чуточку ссутулившись. По свидетельству односельчан, много народу вокруг себя не собирал, но в окружении нескольких человек, истинных любителей художественного слова, у него получалось лучше.

Сын друга Магая Г. А. Нефедьев вспоминает, что сказитель был частым гостем в их доме, его любили и всегда с нетерпением ожидали. «Обычно раньше почти до утра сидели, он все рассказывал сказки, последнее время рассказывал новые... Вообще он умел говорить увлекательно, заслушаться можно было, умел он завоевать вни-

---

[109] Записано автором в 1968 г. от А. Н. Пантелеева.
[110] Записано автором в 1968 г.

оим сверстникам. «Па-
л говорил: „Я слышал
л" — и мы все собира-
ушали»[109].

гая Осип Николаевич
ич и Алексей Харито-
вских все хорошие ска-
а Харитон,— свидетель-
слава такая шла, что
Цехин тоже часто слу-
л»[110].

ником, какую бы школу
казки — особое мастер-
Понимали это слуша-
итель. Он никогда не
ли сам, слушали в
ботался к ней профес-
го произведения он пе-
гим исполнителям. Он
овершенствуя свое ма-

носельчане удивлялись
ними, частыми шажка-
етельству односельчан,
рал, но в окружении
ителей художествено-

дьев вспоминает, что
х доме, его любили и
ычно раньше почти до
азки, последнее время
умел говорить увлека-
мел он завоевать вни-

. Пантелеева.

мание, новые сказки рассказывал очень интересно». Еще запомнилось Г. А. Нефедьеву, что вместе с Магаем приходил Г. Е. Сизых. Так и сидели все вместе — отец, Магай и Григорий Сизых и рассказывали. «Много они о старой жизни говорили, часов до 3-х до 4-х. Обычно гонят спать, не хотелось уходить, а иногда наслушаешься, так страшно спать идти»[111].

Имеется множество свидетельств тому, что Магай [illegible] вали как встречи, олимпиады, состязания, устраиваемые общественными организациями, так и личные контакты. Высокую оценку творчеству Магая давала прославленная красноярская сказительница Е. И. Чичаева. «На своем веку мне много приходилось сказочников слушать, немало преданий от разных людей я слыхала, но такого мастера, как Магай, мне не приходилось встречать. Умел он на людей действовать, люди слушали его как завороженные, а это не всякому дается. Магай — бывалый человек был, он от людей и учился и сам им свое передавал»[112].

Слушая Магая, сказители улавливали основное, что делало его сказки прекрасными, интересными, видели, как преображаются произведения, рассказанные ими Магаю, в устах этого большого мастера, учились у него, прислушивались к его совету. Одному он советовал, как можно бурятское или эвенкийское произведение приспособить к русским слушателям, другого учил пользоваться поэтическими средствами в условиях временных рамок, третьего — как рассказывать предания, четвертый благодаря Магаю значительно пополнял свой репертуар.

Л. Е. Элпасов приводит интересные высказывания [illegible] Г. А. Прасолова, В. Р. Гурьянова, Г. М. Шелков-

---

Записано автором в 1968 г.

[112] Сказки и предания Магая, с. 55.

никова и других [113], где они говорят о том влиянии, которое оказал на их творчество Магай. «Я на 13 лет старше Магая,— говорил, например, Г. М. Шелковников,— он меня за старшего брата считал, а я его за своего учителя почитал» [114].

В письме к Магаю другой сказитель — В. Р. Гурьянов писал: «Те сказки, что я тебе рассказывал, „Про Ивана — купеческого сына", „Про хитрого мужика" и „Про брата и сестру", хочу переделать и немного по-другому рассказать, ты их как-то складнее говоришь». А в личной беседе с собирателем В. Р. Гурьянов признавался: «Меня тоже люди слушают, но я против Магая как бы за ученика иду» [115].

Не только своими сказками известен Магай, его помнят и как знатока устных рассказов, легенд и преданий из истории Восточной Сибири, пословиц и поговорок. Славился он по всей Тункинской долине как прекрасный музыкант и исполнитель народных песен. Магай обладал тонким слухом, рано выучился игре на скрипке, в этом ему помогли отец, слывший по округе за самого замечательного музыканта-скрипача [116], и сосед, ссыльный Никита, по прозвищу Верзила. Лет с пятнадцати сказитель не только легко аккомпанировал матери и сестре, но и сам был большим песенником. В памяти современников сказителя живы воспоминания о том впечатлении, которое производили музыка Магая и его пение.

Более ста песен записал Л. Е. Элпасов от Е. И. Сороковикова-Магая, среди них шуточные и плясовые, лирические песни о любви и разлуке, старинные солдатские песни, хороводные, обрядовые, песни о женской доле.

Большое место в его репертуаре занимают так называемые песни литературного происхождения («Из-за острова

---

[113] [illegible]ания Магая, с. 54—63.

[114] [illegible]

[115] [illegible]

[116] [illegible]

т о том влиянии, кото-
«Я на 13 лет старше
Шелковников,— он ме-
его за своего учителя

азитель — В. Р. Гурья-
рассказывал „Про Ива-
рого мужика“ и „Про
и немного по-другому
говоришь». А в личной
ов признавался: «Меня
Магая как бы за уче-

тен Магай, его помнят
легенд и преданий из
ц и поговорок. Славил-
как прекрасный музы-
сен. Магай обладал
ре на скрипке, в этом
руге за самого замеча-
сосед, ссыльный Ники-
пятнадцати сказитель
матери и сестре, но и
памяти современников
ом впечатлении, кото-
го пение.
Элиасов от Е. И. Соро-
ие и плясовые, лирече-
пные солдатские пес-
женской доле.
занимают так называ-
кдения («Из-за острова

8.

стрежень», «Точно море в час прибоя», «Шумел, горел пожар московский», «Ревела буря, дождь шумел»), песни о Степане Разине, Емельяне Пугачеве, Ермаке, Суворове и Кутузове, о героях гражданской войны Павле Журавлеве, Федоте Погодаеве. Интересно проследить, как менялся песенный репертуар Магая на протяжении лет. Г. Виноградов, характеризуя состав песен в 1927 г., писал: «Его репертуар, выполняемый на скрипке, состоит две польки, краковяк, малороссийского казачка. Гаем, гаем..., По улице мостовой..., камаринского. Пошла я на реченьку..., Во саду ли, в огороде..., Сени мои сени..., Ах Кубанцы— [illegible] ... [illegible] царский воевода..., За реченькой слободушка стояла..., Ваня разудала голова..., Как по улице мóлодец идет..., [illegible] свадьбишны песни»[117]. В последние годы жизни сказителя, как отмечает Л. Е. Элиасов, в его репертуаре преобладали песни гражданской войны: «На коне вороном выезжал партизан», «Гой ты, грозная, дремучая тайга», [illegible] рабочий, война началася», «Не вейтеся, чайки, над морем», «Во селенье, в крестьянской избушке», «Ах, поля, вы поля», «Вот вспыхнуло утро, мы Сретенск заняли», «[illegible] доля, злая доля, доля Колчака», «Белая армия, [illegible] барон»[118] и др.

Песни и музыка Магая доходили до глубины души, заставляя людей радоваться и грустить, смеяться и плакать; тонкое музыкальное чутье Магая, лиричность исполнения делали их еще прекраснее. Сам Егор Иванович говорит: «Пою и сам думаю: вот здесь мой сосед Прокоп на этой половице такого трепака давал, что балал[illegible] у меня в руках дребезжала, а тут вот под мою песню сестра

---

[7] Виноградов Г. Из записок фольклориста. Музыканты в Тункинском крае.— «Сибирская живая старина», Иркутск. 1926 вып. I(V), с. 38—[illegible]

[118] Сказки и предания Магая, с. 20.

Марфа чуть не плакала [illegible]

[illegible] человека действует [illegible]

громко играть [illegible]

ОЙ, она потом по-своем [illegible]

и рассказывает [illegible]

Сказ[illegible] Тугарина [illegible]

[illegible]ономерность. Т[illegible]

давалось по наст[illegible]

Е. А. Тугарина от бабушки [illegible]

[illegible] М. Д. [illegible]

[illegible]ушины, отсюда и прочность традиц[illegible]

[illegible] в разное время различными собирателями

[illegible]Л свидетельствует о богатстве тункинского фольк[illegible]

клора, который, являясь частью оонгодухского [illegible]

[illegible]ра, имеет свою сложн[illegible]ся многолетнюю тра-

кции.

Здесь были развиты все жанры фольклора, но следы

местной [illegible] сохранено [illegible]

[illegible] на по своей [illegible]

Олее свободна, чем другие фольклорные жанры, она лег-

ко [illegible] изменениям. Жизнь времени

[illegible] содержание сказки, но и в

[illegible]

[illegible] для тункинского, все же можно гово

рить о своеобразии тункинских сказок. Они носят на со-

бе следы соприкосновения с фольклором [illegible]

[illegible] который оказал влияние

как на форму произведений, так и на содержание. Многи

Сказки и предания Магая, с. 27

и сказоч-
то же вре-
с современностью, насыщенным быто-

на-

и репертуара

венное изу

ВОЛШЕБНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЕ СКАЗКИ МАГАЯ

ТРАДИЦИОННАЯ ОБРЯДНОСТЬ

Волшебно-фантастические сказки Е. И. Сороковикова-Магая включали в себя большинство русских классических сказочных сюжетов. Сохраняя основные очертания традиционной волшебной [illegible], [illegible] Магая [illegible] тенденции в этом жанре, тенденции, которые постепенно становятся традиционными. Оригинально разрабатывая известные и малоизвестные сюжеты, контаминируя их, сказитель создал большие сказочные полотна, представляющие собой стройную композиционную систему. Внутри произведения все сюжеты и мотивы логически связаны между собой, многочисленные вставные эпизоды органично входят в текст. Часто повествование ведется по двум сюжетным линиям (например, в сказке «Иван Лазаревич» — сюжеты Ивана Лазаревича и Кощея). Иногда отдельные эпизоды настолько подробно разработаны, что могли бы составить самостоятельное произведение. Так, описание поездки героя на подвиги, входящее в сказку «Иван-царевич и Алихон-богатырь», составило самостоятельный сюжет в сказке «Самойло Кузнецов».

Во многих сказках встречаем одинаковые мотивы, но их отличает своеобразие в разработке. По-разному излагается, например, встреча со старухой, выбор коня в сказках «Иван-царевич и Серый волк» и «Иван-царевич и Алихон-богатырь» (запись 1925 г.).

ИЕ СКАЗКИ МАГАЯ

ЯДНОСТЬ

и Е. И. Сороковикова-
тво русских классиче-
г основные очертания
роизведения Магая от-
анре, тенденции, кото-
дными. Оригиналь-
вестные сюжеты, кон-
большие сказочные
ройную композиционо-
все сюжеты и мотивы
точисленные вставные
Часто повествование
(например, в сказке
Ивана Лазаревича и
ы настолько подробно
зить самостоятельное
ки героя на подвиги.
и Алихоп-богатырь»,
сказке «Самойло Куз-

знаковые мотивы, но
ке. По-разному изла-
ухой, выбор коня в
к» и «Иван-царевич

Удел сказки — устное бытование. Она живет в момент исполнения, записанный текст дает лишь словесное представление о произведении народного искусства. В создании образов участвует не только слово, но и жест, и мимика, и голос исполнителя. Поэтому эстетическое воздействие устной сказки на слушателей несравненно сильнее, чем книжной — на читателя. Интересно, что через двадцать лет после смерти Магая его односельчане хорошо представляли его манеру рассказывания, не всегда помня сюжет. Так, Л. Н. Шубина, Д. Д. Игнаев и Д. Б. Халангуева вспомнили один вечер под Новый год, когда Магай рассказывал, что происходит в лесу в [illegible] ночь. Ни один из них не мог вспомнить сюжет ска[illegible] но все очень ярко передавали, как сказитель изображал [illegible] ей, хотя жестом и мимикой Магай как будто пользовался очень мало.

Усваивая сюжет, поэтические приемы, начинающий сказитель вырабатывает и свою манеру сказывания. Тон, мимика, жесты могут меняться в зависимости от сод[illegible]жания, от обстановки, но они все же являются хара[illegible]ными для того или иного сказочника. Манера исполнения связана, несомненно, с характером человека, но немаловажное значение имеет влияние и пример того, о кого перенимаются сказки.

Каждый сказочник обладает своими, присущими [illegible] драматическими приемами, которые обычно с[illegible] не только рассказываемому сюжету, но и [illegible] сказывания, выработанной под влиянием всего ск[illegible] репертуара, а также местной традиции. В этом смысле интересно свидетельство тулкинского сказителя Д. С. Асламова: «Я шибко длинные сказки не любил, мне по душе короткие да смешные, больше по натуре [illegible] да и говорить я тихо не могу, да сидеть мне не подходит. Вот и выбирал я, какие сказки рассказывать, чтобы ходить можно было и руками разводить и лицом показывать. Магай мне постоянно говорил, что я только балагурю,

и мои сказки не признавал, а потом как-то и к ним при-

Подпруги были — шелк шематинский, шелк не рвется, булат не гнется, чистое серебро в грязи не ржавеет». Иногда дается сокращенная формула седлания: «Напоил, оседлал [illegible] берет он саблю вострую и копье долгомерное, [illegible] чистое поле — широкое раз- [illegible] 1925—1927 гг. эта формула встречает- [illegible] всего полностью, иногда она имеет продолжение: [illegible] садится он, вскакивает на своего доброго коня, бьет [illegible] по крутым бедрам, срывает мясо с костей, и [illegible] он в чистое поле добрых людей посмотреть и сам [illegible] показать»[7]. Поэтической формулой передает Ма- [illegible] движение коня: «Он бежит так — только земля [illegible] ушей пламя пышет, а из ноздрей дым стол- [illegible] каво кривые избы — валятся, а худые печи — [illegible].

[illegible] менее употребительны и типичные фразы персо- [illegible] «Фу-фу-фу! Русской кости видом не видано, [illegible] не слыхано, а теперь русская кость сама во двор пришла»,— говорит Буй-волк, почуяв Ивана-царевича[9]. «Что ты, Буй-волк, не накормил, не напоил да вестей спросил»,— другая характерная речь.

Как правило, многие традиционные сказочные фор- [illegible]лы не играют никакой роли в развитии сюжета, не [illegible]яют на содержание сказки, цель их — сосредоточить [illegible] разрядить его, связать отдельны [illegible] [illegible]ия и т. д. Магай пользуется ими весьма [illegible] [illegible] связанные с конкретным содержанием, [illegible] [illegible]ную форму, приобрели [illegible] [illegible] оттенок. Например, переходные фразы «Близко ли далеко ли, низко ли высоко ли», «Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается» порой теряют свое основное назначение быть связующим звеном отдельных эпизодов

[illegible] ГБЛ. [illegible]хив М. К. Азадовского, тетр. 1.

[illegible] Сказки и предания Магая, с. 73.

повествования и приобретают конкретное содержание: «Долго нам плыть?» — начали спрашивать Иванушку куческие сынки. А Иванушка головой покачивает и говорит: «Скоро сказка сказывается, да не скоро дело елается»[10].

Общие формулы, постоянные эпитеты, сказочные сравнения употребляются, обычно не разлагаясь на отдельные компоненты. Магай нередко их использует, вкладывая смысл в каждое слово, благодаря чему становятся возможными различные вставки и вариации. Например, застывшая формула: «в саду были птички райские и пели песни царские» в сказке Магая внезапно оживает, превращаясь в живую картинку: «Когда шли ко дворцу, то подходили к чудесному саду, и тут всевозможные райские птицы летали, порхали и пели песни царские»[11].

Наряду с традиционными сказочными формулами Магай использует и собственные: «Слышу твои вздохи, вижу твои слезы»,— с этими словами обычно обращается герой к возлюбленной, страдающей по своему суженому; при долгожданной встрече героев «радости их не было конца». «Я тебе доброго хочу и разу[illegible]у»,— говорит, например, Серый волк Ивану-царе[illegible]. Для определения душевного и физического состояния ге[illegible] ребляет формулы: «Стал одолевать его страшный стон, вод думат, вод упаду и сичас и умру с голоду. Вот и стали даже [...] мирещиться ему в глаза»[12] («Иван-царевич и Серый волк»); Найден-Попович «сидит в темнице месяц, другой, третий, и стал его одолевать голод, страшная истома и смерть мерещилась в глазах»[13]; Протуней-прапорщик «шел одиннадцатый день. Ноги перестали ему служить, и он почувствовал слабость, страшную истому

---

[9] Сказки и предания Магая, с. 252
Там же, с. 93.
ГБЛ. Архив М. К. Азадовского, тетр. 1
[12] Сказки и предания Магая, с

и смерть мерещилась в глазах»[14]. Эти формулы сохраняются во многих сказк[illegible]

Сказочная обрядность четко сохранилась в зачинах и концовках сказок Магая. Очевидна связь зачина с концовкой и содержанием. Сказка, насыщенная волшебными элементами, целиком выдержанная в традиционном стиле, с широко представленной сказочной обрядностью, начинается обы[illegible]но так: «За тридевять земель, в тридесятом царстве...», «В некотором царстве, в некотором государстве...» Заканчивается такая сказка традиционно свадебным пиром: «Пир был задан на весь мир. Я там бы[illegible]л, мед-пиво пил и огурцами [illegible]усил», «Там вино рекой лилося, даже выпить мне пришлося, по усам текло, а в рот не попало», «После свадьбы Протупей-прапорщик стал жить с царевной, жить да поживать да добра наживать».

Есть и другой тип зачина: «В одном городе жил купец», «В одной деревне был хороший охотник», «В одной деревне жил священник». Такие сказки насыщены быто[illegible] в них усилен социальный момент, подчеркнута связь с сов[illegible] концовки их лишены традиционности: «Не[illegible]ческий сын женился на дочери крестьянина и стал жить своим трудом и прожил до глубокой старости», «Учинили они хорошую свадьбу, погуляли на этой свадьбе все друзья, все соседи. Жили они после этой свадьбы до глубокой старости», «Найден-Попович выбрал себе в деревне невесту — дочь крестьянина и женился на ней. Стал он жить да поживать и добра наживать. Жили они дружно и хорошо до самой глубокой старости».

Традиционная сказочная обрядность выражается в буквальных повторениях целых эпизодов в рассказах героев о своих приключениях. Так, в сказке «Иван-царевич и Серый волк» (запись 1925 г.) Иван-царевич при встрече с волком, царем Далматом, Рафлетом, Якутой Прекрас-

---

Сказки и предания Магая, с. 140.

Эти формулы сохраня-

хранилась в зачинах
а связь зачина с кон-
лщенная волшебными
в традиционном стиле,
обрядностью, начина-
ть в тридесятом цар-
ктором государстве...»
ционно свадебным пи-
Я там был, мед-пиво
о рекой лилося, даже
о, а в рот не попало»,
к стал жить с царев-
ивать».

одном городе жил ку-
й охотник», «В одной
азки насыщены быто-
альный момент, под-
концовки их лишены
ын женился на доче-
трудом и прожил до
хорошую свадьбу, по-
все соседи. Жили они
ости», «Найден-Пono-
-дочь крестьянина и
а поживать и добра
но до самой глубокой

ть выражается в бук-
в в рассказах героев
ике «Иван-царевич и
-царевич при встре
ром, Якутой Прекрас-

ной рассказывает свою историю, все, что с ним случилось с момента расставания. Серый волк повторяет до мельчайших подробностей, как он спас Ивана-царевича.

Магай при повторении умело использует стилистическое богатство языка. Например, трехкратное обращение Федора-царевича к Ивану-царевичу с просьбой помочь ему, каждый раз излагается Магаем по-разному.

Первый раз: «Федор-царевич испугался, стал искать помощи и обратился к брату Ивану-царевичу: „Родимый ты мой брат, не поможешь ли ты моему горю? Жена моя в корень меня заела“».

Второй раз: «Федор-царевич испугался, опять прибегает к своему брату Ивану-царевичу: „Братец ты мой родимый, избавь меня от этой напасти“».

Третий раз: «Федор-царевич закручинился, запечалился, горячими слезами заливается. Увидал он своего брата родимого Ивана-царевича и стал ему кланяться и просить, чтобы еще помог ему в горе: „Опять злая жена заела меня, угрожает лютою смертью, да такой, что никто не придумает, и велит мне достать от Буй-волка меч-кладенец“».

Исследователи сказки уже отмечали, что, несмотря на вариативность, сказочный сюжет и поэтика имеют устойчивый характер. Сказитель сам не решается нарушить традицию, чувствуя, например, длинноты сказки, исполнитель не решается произвольно сократить ее, убрать повторяемость, трехкратность.

Жизнь вносит свои изменения. На посиделках, в охотничьем зимовье в длинные зимние вечера или на мельнице в ожидании очереди эстетическим запросам слушателей отвечала сказка длинная, с запутанной фабулой. Чем сложнее, неправдоподобнее сюжет, тем интереснее сказка. Многие элементы замедляли действия, усложняли ход событий — это и трехкратное дословное повторение [illegible] элементов.

Изменился ритм жизни, исчезла типичная для рассказывания сказок обстановка, и сказочник невольно приспосабливается к требованиям времени, к обстоятельствам, отличающимся от некоторых [illegible]. Это видно из сопоставления сказок Магая в записи М. К. Азадовского 1925 и 1927 гг. и в записях Л. Е. Элпасова 1938 г. В последних повторения иногда опускаются. В некоторых [illegible] Магай [illegible] дословного повторения, сохраняя традиционную троичность. В сказке «Хороший охотник» ворон-чародей прилетает под окно, чтобы напомнить хозяину об обещании отдать филину сына. «Только [illegible] ворона никому не открыл. «Ворон прилетел уже третий раз, покаркал и [illegible] наедине рассказал своему сыну...» [15]. О втором посещении ворона слушателям ясно из контекста.

Л. Е. Элпасов приводит свидетельство сказителя Е. А. Прокопьева об [illegible] Магая в [illegible]: Если [illegible] надо постоянные места повторять три раза, можно иногда и не повторять их, чтобы скорее передать содержание. Я так теперь и делаю» [16].

Большие изменения произошли не только в стиле современной сказки, ее поэтике, но и в мотивах и даже в сюжете. Изменился характер образов, которые живут в сознании сказочника. Магай находит новые средства для создания персонажа, тоньше и глубже становятся психологические характеристики, усиливается классовый момент, бытовизм сказки.

Чуткость большого художника подсказала Магаю, что мотивированность, правдоподобие поступков сделают героев более жизненными. В сказке «Буй-волк и Иван-царевич» записи 1925 г. брат Федор обращается к Ивану-

[15] [illegible] дания Магая, с. 101.
[16] [illegible]

а типичная для рас-
азочник невольно при-
емени, к обстоятельст-
тических приемов. Это
ая в записи М. К. Аза-
исях Л. Е. Элпасова
иногда опускаются.
бегает трехкратного до-
пционную троичность.
ародей прилетает под
ещании отдать филину
йну посещения ворона
уже третий раз, по-
держать тайну, и он
. О втором посещении
а.

етельство сказителя
я к эпической обряд-
о не во всех сказках
ри раза, можно иног-
передать содержание.

не только в стиле со-
в мотивах и даже в
азов, которые живут
одит новые средства
убже становятся пси-
вается классовый мо-

одсказала Магаю, что
оступков сделает те-
Буй-волк и Иван-ца-
обращается к Ивану-

царевичу с просьбой достать меч-кладенец, объясняя необходимость этого тем, «что все охота испытать на свете». На самом деле он выполнял просьбу жены. Иван-царевич идет на смертельный риск ради прихоти брата. В варианте 1938 г. Федор жалуется Ивану-царевичу: «Опять злая жена заела меня, угрожает лютою смертью, да такой, что никто не придумает». Спасая своего брата, Иван-царевич готов «сложить свою буйную голову». Здесь риск, на который идет герой, вполне оправдан. Другой пример: в сказке «Илья Муромец» герой читает надпись на столбе, где предсказывается гибель тому, кто поедет прямо. В тексте 1927 г. читаем: «Махнул на все рукой Илюша: „Да что ут, ехать дак ехать уж прямо“»[17]. В записи 1938 г. дается объяснение, почему Илья направляется навстречу судьбе: «Зачем мытарствовать по разным дорогам, дай,— думает,— поехать прямо, если есть судьба, то ее не обойдешь и на коне ее не объедешь»[18].

Изменения в сюжете вызывают и изменения образов. В сказке «Буй-волк и Иван-царевич» записи 1925 г. царица просит достать вепря-кабана — здесь ее хитрость, коварство. В сказке 1938 г. царица приказывает, приказ этот звучит как каприз, она не любит Федора и не скрывает этого. В соответствии с данным образом развертываются действия.

Изменения в более поздних вариантах не всегда идут по линии улучшения текста. Так, сказка «Буй-волк и Иван-царевич» сильно изменялась в изложении Магая в течение ряда лет. В поздних записях текст значительно сократился, опущены некоторые детали, утрачены художественные образы.

В записях 1925—1927 гг. больше деталей, не относящихся непосредственно к развитию сюжета, но служащих

---

[17] Сказки Магая, с.
[18] Сказки и предания Магая, с. 161.

часто более полному раскрытию характеров персонажей, их психологического состояния.

Сравним эпизод встречи царевны с братом Буй-волком в записях разных лет.

1925 г.	1938 г.
Бросилась она в объятия Буй-волку: — Ах, братец мой родимый, не думала я тебя увидеть. Уехала без ведома вашего. Позавидовала скромности Ивана-царевича. И вот сейчас я Вам извиняюсь [19]	Сестра увидела своего брата Буй-волка, от радости даже заплакала [20]

Конечно, «момент исполнения, фиксируемый записью, вовсе не обязательно является этапом в истории текста — всякий момент более или менее случаен...» [21], однако анализ поздних вариантов волшебных сказок Магая позволяет сделать вывод, что, утрачивая в некоторых случаях художественные образы, опуская детали, сказочник именно в этих поздних вариантах добивается наибольшей глубины образов, усиливает классовый момент, сами произведения приобретают стройность, а поступки героев — строгую логичность и мотивированность. Претерпевает значительные изменения язык, вырабатывается единый стиль повествования.

Магай не был импровизатором, его богатая память хранила сюжеты и мотивы до мельчайших подробностей. Знание различных жанров фольклора помогало сказителю создавать высокохудожественные произведения. Магай хорошо владел приемами былинной поэтики, элементами песенного фольклора, метким народным словом. В его

---

[19] **Сказки** и предания Магая, с. 11.

[20] **Сказки** Магая, с. 29.

[21] **Путилов Б. Н.** Искусство былинного певца (из текстологических наблюдений над былинами).— В кн.: Принципы текстологического изучения фольклора. М.— Л., 1966, с. 222—223.

рактеров персонажей,

с братом Буй-волком

1938 г.

а увидела своего брата
олка, от радости даже
кала [19].

иксируемый записью,
м в истории текста —
аен...» [21], однако ана-
сказок Магая позво-
в некоторых случаях
тали, сказочник имен-
бивается наибольшей
ый момент, сами про-
а поступки героев —
ность. Претерпевает
рабатывается единый

го богатая память хра-
их подробностей. Зна-
помогало сказителю
оизведения. Магай хо-
этики, элементами пе-
ным словом. В его

о певца (из текстологиче-
Принципы текстологиче-
222—223

сказках встречается множество пословиц, поговорок, афоризмов.

Сказитель уделял большое внимание работе над стилем. Если сопоставить записи разных лет одной и той же сказки, можно заметить, как повышалась общая культура сказителя, как оттачивался его стиль. По словам Л. Е. Элпасова, Магай, обнаруживая пропуск в сказке, не разрешал делать вставки: «Сразу все заметят, что это я потом досказал» [22]. Вновь усвоенные произведения он много раз повторял, прежде чем разрешал записывать. Новую сказку запоминал, но не сразу зачислял ее в свой актив. Творческое вмешательство в текст со стороны Магая было велико, он искал нужную форму, переделывая сказку сообразно своему художественному вкусу.

Разнообразие и богатство языка волшебных сказок Магая обнаруживается при характеристике действия: «Полетел Буй-волк пыльчее вихря-урагана, как каленая стрела с туго спущенного лука»[23]; «Бежит — только земля дрожит, у коня из ушей пламя пышет, из ноздрей пыль столбом идет. Где кривые избы — сваливаются, где худые печи — падают» [24].

Творчество сказочника находится в строгих рамках традиции. Но одаренный сказитель работает не только в соответствии с этой традицией, он подходит к тексту творчески. Магай, если ему не нравилась сказка, не переделывал ее произвольно, а лишь на основе понравившегося варианта составлял свой, творчески следуя традиции. Например, так было со сказкой «Аленушка-чудесница». Сказитель несколько раз слышал ее от разных исполнителей, но она ему не нравилась, казалась очень растянутой, однако после исполнения ее одним солдатом Магай ввел сказку в свой репертуар. Можно ли считать, что это был

[22] Сказки и предания Магая, с. 35.
[23] Там же, с. 76.
[24] Там же, с. 83.

вариант, рассказанный солдатом? Нет, конечно, просто была найдена схема, отвечающая эстетическим запросам Магая. Подробности изложения, обороты речи, словесное оформление — все это уже было накоплено сказителем.

Один и тот же сюжет получает различное воплощение у разных сказочников. Магай сам признавался, что из многих сказок иногда делает одну, которая ему «подходила по всему»[25]. Сказку «Буй-волк и Иван-царевич» Егор Иванович и его сестра переняли от отца, который часто ее рассказывал, но у сестры, как говорил сказитель, она получалась очень короткой. О сказках, перенятых от Матвея Шубина, сказитель говорил, что сделал их намного короче. Но суть не только в опущении или прибавлении деталей. Наиболее интересны, с одной стороны, творческая работа художника слова, с другой — власть традиции.

Помимо сказок, усвоенных Магаем из устной традиции, в его репертуаре немало произведений, заимствованных из литературы. Речь идет в первую очередь о лубочных изданиях сказок.

[illegible] ром. Она оказала большое влияние на русскую сказку, [illegible] давалась. Достаточно сказать, что «Английский милорд» за сто лет выдержал более тысячи изданий, напечатано было свыше миллиона экземпляров[26], «Бова-Королевич» [illegible], «Еруслан Лазаревич» за 7 лет (1871—1877) — до 150 тыс.[28]

[illegible] книги о Бове-Королевиче и Еруслане Лазаревиче. Сам Магай отрицал влияние книжных сказок на его творче-

---

[illegible]ки и предания Магая, с. 13.

[illegible]данова О. Наша дешевая литература.— «Образование», [illegible]

Андреев Н. Н. Исчезающая литература. — «Казанский библиофил», 1921, № 2.

Там же.

Нет, конечно, просто
стетическим запросам
накоплено сказителем.
азличное воплощение
признавался, что из
которая ему «подходи-
г Иван-царевич» Егор
тца, который часто ее
ал сказитель, она по-
. перенятых от Мат-
то сделал их намного
ции или прибавлении
он стороны, творческая
власть традиции.
аем из устной тради-
ведении, заимствован-
вую очередь о лубоч-

еплетается с фольклo-
е на русскую сказку,
Английский милорд»
апий, напечатано
«Бова-Королевич»
5 тыс. экземпляров [27],
-1877) — до 150 тыс.[28]
ли к сказителю, были
сказок на его творче-

ература.— «Образование»,

ура. — «Казанский библио-

ство, однако анализ, сопоставление сказок свидетельствуют о другом. По-своему осмысливая содержание и
довательность действий в лубочном сюжете, иногда осложняя его вставными эпизодами и мотивами, психологически-
современные идеи.

лубочного издания он пересказы-
он усвоил с лу
ния, известного в России с
1760-х гг. Оно-то
ло в основу магаевского варианта.
Оставив сюжет сказки
сказитель внес в
ее некоторые бытовые и
детали.

Сказка Магая «Ер
представляет собой интересный
книжной традиции.[29] Сохранив посл
ризодов лубочной сказки,
Магай
героев, внес присущий ему психологизм, связал с современностью.

В сказке Магая множество волшебных элементов, поэтических сравнений, эпитетов; сказитель широко пользуется гиперболой: «жеребец так пьет, как все равно на губах орлы свищут. Из ноздрей дым столбом идет» и др.
широко использованы эпические элементы. Сохраняя в основном имена
сказки, сказитель в то же время создает образы, близкие по характеру к образам былинных русских богатырей.

---

[29] «Слышал я ее от отца,— вспоминает сказитель.— В детстве
сказка. Дома он не сидел,
окула я тебе досказал, с этого и начну". Расскажет, а потом
опять
помнить. А сам
учил ее
артире дома
учил. Ночь была
ать. Он
ее заучил от него в
часть
брал» (Рус

Благодаря [illegible] книги [illegible] Шерер и [illegible] Бодлер.

Рабочий [illegible] ее от шероховатостей [illegible] исчезают [illegible] терная [illegible] встретить не только [illegible] но и целые [illegible] дорогу шире[illegible] го варенья и [illegible] что делать, как [illegible] «Стали жи[illegible] царевич снял [illegible] весь поднялся [illegible] ность, присущ[illegible] также являются [illegible] «папаша», «мам[illegible] го обращения, из[illegible] ся, что не [illegible] своему брату [illegible] отражены [illegible] нередко из [illegible] страстно [illegible] книги».— [illegible] дит на [illegible]

[illegible]

[illegible] венном от[illegible] ние их ст[illegible] турность" [illegible] традиц[illegible] с. 163

е читать и увле-
сильных богатырей,
про прекрасную
[31].
книжные слова
но и у него
клиниваются
более поздних
рнантах он пользуется ими очень умеренно.
сказки Магая освобождаются от
замеченных в записи 1925 г.: Са-
тру» биться с богаты-
этого зверя», мышка
нижайшим почтением».
елко наблюдается смешение
м. книжного с разговорным.
ми, как «единственно быть
в корне не соглашался»,
«Иван-церевич и Алихон-
эпическом стиле, такую
на вуроты и кислой
ись 1925 г. из архива
1938 г. читаем: «Взял
посадил их
Правда, и
аются выраже-
Муромец сказал та-
мись железная стра-
рья-царевна не утер-
типичные яв-
ской

ся, трансформируется, в ней появляются новые элементы, малохарактерные для старой сказки. Сказки Магая находятся в соответствии с идеями и художественными представлениями нашей эпохи, волнуют, [illegible] вольствие потому, что отвечают эстетическим запросам тех, кому адресуются. В устах Магая они звучали по-новому, неся людям то, что больше всего волновало их сейчас.

Воспитанный на лучших фольклорных традициях, Е. И. Сороковиков-Магай в совершенстве владел эпической традицией. В его творчестве удачно сочеталась старинная сказочная обрядность с ярким индивидуальным мастерством, что свидетельствует о незаурядных художественных способностях сказителя. Высокие поэтические достоинства сказок Магая обусловлены его глубоким знанием произведений народной поэзии, которые представляют собой совершенные художественные творения.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И РЕАЛИСТИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ

В сказках Магая ярко воплотились характерные черты современного эпоса — социальная направленность и реалистичность ситуаций. Сплетение [illegible] реальным в его творчестве впервые отм[illegible] М. К. Азадовский. «Для многих сказочников,— писал ученый,— характерно тщательное соблюдение сказочной обрядности, бережное отношение к фантастической структуре и всей фантастической ткани сказки, и наряду с этим у них уже проявляется чисто реалистическая наблюдательность, сочетающаяся порой с тонким и глубоким психологизмом. К числу последних относится и Е. И. Сороковиков»[34].

Сказка, связанная когда-то с верованиями, со временем утратила мифологический характер, стала больше отражать свободную фантазию, хотя по традиции и [illegible]

---

[34] Азадовский М. К. Сказочник [illegible] Сказки Магая. с. 20.

яются новые элемен-
казки. Сказки Магая
и художественными
уют, доставляют удо-
тетическим запросам
я они звучали по-но-
волновало их сейчас.
клорных традициях,
енстве владел эпиче-
дачно сочеталась ста-
ким индивидуальным
незаурядных художе-
Высокие поэтические
пы его глубоким зна-
и, которые представ-
ные творения.

ЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ

ись характерные чер-
ая направленность и
е фантастического с
отметил М. К. Аза-
писал ученый,— ха-
казочной обрядности.
кой структуре и всей
ряду с этим у них
ая наблюдательность.
боким психологизмом.
И. Сороковиков»[34].
рованиями, со време-
актер, стала больше
и по традиции и со-

инской лоз

занят основную сюжетную линию. Все чаще наблюдается приближение сказки к реальной действительности. Магай в своих сказках стремится передать внутреннюю сущность явлений. В развитии действия, представляющего единую цепь событий, все сюжетные линии, даже самые незначительные, доводятся сказочником до логической завершенности. Наблюдается усиленное внимание к характеру человека, его психологическому состоянию, хотя в центре сказки по-прежнему находятся действия, события, приключения героя.

Психология сказки отличается от психологии действительности. В ней возможности героя даны гиперболизированно, психология их более зависима от внешних действий, она как реакция на эти действия. Психологизм сказок Магая приближается к реальному.

Многие сказки восходят к древнейшим сюжетам. В них успех героя приписывался чудесным силам и не зависел от его личных качеств. В интересной статье «Внутренний мир художественного произведения» Д. Лихачев высказал мысль о том, что уже в самом привлечении волшебства заключен материалистический подход к действию чудесных сил. Он считает первичным для волшебной сказки отсутствие сопротивления среды, благодаря чему герою все дается легко и просто; вторичным — [illegible], которое старается объяснить явления, тем самым приближая сказку к реальности. «Как это ни парадоксально,— пишет Д. Лихачев,— но в сказке — это элемент „материалистического" объяснения той чудодейственной легкости, с которой в сказке совершаются отдельные события, превращения, побеги, нахо[illegible]. В самом деле, колдовство, чары, волхования, [illegible], заговоры и пр.— это не сами чудеса, а лишь „объяснения" чудесной легкости внутреннего мира сказки»[35].

Лихачев Д. Внутренний мир художественного произведения.— «Вопросы литературы», 1968, № 8, с. 82.

Реалистические мотивировки, психо[illegible] сказки являются более поздней че[illegible]. [illegible] ки, и реалистические объяс[illegible] лям так же, как ко[illegible] объяснения чудесн[illegible]

[illegible] им градиционно [illegible] рушает осно[illegible] — [illegible] думывается [illegible] десное действие кольц[illegible] на руку, сразу являются [illegible] тельно обдумывает и [illegible] которые чаще всего [illegible] линии: «Один из них [illegible] шел со старухою свататься, а одиннадцать ос[illegible] го в комнате (он их оставил в [illegible] надцать скрыться могут, тогда двенадц[illegible] присоединится)»[36].

В обрисовке Магаем сказочных ге[illegible] стичного. Обычно в сказке встречаются [illegible] героя: один — носитель положительных [illegible] отрицательных. Промежуточного, как пра[illegible] ствует. Магай часто дает детальную по[illegible] работку образов. Так, в сказке «Буй-в[illegible] с помощью психологических элементов [illegible] листическое изображение. Через душевное [illegible] совывается художест[illegible] зок Магая преодо[illegible] дают о жизни и [illegible] ству, но и личным качествам. Прослеж[illegible] вается герой в сказке Магая [illegible] волк».

---

[36] Сказки и предания Мага[illegible]

азочный персонаж,
тв; он смело идет на-
лем. К его услугам
которым он и со-

» Магай сохра-
ая, но вносит и
ческое и физи-
— один из сказ-
Худяковым в Туль-

не только состояние
физиономия».

У Магая

о реали-
грастных
той —
и ска-
исовы-
ван-царевич и Серый

ван сидеть час, по
потом и третий
«Ека ночь-то ка-
Иван-царевич,—
ая. Ни зги не
братья-то
о не смогли

а делать нечего, надо
взялся за гуж,
ь не говори, что не дюж.
Ека дремота какая»,— думает
Иван-царевич. Так начинает
думает:
ет, однако, я тебе не под-

Вот боролся, боролся Иван-
царевич с дремотою. Вот, ду-

орусские сказки в записях И. А. Худякова. М.— Л.

[illegible] в

[illegible] -то вдали
[illegible] -царевич
[illegible] ть попри-

Тонкий наблюдатель, Магай проявил себ[illegible] мастер психологизации. Если отбросить элеме[illegible]ятного, то картина получится реальная. Иван-царевич преодолевает трудности, достигает цели б[illegible] выносливости, воле. На протяжении всех [illegible] в сказке волшебные помощники играют вспомогательную роль. Они являются тогда, когда герой сам, несмотря на невероятные усилия, не в состоянии преодолеть сверхъестественные трудности.

Подобное изображение психологического состояния героя особенно наглядно при сопоставлении похожих жизненных ситуаций в сказке «Кащей бессмертный» из сборника А. Н. Афанасьева и в сказке Магая. В них изображаются трудности пути, переживаемые Иваном-царевичем. В сборнике А. Н. Афанасьева: «Идет дорогой много время, не пивал, не едал, хочется есть до смерти и думает: „Кто бы на это время попался!“»[40]. В сказке Магая Серый волк лишил Ивана-ца[illegible] пришлось ему идти пешком. «Шел он всю ночь етим [illegible]м, везде царапаются сучки за локоть его, так что до утра чуть не прервал всю одежду свою. Вот день идет, другой идет и третий идет, ни поись и ни попить и ни позавтракать. Так он прошел одиннадцать дней. Стал одолевать его страшный стон, вот думат, вот упаду и сичас умру с голоду. Вот и стали даже мирещиться ему в глаза. Не вытерпел Иван-царевич, в изнеможении упал он на сырую землю. В ето время как сломно из земли вырос Серый волк»[41].

[39] ГБЛ. Архив М. К. [illegible]
[40] Афанасьев А. Н. Н[illegible]
[41] ГБЛ. Архив М. К. Азадовского, тетр. 4.

Эта удивительная [illegible]
мым, достоверным. [illegible]
виях тайги, в услов[illegible]
Магай пытается [illegible]
героя, мотивировать [illegible]
образа, приближая [illegible]

Если в старой во[illegible]
баний, все решения [illegible]
(сказано — сделано) [illegible]
состояние героя, ко[illegible]
Слушатель узнает о[illegible]
воду происходящих [illegible]
решение, по какой д[illegible]
тив и приходит к р[illegible]
го, может, жив оста[illegible]
Для раскрытия [illegible]
ного состояния Мага[illegible]
полога, что редко во[illegible]
сказке. Сказитель. [illegible]
вств героя, отноше[illegible]
лица героя. Серый [illegible]
сказка «Иван-царев[illegible]
етку, а взял лиш[illegible]
через стену да в сад[illegible]
птица-то, какая кра[illegible]
ладно, нековда и лю[illegible]
из клетки, да и дума[illegible]
отцу-то покажу, в[illegible]
учше я с клеткой [illegible]
сказитель вкладыва[illegible]
похищает златогрив[illegible]
Магай стремится [illegible]
персонажа. Так, в [illegible]

[42] ГБЛ. Архив М. К[illegible]

Эта удивительная по реализму сцена делает образ зримым, достоверным. Трудности вполне естественны в условиях тайги, в условиях сибирского пространства.

Магай пытается психологически осмыслить поступки героя, мотивировать их — все это нарушает условность образа, приближая повествование к реалистическому рассказу.

Если в старой волшебной сказке герой не знает колебаний, все решения принимает без длительных раздумий (сказано — сделано), то Магай передает психологическое состояние героя, который переживает, часто размышляет. Слушатель узнает от сказочника, что думает герой по поводу происходящих событий. Иван-царевич должен принять решение, по какой дороге ехать, взвешивает все за и против и приходит к решению: «Я пойду влево — хоть сам-то, может, жив останусь».

Для раскрытия внутреннего мира героя, его морального состояния Магай использует прием внутреннего монолога, что редко встречается в традиционной волшебной сказке. Сказитель, передает думы, сомнения, борьбу чувств героя, отношение его к происходящим событиям от лица героя. Серый волк предупреждает Ивана-царевича (сказка «Иван-царевич и Серый волк»), чтобы он не брал клетку, а взял лишь жар-птицу. «Тотчас Иван-царевич через стену да в сад, и увидел там свой клад. „Ека жар-птица-то, какая красота. Я тада и не заметил не. Ну да ладно, нековда и любоваться". Стал вынимать жар-птицу из клетки, да и думат в уме: „Што ж ето будет, с чем же я отцу-то покажу, видь клетка-то больно хороша. Нет уж, [illegible]"[42]. Подобные размышления сказитель вкладывает в уста Ивана-царевича, когда тот похищает златогривого коня.

Магай стремится к отражению естественного состояния персонажа. Так, в сказку «Хороший охотник» он внес

---

[42] ГБЛ. Архив М. К. Азадовского, тетр. 1.

ряд тонких психологических деталей, показывая переживания отца, вынужденного отдать сына филину. У А. А. Шелиховой, например, сказано: «Ковда сын вырос лет до восемнадцати, „ну-ка,— говорит,— папаша, ты ведь меня отсулил. Надо мне отправлятца — я ведь отсулен[illegible]»[43].

Магай в этой сцене не скупится на подробности, и перед слушателями возникает картина реальных человеческих отношений. Широко используя внутренний монолог героя, Магай раскрывает не только его душевное состояние в данный момент, но и дает представление о духовном мире персонажа, характере, достигает психологической индивидуализации образа. В сказке «Иван-царевич и Серый волк» Лонай, отправленный караулить сад, проспал, «на утро глядит, а тут уже с пятóк пропало яблоков. „Вот так так, что же я должен теперя атцу сказать, не шшико-то старик похвалит. Ну да сумею старика надуть“». Первая встреча с героем сказки дает слушателю представление о нем как о человеке трудолюбивом и честном, в противоположность хитрому и недобросовестному брату.

В сказке «Чудесная винтовка» имеется характерная деталь для выражения душевного состояния героя: когда девушка увидела молодого красивого охотника, «от стыда она скраснела и отвернулась», а охотник, чтобы не смущать ее своим присутствием и дать возможность одеться, «положил ей цветное платье и отвернулся в свою сторону»[44].

Для передачи внутреннего состояния героя Магай использует различные художественные средства: «А когда Буй-волк взглянул на кольцо, то почти совсем на месте замер», «сестра увидела своего брата Буй-волка, от радости даже заплакала». Отдельные детали, мимоходные за-

[43] ГБЛ. Архив [illegible] К. Азадовского, тетр. 2.
[44] Сказки и пред[illegible]. 103.

мечания помогают [illegible]
ролевич заявил Лу[illegible]
ним силой, «Лукопе[illegible]
ся на расстояние». [illegible]
ность Лукопера, и [illegible]
его сил.

Иногда бывает [illegible]
приблизить сказочн[illegible]
цов возвращается [illegible]
заказал железную [illegible]
«Ну как, взялись [illegible]
доели этой палкой». [illegible]
заругалась, забегала [illegible]
ся и не кажись ми[illegible]
окраска не только [illegible]
цию, но и служит [illegible]
образа.

Выше отмечалос[illegible]
ловека осуществляе[illegible]
рим, как отражает[illegible]
От душевного сост[illegible]
его красота и физич[illegible]
ре мотив особенно [illegible]
вицах. Любовь кра[illegible]
сота. Во многих пе[illegible]
ница белятся, румя[illegible]
шение в сказках [illegible]
нее и закричал: „[illegible]
больше не надо“.— [illegible]
Стала от этого деви[illegible]
подбавилось, и пош[illegible]

Магай несколь[illegible]
тому мотиву. Когд[illegible]

[45] Сказки и предан[illegible]
[46] Там же, с. 242.

мечания помогают создать зримый образ. Когда Бова-Королевич заявил Лукоперу, что он выехал померяться с ним силой, «Лукопер улыбнулся и стали они разъезжаться на расстояние». В этой улыбке выражена и самоуверенность Лукопера, и презрение к противнику, и недооценка его сил.

Иногда бывает достаточно небольшого штриха, чтобы приблизить сказочный образ к реальному. Самойло Кузнецов возвращается от кузнецов, которым в четвертый раз заказал железную палку. Мать встречает его вопросом: «Ну как, взялись кузнецы ковать? Однако мы им надоели этой палкой». В сказке «Чудесная винтовка»: «Мать заругалась, забегала, схватила клюку и сказала: „Убирайся и не кажись мне на глаза“»[45]. Острая эмоциональная окраска не только подчеркивает психологическую ситуацию, но и служит психологической индивидуализацией образа.

Выше отмечалось, что внешнее выражение чувств человека осуществляется через жест, мимику, позу. Посмотрим, как отражается это на словесном портрете героя. От душевного состояния зависит и внешность человека: его красота и физическая сила. Это известный в фольклоре мотив особенно хорошо разработан в лирике, в пословицах. Любовь красит человека, от разлуки вянет и красота. Во многих песнях поется, что «от хорошей жизни лица белятся, румянятся...» Этот же мотив нашел воплощение в сказках Магая: «Иван-царевич посмотрел на нее и закричал: „Вот это моя невестушка, никого мне больше не надо“,— и кинулся ее обнимать и целовать. Стала от этого девица еще красивее, румянца на щечках подбавилось, и пошли они под венец»[46].

Магай несколько раз обращается в своих сказках к этому мотиву. Когда Буй-волк сказал матери о том, что

---

[45] Сказки и предания Магая, с. 88.
[46] Там же, с. 242.

ее дочь жива, «то старая старуха сразу помолодела, как тридцатилетняя»[47]. «Архипат был уже очень стар, но когда Иван-царевич с Екутой прекрасной поздоровались с ним и поклонились ему в ноги, то у царя Архипата развеселилось на сердце, и он стал как будто бы десятилетний — вертлий и проворный»[48].

Показывая состояние героя, его чувства и мысли, сказитель достигает правдивости и убедительности образа. Например, Самойло Кузнецов, хотя и обладает сказочной силой, но ведет себя как обыкновенный человек. Магай наделяет своих героев и силой, и слабостью реальных людей: «Вышел Иван-царевич в поле, идет к себе и думает: „Какого коня я могу достать, когда у меня со страха ноги плохо двигаются?“»[49]

Магай придает большое значение вопросам морали, тщательно заботится о нравственной характеристике героя. Уважение к старшим, родителям, тактичное отношение между героем и героиней подчеркивается сказителем во многих эпизодах. Так, Еруслан Лазаревич из одноименной сказки отчитывает сына за непочтительное отношение к слабому старику: «Нехорошо ты это сделал, дорогой сынок. Я всегда уважал слабых и сирот, так что иногда бывают бессильные, а овладевают сильными»[50].

Отношение между Самойлой Кузнецовым и его матерью, основанные на любви и уважении, подчеркнуты не только отдельными моментами, но больше всего выражены в диалогах между ними: «Ну как, Самойлушка, удалась палка? — Нет, мамаша, палка очень плоха и вся разбилась о мою голову»[5].

Сказочный сюжет отличается стремительностью действия, поэтому основная нагрузка в нем падает на гла-

---

[47] Сказки и предания Магая, с. 76.
[48] Там же, с. [illegible]
[49] Там же, с. 147.
[50] Там же, с. 204.
[5] Там же, с. 80.

гол. У Магая эмоциональная функция глагола-действия
ливается, так как в его сказках большое место заши-
г психологическое состояние героя, его реакция на про-
исходящие события. Большое значение Магай придает
подбору слов: «Царь-девица вылетела с нагайкой». Здесь
агол «вылетела» не только характеризует стремитель-
ть действия, но и показывает состояние героини. Эта
ена своей неожиданностью, взволнованностью, очевид-
не смогла оставить равнодушными слушателей. Вос-
нятие ее было подготовлено тем, что жизнь Ивана-ца-
вича зависела от Буй-волка, и вот события разверну-
так, что Буй-волк вместо того, чтобы съесть Ивана-
ревича, «схватил его в свои объятия, стал обнимать и
ловать». Напряжение не спадает, держится на кул
ации, слушатели ждут, когда сообщат матери о том, что
очь ее жива, что перед нею ее зять. Дальше идет спокой-
е повествование.

Этой полной драматизма сцене можно противопоста-
вить спокойный рассказ о встрече двух братьев:
Он (Федор-царевич.— *Р. М.*) даже своим глазам не пове-
рил, а когда подошел и поцеловал своего любимого брата,
огда только поверил Федор-царевич своим глазам...»[52]
В этой сцене события развиваются спокойно, нет того
ажала, который наблюдается в предыдущем эпизоде. Со-
ответственно подбираются и глаголы действия. В первом
случае душевное состояние выражено экспрессивно, во
втором — в спокойных тонах. В этом владении словом —
индивидуальность сказителя.

В сказках Магая наряду с постоянными встречаются
и эпитеты, несущие определенную смысловую нагрузку и
для характеристики действующих лиц.
Ивана — купеческого сына сказано: «Мать
была скуповатая». Это ее черта выделена потому, что
она имеет значение для

богатое обилие эпических формул и различных элементов сказочной обрядности,— писал М. К. Азадовский, придает его текстам особое [illegible] полной сказочности, и на этом [illegible] рельефно выступают [illegible] эпические наблюдения»[57].

[illegible] заканчиваются благопо[illegible] свои подвиги, в первом вариан[illegible] то начинаются [illegible] второе предусматривает [illegible] благополучие. Царь посылает [illegible] обещая им полцарства: «Дети мои [illegible] может понимать в моем саду [illegible] живую, тому еще [illegible] им, по смерти и все»[58].

[illegible] возрение [illegible] «Дуденская винтовка» [illegible] купеческий сын [illegible] царства и царской дочери, женился на дочери крестьян[illegible] и стал жить своим трудом и прожи[illegible] сти»[59]. Это же явление наблюдаем в сказках [illegible] Тункинской долины.

Как изменилась психология народа в с[illegible] ными преобразованиями в стране, можно наглядно проследить, сопоставив две записи одной и той же [illegible] Магая, сделанные в разные годы. В сказке «Иван-[illegible] и Серый волк», записанной в 1925 г., герой, убив Кащ[illegible] царя бессмертного, собирается ехать домой: «Вз[illegible] руку Якуту-прекрасную, пошли ане в палату и ст[illegible] все его брать, что хотели только, складывать дорог[illegible] моданы, что там ни было ценнаво, и пашли в капю[illegible]

[57] ГБЛ. Архив [illegible]

[58] Сказки и преда[illegible]

[59] Сказки и преда[illegible]

вывели златогривого [illegible] саду жар-птицу в з[illegible] у царскому люду с[illegible] сти к царю Архипат[illegible] 938 г. Иван-царевич [illegible] своего златогривого [illegible] смертного, а на про[illegible] Кащея бессмертного [illegible] гу я управлять в [illegible]

В сказках Магая [illegible] ства добра над злом [illegible] ой говорит побежд[illegible] пусть не собирает [illegible] Пусть знает он, что [illegible] атырь и его войско [illegible] о звучащие слова [illegible] война — не потеха, [illegible] о входят в сказку.

Стремление к р[illegible] усилении социаль[illegible] цов и других пре[illegible] М. К. Азадовский [illegible]

вывели златогривого коня с чудесной сбруей и нашли в саду жар-птицу в золотой клетке, дал распоряжение всему царскому люду складывать все царское имущество, вести к царю Архипату, а сами поехали вперед»[57]. В записи 1938 г. Иван-царевич взял жар-птицу в дорогой клеточке, своего златогривого коня и знаменитого коня Кащея бессмертного, а на просьбу князей и бояр остаться в царстве Кащея бессмертного и управлять ими, гордо ответил: «Не могу я управлять в царстве моего лютого врага»[58].

В сказках Магая отражена традиционная идея торжества добра над злом. Так, в сказке «Бова-Королевич» герой говорит побежденным: «Скажите королю Маркобруну, пусть не собирает на меня войска и не губит зря народ. Пусть знает он, что я есть славный, могучий русский богатырь и его войско я бил и буду бить»[59]. Эти злободневно звучащие слова в духе великих русских полководцев: война — не потеха, а борьба за правое дело — органично входят в сказку.

Стремление к реальному в сказках Магая выразилось в усилении социального момента, в обрисовке царей, купцов и других представителей господствующего класса. М. К. Азадовский писал: «Мир царей и королей — это

---

[57] **ГБЛ.** Архив М. К. Азадовского. тетр. 1.

[58] **Сказки** и предания Магая, с. 158. Попутно отметим интересный штрих, отражающий черты новой психологии народа, в сказке современного амурского сказителя И. Л. Комарова «Как русский солдат спас Петра Великого». Царь жалеет, что добро сгорело, что они не взяли золота, на это солдат отвечает, что домой он еще не скоро попадет, а солдату деньги не нужны. Царь с одобрением замечает: «Ты не жадный на деньги». (Записано от И. Л. Комарова, 1899 г. рождения, в с. Болдыревка Завитинского района Амурской области в 1968 г.). В этой же сказке, опубликованной в сборнике А. Н. Афанасьева, солдат, расправившись с разбойниками, насыпал золотом рапец, набил все карманы и говорит своему товарищу: „Бери и ты!“А тот отвечает: „Нет, брат, не надобно, у нашего царя и без того денег много, а коли у него есть, и у нас будут“ (**Афанасьев А. Н.** Народные русские сказки, т. 2, с. 86).

[59] Сказки и предания Магая, с. 21.

только внешняя оболочка, внешняя сюжетная схема, за которой раскрывается иной мир и иное миропонимание.

В рассказах о королях и купцах развертываются богато разработанные картины трудовой обстановки русского крестьянства и мир созданных им образов. Сказка в том виде, как мы ее знаем — есть уже порождение крестьян- [illegible] и крестьянской не[illegible], [illegible]ющее и [illegible]ное расслоение внутри самого крестьянства и борь- [illegible] другими общественными классами»[60]. У Магая в [illegible]цов, царей и их приближенных появ- [illegible], выдающие их классовую принадлежность. [illegible]ся иногда в брошенном как бы невзна- [illegible] «В некотором царстве, в некотором государст- [illegible] на земле жил царь, богатый-пребогатый, как все цари». Последние слова переносят слушателя в реальность. В сменном положении оказываются [illegible] «Шер-птица и царь Ирод». [illegible] генерала [illegible] рым стало, со злости [illegible] стыдно промолвить, [illegible] всю ночь»[61]. Нередко социальная [illegible] сказки. Герой, наприме[illegible] женитьбы на царевне воз[illegible] дочери крест[illegible]

В [illegible]зках Магая соц[illegible]ный мотив встреча[illegible] порой [illegible] других [illegible]казаны общечеловеческие взаимоотношения. [illegible]а» скази- [illegible] противопоставляет героя купечеству. После назначе- [illegible]

[illegible] Русские сказочники.— В кн.: Русская сказ- [illegible]

Сказки и предания Магая, с. 240.

простой парень что за одну ночь сотворил. И вот сговорились купцы и решили оклеветать Иванушку, сказав царю, что якобы ратман хвалился достать жар-птицу. Пьяница встречает купцов, которые объединились, чтобы извести Иванушку, и спрашивает: «Куда путь-дорогу держите? Видать, плоховато купчикам приходится, коли вместе все идете?».

В сказке А. А. Шелиховой этот же мотив разработан по другом плане. Иван-крестьянский сын имеет перо жар-птицы, которое по вечерам освещает ему конюшню. Слуги из зависти доносят царю, что Иван хвалился достать жар-птицу. Здесь человеческий порок — зависть. Достал он жар-птицу и «так жить стал Иван-крестьянский сын, что лучше некуда. Стали другие слуги на него забижатца, что держит он Ивана-крестьянского сына хорошо, за то, что достал ему жар-птицу» [62]

В сказке Магая на этот же сюжет характеристика царю дана с классовых позиций: «Царь стоит, рот разинул и диву дается, а потом закричал:

— Положь платок в карман, а то войско нас задавит.

— Нет,— говорит Иванушка,— пусть идет и давит всех, то людям зло творит, на то они и войска, чтобы хлеб даром не есть.

Проговорил он это и дает команду:

— Секи голову наперво царю, потом всем купцам и буржуям.

Генерал войска слушал команду Иванушки и сказал:

— Будет все сделано.

После того, как всех притеснителей уничтожили, и крестьяне в селе по-другому зажили, стали все в достатке жить»

Сказка отражает общественные взгляды и личность рассказчика. То, что у Магая его любимый герой — охотник,

---

ГБЛ. Архив М. К. Азадовского, тетр.

Сказки и предания Магая, с. 259.

а у амурского сказочника П. Л. Комарова, репертуар которого формировался в гражданскую войну,— партизан (даже Иван-царевич похож на партизана) — на всем этом печать времени. Поэтому неправа Ю. Сазонова, автор вышедшей в 1955 г. в Нью-Йорке «Истории русской литературы», когда в разделе о фольклоре пишет: «Сказители составляют собственные варианты или новые сказки на современные темы, стараясь подчас угадать вкус собирателей. Так появилась сказка о том, как услужливому человеку удалось помочь церковному сторожу утопить трех священников. Сказитель В. Богданов, сам церковный сторож, говорит, что этого человека „вроде как звали Василием", с явным намеком на самого себя»[64]. Здесь — не угадывание вкуса собирателя, а переосмысливание сказки и ее образов самим сказочником и той средой, в которой эта сказка бытует.

Стремясь передать внутреннюю сущность явлений, Магай, как и другие современные ему сказочники, не формулировал определенных художественных или идейных задач. Он следовал законам фольклорного творчества, благодаря которым, с одной стороны, сохранил более или менее традиционную сказочную обрядность, с другой — внес изменения, которые привели к ослаблению канонических моментов. Эти частные проявления современной коллективной эстетики — свидетельство возникновения новых традиционных элементов в сказке. «Традиционность современного фольклора состоит не в механическом использовании известных стилистических средств, а в творческом преобразовании традиций, в способности создавать новые традиционные элементы...»[65] Стремление

---

[64] **Сазонова Ю.** История русской литературы. Древний период. Нью-Йорк, 1955, с. 51.

[65] **Гусев В. Е.** О критериях фольклорности современного народного творчества.— В кн.: Современный русский фольклор. М., 1966, с. 17.

Магая дать «реальное» объяснение, почему герой действует так, а не иначе, почему совершаются данные события, не противоречит современной сказочной традиции.

СИБИРСКИЙ КОЛОРИТ

Как бы ни была далека сказочная фантастика от реальной действительности, она неразрывно с ней связана. Местность, где бытует сказка, накладывает на нее свой отпечаток. По мнению Е. Елеонской, бытовые черты, присущие людям данной местности, придавали жизненную краску сказке и служили источником для новых фантастических комбинаций [66].

На конкретном материале исследователи доказали, что существует глубокая связь сказки с жизнью населения того края, где эта сказка записывалась. Поэтому не случайно уже в начале нашего столетия осуществлено значительное количество публикаций сборников сказок по географическому принципу. Большой вехой в этом отношении были сборники Н. Е. Ончукова [67], Д. К. Зеленина [68], Ю. и Б. Соколовых [69]. О ярком проявлении характера, мировоззрения, духовного склада носителей фольклора говорят Ю. и Б. Соколовы в предисловии к сборнику «Сказки и песни Белозерского края». В 1925 г. выходят «Сказки Верхнеленского края» [70] М. К. Азадовского. Во всех этих работах, а особенно в последней ставится вопрос

---

[66] **Елеонская Е.** Великорусские сказки Пермской губернии. Влияние местности на сказку.— «Этнографическое обозрение», М., 1915, кн. 1-2, с. 37.

[67] **Ончуков Н. Е.** Северные сказки. Спб., 1908.

[68] **Зеленин Д. К.** Великорусские сказки Пермской губернии. Пг., 1914; **Он же.** Великорусские сказки Вятской губернии. Пг., 1915

Соколовы Ю. и Б. Сказки и песни Белозерского края. М., 1915.

[70] **Азадовский М. К.** Сказки Верхнеленского края. Иркутск, 1925.

о влиянии местности на сказку. «Нет никакого сомнения,— пишет Ю. М. Соколов,— что вошедшее в практику русских фольклористов собирание сказок, а также распределение [illegible] краевому принципу является очень продуктивным. Сказку во всем ее жизненном значении можно понять и изучить лишь на реальной почве, где она живет, во всем ее конкретном социальном, экономическом, бытовом и природном окружении»[71]

Ко времени созыва Первого [illegible] возможно [illegible]тавить вопрос о местном [illegible] колорите в сказке[72]. В то же время М. К. [illegible], публикуя сказки ленской сказительницы Н. [illegible] высказал ряд интересных мыслей по вопросу [illegible]

В сказках Тункинской долины явственно выразился [illegible] сказалось в первом [illegible]

В сказке пейзаж обычно отсутствует или едва намечен. Было это отмечено [illegible] формы: [illegible] мучии [illegible] Магая можно найти жанр [illegible] Широкое приволье и степные просторы, [illegible] пейзаж Тункинской долины с ее величавыми горами, [illegible] тайгой и охотничьими тропами, со сказочными [illegible]цами. На этом фоне и развертываются [illegible] тастические действия.

Рисуя пейзаж, Магай не теряет основного — динамики в развитии сюжета. Сохраняя жанровую специфику сказки Магая впитали индивидуальные особенности стиля

Соколов Ю. М. Русский [illegible] 1941, с. 306.

Первый Восточно-Сибирск[illegible] ческий съезд.— «Бюллетень», 1925, № 6.

никакого сомнения.—
е в практику русских
также распределение
казок по областному,
продуктивным. Сказку
жно понять и изучить
ивет, во всем ее кон-
, бытовом и природ-

бирского
коплен
по сказки в Сибири.
опрос о местном, си-
е время М. К. Азадов-
ительницы Н. О. Ви-
х мыслей по вопросу

вственно выразился
казалось в передаче

ует или едва наме-
вшие формы: крутая
епроходимые бо
картины сибир-
степные просторы,
ны с ее величавыми
ми тропами, со ска-
развертываются фан-

сновного — динамики
вую специфик
особенности стиля

1941, с. 306.
ческий съезд.-

ника. Даже когда не говорится о природе, слушате-
ощущают ее присутствие. Дело не только в отдельных
деталях, подробностях, но и в общем колорите,
который пронизывает все сказки Магая.

Один из характерных моментов сибирского колорита —
Магай любил тайгу, был прекрасным охотником.
привлекала сказителя своей поэтичностью, которая
открывалась ему как художнику.

«Тайга оживала в его рассказах,— вспоминают земляки
казителя.— Он же охотник
любил и расска
про охотников»[73]. «Сказки
воспитывали
любви к родной природе как у де
Он впервые миру рассказа
о красоте нашего

Сам Магай признавался: «Вот смотрю на Саяны
у вижу, как Лоргакто, Мукн
нам, переваливают горы, бьют белку и соболя.
все известно и потому веду
по хоженой тропе»[75]

Недаром любимых героев Магая от всех
неурядиц спасает тайга. Иван — купеческий сын уходит
в лес каждый раз, когда тер
(«Чудесная вин-
товка»). В поисках похищ
ер Найден-Попович
также оказывается в тайге:
и заехал
лесную глушь, где стоял терем, а те
гатым. Он так был заинтересован и невольно сказал про
себя: «Кто может жить в такой глухой тайге?»[76], «Пошел
Найден-Попович куда глаза
Шел он страшною
тайгою много времени»[77]. Таких примеров из сказок Магая
можно привести множество.

кинского района Бурят
Из выступления Евд
ственном собрании в Саган-
100-летию со дня рождения Ма
Сказки и предания Магая, с. 37.
Там же, с. 115
[77] Там же, с. 1

Мотив попадания героя в дремучий лес, его приключения там имеют древние корни. Этот древний мотив восходит к обряду инициации. Как отмечали исследователи [78], «герой сказки, будь то царевич или изгнанная падчерица, или беглый солдат, неизменно скрывается в лесу. Именно здесь начинаются его приключения... Этот лес никогда ближе не описывается. Он дремучий, темный, таинственный, несколько условный, не вполне правдоподобный... Сказочный лес, с одной стороны, отражает воспоминание о лесе как о месте, где производился обряд, с другой стороны, как о входе в царство мертвых. Оба представления тесно связаны друг с другом» [79].

В сказке лес носит обычно условный характер, у Матая тайга — конкретное, реальное место действия.

Магай вводит местные географические названия, чем ослабляет фантастику, усиливает реалистический элемент. Герой сказки «Аленушка-чудесница» «ходил-ходил и ничего ему в этот день не попалось: ни одного рябчика он не подстрелил, ни зверя не встретил. До чего на Койморских озерах уток много, и то ни одной там не стало» [80].

Иногда, описывая местность, сказитель не удерживается от сравнения: «Идет Иванушка по дороге... Идет долго, дорога то равниной тянется, то горы попадаются, то озеро обходить приходится, местами тайга попадается такая же, как у нас в Тунке. Видать, хорошая там природа была, где Иванушка ходил, раз она на нашу похожа» [81]. Любуясь красотами природы, Магай раскрывает душевное состояние героя, его взволнованность, вызванную окружающей природой.

---

[78] **Пропп В. Я.** Исторические корни волшебной с
с. 40—90; **Лурье С. Я.** Дом в лесу.— «Язык и литерат
т. VIII. с. 159—195.

[79] **Пропп В. Я.** Указ. соч., с. 44, 46.

[80] **Сказки** и предания Магая, с. 244.

[81] Там же, с. 256.

лес, его приклю-
от древний мотив во-
тмечали пес[illegible]

мог по ней ездить? Широкая дорога, разбита, пыльная“»[88].

В волшебных сказках можно встретить описание различных зверей и их повадок, [illegible]ов добывания и других примет охотничьего быта.

[illegible]ми впечатлениями навеян образ героя у тункинских сказителей: Д. С. Асламова, А. А. Шелиховой, И. И. Сороковикова (брата Магая), С. Л. Истомина, С. И. Скобелина. В сказке «Иван-охотник» А. А. Шелиховой прямо подчеркивается основной промысел Тункинской долины: «Стал народ за ем проследовать, где и что [illegible] на охоту не ходит, где и что бе[illegible] И. И. Сороковикова [illegible] отделить от [illegible]подобного, но не меньше [illegible]

Черты местн[illegible]ника, привнесенные Магаем в сказочный обра[illegible]ются лишь его личным вкладом, но у Магая [illegible] дан во всей полно[illegible] ка прибавляет к его характеристике его [illegible], в результате чего вырисовывается живой, [illegible] тип охотника, несмотря на фантастичность и нереальность происходящего.

Геро[illegible]ающим обстанов[illegible] Молодой охотник [illegible] родственного старика за к[illegible] степой. [illegible]но, и перед [illegible]лями знакомый [illegible] на охо[illegible] просто стр[illegible] бытовая точност[illegible] обязательно [illegible] то, с чем пошел странствовать («Подобрал себе кото[illegible]у, котелочек и еще кое-какие нужные пожитки и вышел он из поповского дома»[90]. Иван — купеческий сын просит ста-

---

[illegible] Гурев[illegible] Восточной Сибири. Иркутск, 1939, [illegible]

[illegible]

рушку: «Приготовь мне, бабушка, котомочку, я займусь [illegible] котомку и старую заржавленную винтовку, и пошел он в лес охотиться»[91]).

Магай предъявляет к своему герою большие моральные требования: охотник не должен поддаваться ни физическим, ни душевным невзгодам. Так, в сказке «Хороший охотник» герой влюбляется в красавицу: «Молодой охотник скрывает свою тайну. А на лице его была заметна тоска и печаль. Старик называет его по имени и не называет его охотником потому, что охотники не знают тоски и печали»[92].

Созданные Магаем образы, конечно, не являются художественным открытием сказителя. Это традиционные персонажи, созданные народом, но отдельные черты, несомненно, привнесены Магаем.

Герой Магая — мечтатель, его не удовлетворяет жизнь, он ищет что-то новое, находя успокоение лишь в соприкосновении с природой, в блуждании по тайге, в странствовании.

Обиженный матерью, Иван — купеческий сын «пришел [illegible] все это привязал к котомочке и пошел в лес»[93]. В сказке [illegible] пекли ему разных подорожников, полный куль пельменей да пирожков наклали, сухарей насушили, на всякий случай арушень дали, и отправился он в дорогу дальнюю»[94].

На эту же черту сибирского колорита в творчестве И. И. Мурашова, П. А. Петренко, П. А. Кибирева указывал А. Ш. Гурешов. Многие из сибиряков [illegible] научились сказкам у бывших бродяг, некоторые сами в мо-

---

[91] Сказки и предания Магая, с. 96.
[92] Там же, с. 104.
[93] Там же, с. [illegible]
[94] Там же, с. 226.

ной сказки — купца — привносится отрицательный оттенок. Сказитель называет купцов вахлаками, толстосумами, изображает их глупыми, завистливыми. В сказке «Удачливый Иван и купеческий сын» отмечает: «Иван сильно ненавидел купеческую жизнь» [102]. О матери героя сказитель говорит: «Мать была уже старая, едва ходила, купеческого от нее и следу не осталось... Иван — купеческий сын женился на дочери крестьянина и стал жить своим трудом и прожил до глубокой старости» [103].

Тункинская долина находится недалеко от русско-монгольской границы. Через нее шел тракт в Кяхту, оттуда в Монголию, Китай. Здесь велась оживленная торговля, местные крестьяне держали квартиры для приезжавших купцов, возили их товары в Кяхту — «ямщичили». Кроме того, в Тунке было много местных купцов, разбогатевших на посредничестве в торговле. В бытовых зарисовках сказок Магая отражается хорошее знание купеческой жизни, торговли, бы[illegible]цов. «По приказу царя Иванушка начал лавки [illegible], приказчиков набирать, словом, стал торговлю разворачивать. Хватка у него была, ума хватало, да при царс[illegible] подмоге все можно было тогда делать. Понастроил он ла[illegible]ром их все забил и стал прижимать всех купцов. Купцы заохали, заворчали и видят, что при таком ратмане дела их к разорению потянут»

Мы уже говорили о том влиянии, которое оказала [illegible]сть бурят на формирование типа и уклада местного населения. «Местный крестьянин, знакомый с бурятской речью,— писал Г. М. Осокин,— не отказывает себе в удовольствии послушать и бурятские сказки, которых у последних довольно. Русские пересказы некоторых таких

[illegible]

[illegible]

[104] Там же, с. 247.

отрицательный отте-
лаками, толстосума-
пивыми, коварными.
й с удовлетворением
печескую жизнь»[102].
Мать была уже ста-
и следу не осталось...
очери крестьянина и
лубокой старости»[103].
недалеко от русско-
тракт в Кяхту, от-
ась оживленная тор-
квартиры для приез-
Кяхту — «ямщичи-
ого местных купцов,
торговле. В бытовых
ся хорошее знание
аимоотношении куп-
ачал лавки строить,
торговлю разворачи-
ало, да при царском
Понастроил он ла-
кимать всех купцов.
что при таком рат-

ии, которое оказала
а и уклада местного
акомый с бурятской
казывает себе в удо-
азки, которых у по-
ы некоторых таких

сказок положили начало образованию новых, с заимствованным сюжетом и своими добавлениями»[105].

Магай, по свидетельству односельчан[106], прекрасно знал народное творчество бурят, эвенков, исполнял их произведения на русском и бурятском языках. Некоторые бурятские сказки он перенял от своего отца.

Интересным примером того, как воспринятое от эвенков предание вернулось к ним, художественно обработанное сказителем, является предание «Самый мудрый человек». Об этом Л. Е. Элиасову рассказал сам Магай: «В 1922 г. и в 1923 г. зверя у нас в Тункинском крае оказалось очень мало и многие охотники пошли не к себе в тайгу — в Саяны и Хамар-Дабан, а в Баргузинскую тайгу и даже ушли до самых Баунтовских озер. Тут мы, тункинские охотники, познакомились с беловодскими, северобайкальскими и баунтовскими тунгусами (эвенками). Язык я ихний хорошо знал, не только понимал, но и говорил с ними как на родном языке. И вот тут-то на охоте я не раз слышал рассказ о самом мудром человеке, который избавил весь народ от зла и муки. [illegible] рили, что здесь, недалеко от Россошины, такое место [illegible] Турунча, и он действительно посылал своих сыновей по очереди, чтобы они встречались с Лениным и чтобы он

---

[105] Осокин Г. М. На границе Монголии. Спб [illegible]

[106] Об этом свидетельствуют Лидия Ни[illegible]норовна Шубина (47 лет, с. Кочки), Доржи Дагбаевич Игнаев (3[illegible] года, с. Койморы), Дари Дамбаевна Халангуева ([illegible] с. Кырен). Будажап Дамбаевич Машкинов (40 лет, с. Хобок) вспоминает: «Приглашала в школу учительница Дари Дамбаевна Хала[illegible]гуева. Впечатление незабываемое, до сих пор помню. Читать сказки — не то воздействие. Он умел по-бурятски рассказывать, чисто говорил. Мы жили в Дальнем Хобоке. Он часто ходил по дворам, язык хорошо знал, в родстве с соседями бурятами был, происхождение родовое знал и рассказывал. Старики буряты и то у него консультировались» (Из беседы в апреле 1968 г. в Кырене).

научил их жить по-новому. Мне понравил[illegible]
нии умер, то я этот [illegible]
[illegible], и они стали его тоже пасть [illegible] Мне-ду он получался несклонным, а потом каждый [illegible] он [illegible]-[illegible] интереснее, и меня часто [illegible] в его [illegible]»

О [illegible] Мигель [illegible]
[illegible]ного фольклора оста[illegible]
[illegible] Ольхон Г. М. Шелковник[illegible] Або[illegible]
[illegible] что многие [illegible]
[illegible]но пересказать [illegible]
[illegible]ских так же, как и их собственно[illegible]
и старался следовать совету Магая и попробовал это сде-[illegible]
[illegible]ть. Так у меня получилось предание «Как охранять [illegible]
[illegible]омовение справляли»... Знал я многое, потому что среди [illegible]
[illegible]их вырос и слушал их с[illegible]
[illegible]рятский знаю, потому и [illegible]
на русский лад, как Мага[illegible]

В. Г. Белинский пи[illegible]
[illegible] татарина сказку, пересказывал ее потом совершенно по-русски, так что она выходила запечатленною русски-[illegible] понятиями, русскими взглядами на вещи и русскими [illegible]

[illegible] ховная близость с бурятами. [illegible] обычаи, их художественное творчество наложили от-печаток на жизнь русского населения. Все это сказалось [illegible] репертуаре сказителей, на разработке художественных [illegible] рассказывание сказок, распространенное [illegible]ков, вызвано не только спецификой промыс-[illegible] и отражением бурятского обычая. Этот обычай описала Б. Косыгина в 1915 г.: «Вечером на досуге обычно говорят сказки, поют песни, играют на балалай-

[illegible] Собр. соч., т. V. М., 1954. [illegible]

Варенникова

не знают люди». Он не только помогает ему советом, но и воспитывает в нем качества настоящего охотника, «который не знает тоски и печали». Такого персонажа не знает сказка на этот сюжет в другой местности.

Как же разработан в сказках Магая образ женщины? В памяти стариков (например, в Амурской области) до сих пор живут воспоминания о тех временах, когда из-за малого числа женщин приходилось за невесту платить. Все это отразилось в сказках.

На разработку женского образа в сказках Магая оказал влияние бурятский фольклор. Женщина в бурятских сказках показана мудрой советчицей, умелой, доброй, отзывчивой. Часто она является единственной спасительницей героя. Таков, например, незабываемый образ Алтан-Хайши.

Магай создал прекрасный образ женщины. Это умная, выдержанная девушка, настоящий друг и советчик Ивана-царевича («Буй-волк и Иван-царевич»), умелая труженица, прекрасная любящая жена («Аленушка-чудесница»), добрая, мудрая дочь старика-волшебника («Хороший охотник»).

В отношении к женщине герой проявляет чуткость, деликатность. В сказке «Жар-птица и царь Ирод» старушка учит Ивана-царевича, как добраться до царя Ирода. Для этого нужно украсть одежду у одной из двенадцати лебедей. «Так парень и сделал: залезла она в воду, он взял, подкрался незаметно, и с ее одеждой в кусты. Она вышла из воды, видит: нет ничего, и стала слезно молить... Несколько раз она так слезно умоляла. Наконец парень видит, какая перед ним красавица стоит, не устоял он, ничего ей не сказал и незаметно подбросил всю одежду. Стала красная девица лебедью, расправила крылья и полетела своих сестер догонять». Сказочная этика не всегда соответствует житейской, сказка поступки героя оценивает с точки зрения конечной цели, к которой он стремится. Иван-царевич поступает вопреки сказочной

логике, следуя человеческим чувствам, чем накликает на себя беду. «К вечеру приходит он к бабушке, и она спрашивает его:

— Все ли сделал, что я тебе говорила?

— Все, бабушка, да только отдал ей обратно. Как же такая красавица без ничего останется?»[112].

Портретное описание героев несвойственно волшебной сказке, обычно она обходится общесказочными формулами, постоянными эпитетами (о женщине: красавица — что ни в сказке сказать, ни пером описать; писаная красавица, прекрасная).

У Магая внешность героинь, их необыкновенная красота показаны традиционно: «На корабле Иван-царевич увидел молодую девицу неописуемой красоты»[113]; «У царя дочка неописанной красоты»; «Прекрасная царь-девица».

И тем не менее в сказках Магая создан идеал красоты сибирячки. По замечанию этнографов и путешественников, сибирякам нравились черпявые, женщины темнокожие и темноволосые. В сказках Магая «Жар-птица и царь Ирод» читаем: «Ударились о землю и стали девицами, каких никто никогда не видел, ни в сказке сказать, ни пером описать. Глаза черные, щеки алые, косы до пят, ручки белые, ну, словом, писанные с картинки красавицы, одна другой краснее»[114].

Нередко Магай прибегает к приему, когда описание красоты заменяется показом того впечатления, которое производит эта красота на окружающих. Иван — купеческий сын поглядел на царскую дочь и «удивился ее красотой... Лег спать, но никак не мог заснуть. Всю ночь пробился, проворочался и все думал о красоте царевны»[115].

---

[2] Сказки и предания Магая, с. 228.
[3] Там же, с. 69, 89.
Там же, с. [illegible]
Там же, с. 90.

Сказки Магая отличаются великолепием жизненных наблюдений. Бытовая точность [illegible] деталей, ситуаций, картин, два[illegible] [illegible] на валежину отломо[illegible] о том, как, например, плыл Протуней-прапорщик (а плыл [illegible] да), но не опущена такая деталь, как ко- [illegible] — неизменный спутник охотника, скитальца, бро- яги. Протуней-прапорщик и его спутники причалили [illegible] к берегу, [illegible] [illegible] котел.

Земледелие, «ямщи[illegible] [illegible] олежда сиби[illegible] вошло в сказки Ма[illegible]

В сказках Ма[illegible] [illegible] ночная опрятность и [illegible] [illegible] нился опыт [illegible] ю культуру. [illegible] [illegible] центы материальной [illegible] [illegible] ной, лучшую, пос[illegible] [illegible] являть, что все [illegible] [illegible] [illegible] распространенных [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible] [

прошел, второй кончился. Видит, на краю леска домик стоит, и бабка около ворот сидит, семечки лущит, на него поглядывает»[124]. В сказке В. П. Плеханова, баргузинского сказочника царь посылает Бову на заимку, где он должен пасти скот[125].

Местный колорит выразился и в широком использовании в сказках Магая других фольклорных жанров.

Здесь и типичная формула свадебного обряда («Пришла за добрым делом, за сватанием...» — сказка «Чудесная винтовка»), и причитания («Куда же ты уезжаешь? Да на кого же ты нас, старичков, покидаешь?» — сказки «Еруслан Лазаревич», «Самойло Кузнецов»), и обилие афоризмов, пословиц, поговорок. В них отражен быт сибиряков. Здесь можно встретить и народные приметы: «Иван стал ходить по тайге и охотиться. Сколько он ни охотился, а убить никого не мог. Стал думать Иван — купеческий сын про змея. Эко, какой противный змей, как убил его, так и фарту нет»[126].

Местный колорит отразился в особенностях оборотов [illegible] по встал, но так рано, как мужики на поле встают»; «Самойло Кузнецов рос не по дням, а по часам, как пшеничное тесто на опаре ходил»; «В лесу рябчиков было много, временами под вечер их столько летает, адали мошкары в ненастье»; «Разгневался Ирод, завертелся на месте, фыркать стал, адали уросливый конь»; «Царь Рафлет со страху заревел лихоматом и стал просить помощь, а волк в окно и след простыл»[127]. Совсем не по-сказочному уговаривают князья и бояре Самойлу не махать палкой: «Здесь ведь нет никакого побоища, зачем ты машешь палкой?» Богатыри говорят Самойле: «Как же ты бу-

---

[124] Сказки и предания Магая, с. [illegible]

[125] Гуревич А., Элиасов Л. Е. Старый фольклор Прибайкалья, т. 1. Улан-Удэ, [illegible],

[126] Сказки и пре[illegible]

[127] Там же, с. 78, [illegible]

ешь биться этой палкой? Вообще с палкой ходят только городки играть». «Самойло увидел саблю, рассмеялся сказал богатырю: „У нас такой косой бабы только капусту срубают“»[128]. В сказках Магая наблюдается глубокое внимание к слову, умение ценить его выразительность и меткость.

Элементы национального словаря, стиля органически ошли в лексикон старожилов Сибири; это, в основном, лова, касающиеся быта, охотничьего промысла, скотовод- [illegible]. Например, из бурятского словаря взяты [illegible] бурятское — адли — словно, как будто, почти; арушень — бурятское — айруул (айраг) — сушеный творог; бурунчик — бурятское — буруу — бычок; дуктун — бурятское — дуттуй — мягкие сапоги из шкур, надеваемые поверх обуви в сильные морозы; каширик — бурятское — хашараг — годовалый бычок; [illegible] — бурятское — гулум — кожаный мешок, шкура, сня[illegible] с одним разрезом, и др.

Вопрос о своеобразии речи сибиряков разных местностей еще недостаточно изучен в лингвистике, поэтому решать его в нашей работе не представляется возможным.

Иногда повествование превращается в зарисовку с натуры. Замечательна реалистическая сцена, выхваченная из жизни, —покупка соболя в сказке «Чудесная винтовка». Типичный сибирский диалог, в нем сказывается характер сибиряка, его рассудительность, неторопливость, знание дела.

«— Куда ты понес соболя?

— Дак понес продавать на базар, сын его ростил, да плохой соб[illegible]

— Продай мне его.

— Дак можно.

— А сколько бы ты за него взял?

— Дак ладно, сколь дашь. Соболишко незавидный».

Сказки и предания Магая, с. 84.

вая себе задницу. Он говорит об обр[illegible] годится — молиться, не годится — горшки покрывать. Приглядитесь пристальнее, и вы увидете, что это по натуре своей глубоко атеистический народ. В нем еще много суеверия, но нет и следа религиозности»[2]

Несмотря на успех, которым пользовались сатирические сказки у слушателей, на их преобладание в репертуаре, сами сказочники ценят в основном классическую сказку. Сказочница с. Зактуй Тункинского аймака Е. М. Пермякова называла сатирические сказки «сказками-врушками». Марфа Ивановна Нефедьева, сестра Ма[illegible]ав М. К. Азадовскому свои сатирические сказ[illegible] о них пренебрежительно: «Каки ети сказ[illegible]. Вот утец рассказывал — так то [illegible]есся, то ужась брала». В репертуаре брата Магая П[illegible] Ивановича Сороковикова преобладали анекдоты прибаутки, сказки, [illegible] я могу сколь угодно насказать, да что в них. Так иногда для мужиков начнешь их — так ночами сидят, хохочут, я их множество знаю»[3].

Сатирическая сказка менее, чем волшебно-фантастическая, связана каноническими рамками, более свободна.

---

[2] **Белинский В. Г.** Собр. соч., т. X, с. 215.

[3] **ГБЛ.** Архив М. К. Азадовского, «Поездка в с. Бл. Хобок 14—15 июня 1925 г., 27—28 июня 1927 г.». В 1969 г. нами записывались сказки от сказочника Приморского края М. Ф. Литвиненко. По отдельным отрывкам можно догадаться, что репертуар его когда-то был богат волшебными сказками. Те из них, которые ему удалось вспомнить, представляют собой лишь схему сюжетов ког[illegible] настоящие сказки, хороши[illegible]. сожалеет, что многие забыты. Зато сказок-анекдотов, которые он называет [illegible]ми», знает много, рассказывает их интересно, весело, [illegible]анно. Так же с уважением относится к большим волш[illegible] другая сказочница Приморья — А. Г. Соломенникова [illegible]туар почти полностью состоит из бытов[illegible] хотя она называет их «дребедеными

Рассказанная к слу
от того, что хочет с
Е. П. Сороковик
сюжетов, распростр
туаре. Владея таки
зовался.

Иногда, выделяя
ном сюжете. Магай
отношении характер
нившая в себе три с
лю» № 1357, 1380.
сказитель особо акц
ном, разрабатывая
сказка на семейно-б
няется против попо
ет тупоумие и суев
признали своего отц
шел домой, они «зак
тика. Так заканчива
вичем в 1936 г. В з
отличающейся бол
ностью сюжета, ав
выражена с предель
когда тот бьет Ива
ких сынков, а пото
тюрьму»[4].

Так сказка, ослаб
была решающей в
ловскую. Даже в
е старухи и архи
ух, Магай заостря
ой стороне: не сто
оказано отношение
ают вместо руки

Сказки Магая, с. 2

Рассказанная к случаю, она изменяется в зависимости от того, что хочет сказочник подчеркнуть.

Е. И. Сороковикову-Магаю было известно множество сюжетов, распространенных в русском сказочном репертуаре. Владея таким богатством, он мастерски ими пользовался.

Иногда, выделяя один какой-нибудь эпизод в известном сюжете, Магай менял направленность сказки. В этом отношении характерна сказка «Зеленый сенокос», соединившая в себе три самостоятельных сюжета: по «Указателю» № 1357, 1380, 1541. Высмеивая глупость женщины, сказитель особо акцентирует внимание на эпизоде с попом, разрабатывая его более подробно, благодаря чему сказка на семейно-бытовую тему в устах Магая направляется против поповской семьи. Сказочник зло высмеивает тупоумие и суеверие попадьи и поповичей, которые признали своего отца в козле с рогами. А когда поп пришел домой, они «заколотили его на месте», приняв за еретика. Так заканчивается вариант, записанный А. В. Гуревичем в 1936 г. В записи Л. Е. Элпасова 1938 г., хотя и отличающейся большими пропусками и неразработанностью сюжета, антипоповская направленность сказки выражена с предельной ясностью: народ сам судит попа, когда тот бьет Ивана: «Набежал народ, забрали поповских сынков, а потом и попа забрали и осудили их всех в тюрьму»[4].

Так сказка, ослабив нравоучительную сторону, которая была решающей в этом сюжете, превратилась в антипоповскую. Даже в безобидном, казалось бы, анекдоте «Две старухи и архиерей», где высмеивается глупость старух, Магай заостряет внимание слушателей на социальной стороне: не столько высмеиваются старухи, сколько показано отношение народа к богослужителю. Старухи целуют вместо руки архиерея лапу его собаки и веселые

---

[4] Сказки Магая, с. 257.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

т. отвечают:
Обыч-

ленность:
все архиерео-

ва-
без иоп,
растает к телу пона,
т. а просто он ее
ей помощи. От

обретает более ост-

ьно является антире-
е начало.
не совпадают с ни
порицают нестяжа-

стоятельно. Чаще всего в них фигурирует как один из положительных героев Петр I.

Интересен вариант, записанный в 1925 г. М. К. Азадовским от Т. А. Донской. Царь Петр I наказывает попа за то, что он не поехал к бедному мужику крестить ребенка. «Тогда прощу, што ты к бедному мужику не поехал, ковда отгадаешь загадки: сколь до неба высоты и сколь на небе звезд и оцени меня, сколь я стою и што я думаю»[11].

Вариант Магая подробно передает сюжет, в этом он близок к западной традиции, но в отличие от нее усиливает негативные стороны жизни монастыря и «приобретает более яркий, сатирический (по отношению к монахам) характер»[12].

Необыкновенную жадность и глупость попа показывает Магай в сказке «Мужик, два приискателя и поп». Мужик рассказал попу о том, что у него волшебный тулун[13], «стоит только полежать часа два возле проруби в тулупе, как в тулупе появятся золотые деньги». «Когда поп увидел золотые деньги,— повествует сказитель,— он даже не помнил себя, просил из милости мужика, чтобы ему можно было полежать хоть несколько минут в этом тулупе»[14].

Жадность попа — черта классовая, социальная. Как в сказках о животных лиса всегда хитрая, волк глупый, заяц трусливый, так и в сатире поп жаден, глуп. «Дело тут именно в социальном типе, а не в свойствах отдельных лиц,— писал В. И. Ленин.— Лакей может быть честнейшим человеком, образцовым членом своей семьи, превосходным гражданином, но он неминуемо осужден на то, чтобы лицемерить, поскольку основной чертой его

ГБЛ. Архив М. К. Азадовского, тетр. 2.

Афанасьев А. Н. Народные русские сказки, т. III, с. [illegible].

[13] Тулун — кожаный мешок.

[14] Сказки Магая, с. 204—205.

прует как один из

1925 г. М. К. Аза-
I наказывает попа
жику крестить ре-
ому мужику не по-
ть до неба высоты
коль я стою и што

сюжет, в этом он
ичие от нее усили-
тыря и «приобрета-
ошению к монахам)

ность попа показы-
рискателя и поп».
у него волшебный
два возле проруби
отые деньги». «Ког-
ествует сказитель.—
з милости мужика,
ть несколько минут

социальная. Как в
итрая, волк глупый,
жаден, глуп. «Дело
в свойствах отдель-
ей может быть чест-
ом своей семьи, пре-
шнуемо осужден на
сновной чертой его

е сказки, т. III, с. 423.

профессии является соединение интересов барина, к-
рому он „обязался" служить „верой и правдой" с интере-
сами той среды, из которой рекрутируется прислуга»[13]

Как мы убедились, образ попа в сатирических с-
ках Магая — один из распространенных отрицат-
тинов. Над ним потешается ловкий, умный мужик, поп
оказывается глупее трехлетнего сына кузнеца; он доб-
вольно лезет в тулуп, чтобы нажить де-
сеобщим посмешищем, его рвут собственные соолки, за-
бивают до смерти попадья и сын

Сатирическая сказка отличается резкой поляризацией

все открыто, весь в крови. Тогда подостает

ноги, благодарит его за сто, за спасение

тут, и он сто все отдал ему за свою
стал богатый человек — немало вез он

сказка имеет свою мораль, которая не
с общепринятой, в ней действуют услов-
ьства и условные взаимоотношения. В сати-
зке — герой с точки зрения этики не всегда
зато всегда ловок, находчив, умен — на этих
средоточивает внимание сказитель.
охраняя в основном традиционный образ та-
стремится найти оправдание неблаговидным
В сказке «Серебряные шевяки» действия ге-
заранее оправдываются краткой характери-
ющих лиц: мужик «очень был беден», при-
он обманывает, «хорошо раньше знал,
[17]. Они становятся жертвой
зависти и жадности, мужик лишь ловко
остатками. Приискатели и в самом деле,
ик, захотели легкой наживы: «А что,
кобылицу, чем нам скитаться с тобой
убивать, завести такую кобылицу и
обман, который приводит к гибели
жен и пона, не вызывает у слушателей
поступков мужика, а звучит как справедли

Мой
развертывает известный сюжет,
усиливаются обстоятельства, оправ-
героя. Показателен в этом отношении
«сленшего» мужа над гостем (гостями)
на сюжет «Никола Дуплевский». Так,

в сказке из сборни
выглядит неблагов
так как муж дейст
видит, что жены
сил, слез с печи,
всех перебил и за
подавился; после
В сказке Магая
вует. Муж здесь
дал ей сто рублей,
коварного любовни
В сатирическах
щенные образы, у
хологизм. В сказк
логам, размышлен
жущаяся реальнос
щего. Мужик, объ
лошадь, рассужда
шибко не кормлю
слова придают пра
«Для того, чтоб
ставление о хара
ля,— указывал М.
представление о е
процессах,— даже
интерпретацию сю
одной и той же ск
межутки времени»
нять, как изменяет
Рассмотрим, ка
в различных варна
лась корова».

[19] Афанасьев А. 1
[20] Сказки Магая,
[21] Азадовский М.
Сказки Магая, с. XX

а сто, за спасение

отдал ему за свою
ек — немало вез он

мораль, которая не
ей действуют услов-
отношения. В сати-
ия этики не всегда
ив, умен — на этих
е сказитель.
ционный образ та-
ние неблаговидным
евяки» действия ге-
краткой характери-
ть был беден», при-
орошо раньше знал,
становятся жертвой
, мужик лишь ловко
тели и в самом деле,
кой наживы: «А что,
м скитаться с тобой
такую кобылицу и
приводит к гибели
вывает у слушателей
чит как справедли

известный сюжет,
стоятельства, оправ-
ен в этом отношении
ад гостем (гостями)
Дупленский». Так,

в сказке из сборника А. Н. Афанасьева [illegible] выглядит неблаговидным даже для сатири[illegible], так как муж действует против невинных гостей: «[illegible] видит, что жены нету, а гости напитались и [illegible] сили, слез с печи, давай крестить кого в лоб, кого [illegible] всех перебил и заткнул им в рот по блину, будто са[illegible] подавилися; после влез на печь и стал отдыхать»[20].

В сказке Магая эта натуралистическая сцена [illegible]вует. Муж здесь действует против глупого («любовник дал ей сто рублей, чтобы от кормешки муж [illegible] коварного любовника.

В сатирических сказках, как правило, даются [illegible]щенные образы, условные обстоятельства, им чужд психологизм. В сказках Магая благодаря внутренним монологам, размышлениям, раздумьям героя усиливается ка[illegible]жущаяся реальность ситуаций, достоверность [illegible]щего. Мужик, объясняя приятелям, поч[illegible] лошадь, рассуждает: «Пожалуй, продал б[illegible] шибко не кормлю, еду мелочь надоело собирать»[21]. Эти слова придают правдоподобие выдумке мужика.

«Для того, чтобы составить полное и целостное представление о характере творчества какого-либо сказителя,— указывал М. К. Азадовский,— что[illegible] представление о его творческом методе и [illegible] процессах,— даже и для того, чтобы полне[illegible] интерпретацию сюжетов,— необходимо иметь ряд записей одной и той же сказки, повторяя их в определенные промежутки времени»[21]. Эти повторные запи[illegible] нять, как изменяется творческое лицо сказителя.

Рассмотрим, как психологические моменты отражены в различных вариантах сказки «Как у поменика потерялась корова».

[illegible] Афанасьев А. Н. Народные русские ска[illegible]

[20] Сказки Магая, с. 207.

[21] Азадовский М. К. Сказочник [illegible] Сказки Магая, с. XXV.

В записи [illegible] выражен [illegible] Мет[illegible] манн [illegible] [illegible] [illegible]

ки ушла. Сто рублей и корова пропали и все ж таки запихал з[illegible]
ня.— думает на уме.— Ну, ладно, продолжай дальше, гаварит, как
вы ее воровали» [illegible].

Запись 1927 г.

«Публики, публики! Не входят на [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

но зато усиливается внутренняя логика образа. Так, в сказке «Серебряные шевяки», записанной в 1925 г., мужик насильно сажит в тулуп попа. В записи 1938 г. мужик так хлаетея обмануть попа, что тот добровольно, движимый завистью и жадностью, сам лезет в тулуп. Сказка имеет зачин, который создает фон и сразу привлекает слушателей на сторону бедного крестьянина, у которого «как-то все выходило, куда ни кинь, туда и выходит [illegible]»[26]

---

[22] ГБЛ. Архив М. К. Азадовского, тетр. 1
[23] Сказки Магая, с. 216—2[illegible]
[24] Там же, с. 215—2[illegible]
[25] Там же, с. 206

сказок следует отметить более умеренное упо-
книжных слов, а также чуждых традиционной
ажений. Так, в сказке 1938 г. «Как старуха
парю» мимоходом говорится о том, как узнали
кою: «Один вельможа где-то услыхал, что вот
деревне есть старуха, знаменитая ворожейка.
ет она разгадать, где находится царский пер-
посылает за старухой»[26]. В сказке 1925 г.
дан более подробно: «И вот царь объявил
афию, чтоб отпечатать в газетах, не найдется ли
ворожить. И вот газеты живо разлетелись,
удостоверять ету старуху бабушку Дом-
ли ее в редакцию, и в редакции так же точно
тали газеты во все стороны, что значит такая ста-
ожит. Из етих газет государь узнал о бабушке
что она так замечательно ворожит. По телеграф-
общению потребовал он бабушку Домну, и екст-
ли бабушку Домну к государю»[27].

сказку деталей, связывающих ее с совре-
мечалось нами в сказках и других тункин-
ников — А. А. Шелиховой, Г. А. Тугарина,
онской, Д. С. Асламова и др. Нередко герой по-
ния из книг, газет, как в приведенном выше
Например, в сказке Г. А. Тугарина Иван-царе-
«Марфиду-царевну достать да взамуж взять!
ышно по газетам, што такая есть красавица
царевна». И далее: «Ваше царское величество,
невесту и не можете подыскать. В газете
кой, было вот известие...»[28].

ческая сказка Магая очень экономно исполь-
ственные средства. Эпитет служит для крат-
ристики персонажа: умный, хитрый, ловкий,

---

[26] Сказки Магая. с
[27] Там же, с. 238
[28] Там же, с. 238

глупый, злой, бед
Для развития сюж
остренности большо
пытается индивиду
например, легко уз
слов. Вот пример
исповеди:

« — Ну, раб гос
грехи есть?

— Эх, батюшка
вать опасно. Что-н
вдруг выведете все

— Нет, раб бо
бы ты и украл чег
ный закон...»[29]

А вот житейск

« — Что вы, Ка

— Дак как мн
украли, и не знай т

Как уже говор
рассказывал произ
на русском и бурят
ками, как «Сактах
«Летающий лама»,
в основе которых
фольклоре легенды
были и сатирически

Взаимовлияние
отметила исследова
ранникова, «особо
ках. Это объясняет
цификой этих сказ
го, так и бурятско

---

[29] Сказки Магая. с
[30] Там же, с. 238

лее умеренное упо-
адых традиционной
8 г. «Как старуха
о том, как узнали
услыхал, что вот
енитая ворожейка.
дится царский пер-
В сказке 1925 г.
И вот царь объявил
ах, не найдется ли
живо разлетелись,
руху бабушку Дом-
кции так же точно
значит такая ста-
ь узнал о бабушке
жит. По телеграф-
ику Домну, и екст-
арю»[27].
зающих ее с совре-
к и других тункин-
й, Г. А. Тугарина,
Нередко герой по-
приведенном выше
угарина Иван-царе-
да взамуж взять!
ая есть красавица
царское величество,
одыскать. В газете

, экономно исполь-
служит для крат-
й, хитрый, ловкий,

глупый, злой, бедный, богатый, завистливый, жадный
Для развития сюжета, придания ему сатирической
остренности большое значение имеют диалоги. Сказит
пытается индивидуализировать речь персонажей:
например, легко узнать по обилию елейных, лицемерных
слов. Вот пример диалога хитрого мужика с попом на
исповеди:

« — Ну, раб господень, кайся в грехах. Какие у тебя грехи есть?

— Эх, батюшка, покаялся бы, да все ведь
вать опасно. Что-нибудь секретное я вам покаюсь,
вдруг выведете все наверх.

— Нет, раб божий, не будем наверх выводить,
бы ты и украл чего-нибудь. Потому у нас есть священ
ный закон...»[29]

А вот житейский разговор, происходящий на

« — Что вы, Карпыч, так при горе?

— Дак как мне не горевать, когда тройку кров
украли, и не знай теперь, где их взять»[30].

Как уже говорилось, Е. П. Сороковиков-Магай знал и рассказывал произведения бурятского фольклора, сказки на русском и бурятском языках. Наряду с такими ска-ками, как «Сактахи Мэргэн», «Про двух бурят
«Летающий лама», «Почему хвост у ласточки
в основе которых лежат распространенные в
фольклоре легенды и сказания, в репертуаре
были и сатирические.

Взаимовлияние русского и бурятского фольклора
отметила исследовательница бурятских сказок Е. В
раникова, «особо богато сказалось на сатирических ска-ках. Это объясняется самой идейно-художествен
цификой этих сказок и их функцией в жизни как ру
го, так и бурятского народов. Сатирические сказки прав-

[29] Сказки Магая, с. 232
[30] Там же, с. 238

— У неба с г
а у важных и строг
Третий улусник
— Что правда,
за хорошего, а жир
И, оказывается, зря
Тут раздался т
вблизи стоящие юр
Интересно отмет
ского быта, обычае
раженной в афори
и бурят.

Высмеивая поро
утверждала доброе
тественно звучат
бытовой сказке «С
превращенном в зо
«С тех пор ездит
что есть сил и, гон
смерти. А счастье
раком, и живет он
только может быть

Сатирические с
ют с древнейших
в традиционных ра
сюжета и в то же
замыслу. Сказител
меркой своего вре
рит эпохи.

---

[32] Правда Бурятии
[33] Там же.

— У неба с грозой и тучами не оказалось дождя, а у важных и строгих лам ума не оказалось.

Третий улусник добавил:

— Что правда, то правда. Бывает, что жирный конь за хорошего, а жирный нойон и лама за мудрых слывут. И, оказывается, зря!

Тут раздался такой смех в народе, что затряслись вблизи стоящие юрты»[32].

Интересно отметить в данной сказке отражение бурятского быта, обычаев и, конечно, народной мудрости, выраженной в афоризмах, остроумных сравнениях русских и бурят.

Высмеивая пороки и недостатки, сатирическая сказка утверждала доброе, справедливое на земле. И вполне естественно звучат заключительные слова Магая в старой бытовой сказке «Счастье и горе», повествующей о поте, превращенном в золото, и о горе, которое выкопал богач: «С тех пор ездит горе на том богаче, хлещет его кнутом что есть сил и, говорят, недавно захлестало его до полусмерти. А счастье, говорят, крепко подружилось с батраком, и живет он с тех пор радостный и довольный, как только может быть довольным человек»[33].

Сатирические сказки, рассказанные Магаем, существуют с древнейших времен и даны сказителем в основном в традиционных рамках. Магай заботится о сохранности сюжета и в то же время подчиняет его определенному замыслу. Сказитель подошел к сатирическим сказкам с меркой своего времени, своих взглядов, отразил колорит эпохи.

---

[32] Правда Бурятии, 1958, 14 сент.

[33] Там же.

ЧНОЕ
МАГАЯ

[illegible]ит для вон-
[illegible]оторое обычно свя-
[illegible]ым мышлением по-
[illegible]реснейших вопро-
[illegible]ы и общественной
[illegible]нимая в устах
[illegible]рму, превраща-
[illegible]мышлениям, что
[illegible] то сказка или
[illegible]встречи с Его-
[illegible]метил, что тот
[illegible] М. К. Азадов-
[illegible]ванные люди о
[illegible]
[illegible] книге, но и в на-
[illegible]гариков, на памяти
[illegible] события. Склон-
[illegible]ность, повышенный
[illegible]ой край и. на-
[illegible]ростовали том
[illegible] преданий Сибири.
[illegible]гной почве, здесь

было кому рассказать народные предания и сказки и самое главное — было у кого поучиться. Каких только пре[illegible]ний не услышишь в Тункинском крае и теперь! До с[illegible]р этот жанр народного творчества пользуется большим [illegible] у пожилых. А в [illegible]ется сказительский репертуар [illegible] А. Шелиховой, С. В. Бушино[illegible] «петовин» пользовал[illegible] не только потому, что несли[illegible]

ственным источником знаний для наро[illegible]

[illegible]сточной Сибири, в книге «Народные предания» пишет об обычае, существовавшем среди некоторой части русского населения Сибири: «Отец ставил перед собой [illegible] спрашивал его происхождение, начиная от предка, [illegible]рый был известен отцу. Как правило, сибиряки вели свою родословную от пращура, поселившегося в Сибири. Отсюда потомки должны были помнить, чем занимались предки»[2].

Магай большую часть преданий перенял от деда и отца. Многое он приобрел уже в зрелом возрасте, когда встречался с жителями других местностей. Н. К. Бекетов вспоминает, как Магай приезжал к нему, и они разгова[illegible] [illegible]ропе. Восхищаясь Саяне[illegible]

[illegible]лины, откуда приехал Н. К. Бекетов, любил рассказывать о происхождении гор, рек, озер; с большим вниманием и сам слушал собеседника[3]. Г. А. Нефедьев (сын друга сказителя) также свидетельствует о любознательности Магая; его беседы с отцом нередко длились до утра[4]. Воз-

---

[2] [illegible] Н. Е. Русский фольклор Восточной Сибири. Ч. 2. Народные предания. Улан-Удэ, 195[illegible]. (Далее: Народные пре[illegible]

[3] Из личной беседы с Н. К. Бекетовым [illegible]

[4] То же.

можно, так и рождались новые сюжеты, постепенно облекаясь в художественную форму. Не только сказочные образы рождались в воображении Магая, когда смотрел он на Саяны или бродил по тайге, но и воскрешались услышанные им когда-то рассказы о смелых и сильных землепроходцах Сибири, о народных заступниках, знакомых местах. Он любил наблюдать природу, и эти наблюдения оживляли его сказки и предания. Любил философствовать, размышлять, герои его произведений отличаются теми же качествами.

С молодых лет Магай был известным знатоком истории заселения края. «Он часто ходил по дворам,— вспоминал Б. Д. Машкинов,— язык бурятский он хорошо знал, в родстве с соседями бурятами был, происхождения родов знал и рассказывал. Старики буряты и то у него консультировались, человек разбирался в истории Тунки»[5].

Фольклор непосредственно и очень тесно связан с жизнью, он зависит от практической деятельности его носителей. В преданиях, более чем в других жанрах, отражалось то, что волновало ум и сердце, что непосредственно касалось жизни. Пусть даже сказитель рассказывает одному ему известное произведение, все равно он выступает от имени тех, с кем живет, кто его слушает.

Все процессы, происходившие в Сибири, в своеобразном преломлении отразились в народном творчестве. В предания свои принципы и законы отражения действительности. Чем, например, объяснить, что одни и те же факты в разных местностях породили различные по идейному содержанию предания? Так, по р. Чусовой бытуют предания о чуди — народе, якобы населявшем местность до прихода сюда русских. Предания указывают на ямы, в которых этот народ будто бы заживо захоронил себя перед приходом новых засельщиков. В произведениях прибайкальцев также имеются сведения о чуди и остав-

[5] Записано автором в 1968 г.

нихся после них ямах
преданиям, в них яко
Предания исходят
разно отражая ее, о
дожественными проц
законам художествен
обладает своей манер
венными средствами,
создать более или ме
Произведения Ма
ной формой, в них,
чаче деталей, с дру
низм, связанный с
Для преданий хара
в них дается эмоцио
описывается обстано
найти любопытные
жизни.
В преданиях Мага
ражены взгляды на
венной жизни; эти в
характер». В. И. Ле
кого здорового чело
доме или в науке у
что вещи, среда, ми
ощущения, от нашет
века вообще. Тот са
ловеческом смысле
клонное убеждение.
другие люди, а не
высокого, низкого, ж
опыт создает наше
да существуют незав

[6] Ленин В. И. Полн.

. постепенно обле-
только сказочные
тая, когда смотрел
о и воскрешались
смелых и сильных
заступниках, зна-
природу, и эти на-
дания. Любил фи-
произведений отли-

ым знатоком исто-
по дворам,— вспо-
ний он хорошо знал.
происхождения родов
то у него консуль-
ории Тунки»[5].
ь тесно связан с
деятельности его
других жанрах, от-
це, что непосредст-
казитель рассказы-
ние, все равно он
, кто его слушает.
ибири, в своеобраз-
родном творчестве.
отражения действи-
что одни и те же
различные по идей-
р. Чусовой бытуют
елявшем местность
указывают на ямы,
ево захоронил себя
В произведениях
ия о чуди и остав-

шихся после них ямах, но ямы имели иное назначение: по преданиям, в них якобы добывали руду и плавили металл.

Предания исходят из реальной действительности. Образно отражая ее, они в первую очередь являются художественными произведениями и поэтому подчиняются законам художественного творчества. Каждый сказитель обладает своей манерой повествования, своими художественными средствами, с помощью которых ему удается создать более или менее яркое повествование.

Произведения Магая отличаются высокохудожественной формой, в них, с одной стороны — точность в передаче деталей, с другой — нередко использован гиперболизм, связанный с былинной и сказочной традициями. Для преданий характерна установка на правдоподобие, в них дается эмоциональная оценка реальности, подробно описывается обстановка, где происходят события, можно найти любопытные подробности из давно минувшей жизни.

В преданиях Магая объективно освещены события, отражены взгляды народа на явления природы и общественной жизни; эти взгляды носят «наивно-реалистический характер». В. И. Ленин писал: «„Наивный реализм“ всякого здорового человека, не побывавшего в сумасшедшем доме или в науке у философов идеалистов, состоит в том, что вещи, среда, мир существуют *независимо* от нашего ощущения, от нашего сознания, от нашего *Я* и от человека вообще. Тот самый *опыт* (не в махистском, а в человеческом смысле слова), который создал в нас непреклонное убеждение, что существуют *независимо* от нас другие люди, а не простые комплексы моих ощущений высокого, низкого, желтого, твердого и т. д.,— этот самый *опыт* создает наше убеждение в том, что вещи, мир, среда существуют независимо от нас»[6].

---

[6] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е

[illegible] бщих философских и социальных [illegible] нализм имеет стихийный характер, [illegible] сопоставляемый идеалистическому мировоззрению. Материалистические взгляды на природу носили не теоретический, а практический характер. Даже будучи религиозным по своим убеждениям, сказитель высказывает материалистические и даже диалектические взгляды, когда речь идет о конкретном предмете. «Конечно, материалистическое мировоззрение,— писал Ф. Энгельс,— означает просто понимание [illegible] всяких посторонних прибавлений...»[7]

Люди искали объяснения природным явлениям не в божественной силе, а во внутренней силе самой природы и старались познать ее законы. Наблюдая природные явления, народ накапливал опыт, который передавался из поколения в поколение, часто приобретая художественную форму. Народ верил в то, о чем говорилось в преданиях, да и сами сказители придавали своим рассказам правдоподобие: «Про название деревни Суво много рассказов [illegible]ит, но самое верное из них вот это»,— говорится в [illegible]

У Магаса [illegible] ния природы, хотя в [illegible] нике писал о Магае: «Пону[illegible]

Марке К., [illegible]
Сказки и по[illegible]
Там [illegible]

[illegible] в каждой речке, в каждом ручье [illegible]
[illegible] и все разные, бывает до двадцати, а то и боле, все эт[illegible]
[illegible] просто. Природа сама по себе не [illegible]

[illegible] столько его [illegible]
доказательный ответ, поспорить ради того, чтобы глубже
познать истину, услышать мнение других. По свидетель-
[illegible] тункинцев, Магай никогда не придавал как[illegible]
[illegible] значения своим знаниям народной м[illegible]
[illegible] рас-
[illegible]

[illegible] Мо[illegible]
[illegible] хождение Бай-
[illegible] только он не
[illegible]
[illegible] ного
[illegible] гор
[illegible] они
[illegible] вы и не давали ей убывать... Ни бог, ни черт
Байкал создать не мог, потому что он бы их сначала
проглотил, а потом бы выбросил. Байкал в себе ничего
не держит, все, что попадает в него, он все выбрасывает.
Так испокон веков народ об этом говорит. Мой дед [illegible]
то же самое рассказ[illegible]

Солнце — вот это сила, потому людям от него жизнь
идет, а если оно закроется, то ни бог, ни черт не помо

ГБЛ. Архив М. К. Азадовского, тетр. 1

жет. Солнце лед растопило, оно Байкалу жизнь дало на людскую радость»[11]. Все в мире изменяется: природа, люди, и вообще было время, когда людей на земле не существовало. Не вдруг образовался и Байкал, превратившись в сибирское море. Об этом говорят и другие предания Сибири. «Сначала Байкал был небольшим, потом к нему прорвалась Верхняя Ангара, и он прибыл. Через много лет Байкал помаленьку раздвигал свои берега, смыл много гор и пробрался до самых крутых и крепких гор. Около Саян он остановился. Тут воды в нем стало так много, что ей деваться некуда было, она прорвалась через Нижнюю Ангару к Иркуту, и байкальская вода стеклась с водой Ледовитого океана»[12]. О том, что Байкал своими внутренними водами был связан с Ледовитым океаном, рассказывается во многих преданиях, утверждение это явилось результатом наблюдения: «Раньше старики часто запросто о том рассказывали: разобьет лодку на Байкале, а доски в Ледовитом находили, или что потонет в Ледовитом — на Байкале всплывало»[13], - говорится в предании Е. Д. Перфильева.

Все в природе причинно обусловлено, не всегда человек может найти и объяснить причину того или иного явления, но она существует, и люди доискиваются, строят предположения, которые основаны на наблюдениях многих поколений. Иногда объяснения носят упрощенный характер, но главное в том, что существует убеждение в причинно-следственной взаимосвязи.

Как же человек узнал, что было «много тысяч лет назад, а может и миллион», когда и людей-то может на земле не было, а если и были, то «те люди были не такие, как теперь, им не надо было одежды, они ходили обросшие волосами, и оттого им было тепло»[14]: как же люди

---

[11] Байкальские предания, с. 134.
[12] Тамже.
[13] Тамже, с.
[14] Оси Бай

калу жизнь дало на
няется: природа, лю-
людей на земле не
и Байкал, превратив-
ворят и другие пре-
л небольшим, потом
и он прибыл. Через
гал свои берега, смыл
утых и крепких гор.
ды в нем стало так
она прорвалась через
ьская вода стеклась
, что Байкал своими
Ледовитым океаном,
их, утверждение это
Раньше старики час-
обьет лодку на Бай-
ии, или что потонет
ало»[13],— говорится в

лено, не всегда чело-
ину того или иного
ионскиваются, строят
а наблюдениях мно-
носят упрощенный
ествует убеждение в

о «много тысяч лет
людей-то может на
люди были не такие,
и, они ходили оброс-
ло»[14]; как же люди

[illegible] всем этом узнали? На этот вопрос предания дают свой
ответ, который является одновременно ответом на [illegible]
ный философский вопрос: познаваем ли мир. Так, в пре-
дании, записанном от известного тункинского сказителя
Ц. С. Асламова, находим такой ответ: «С[illegible]
ников еще и то, что когда Байкал появля[illegible]
время здесь не было, а народ про то знал по своей мысли
ли, как-то он должен был появиться, не с неба же Бай-
кал на землю спустили».

В преданиях, повествующих об общественной жизни, не только показано эмоциональное отношение к реальной действительности, но высказываются и определенные взгляды. На явления общественной жизни существовал «естественный» взгляд: социальные отношения трактовались как человеческие. И это [illegible]тично отражало внешнее положение вещей, которое существовало в начале заселения края. На первых порах действительно многое зависело от «хорошего» или «плохого» руководителя отряда. Лишь несколько позже события общественной жизни стали оцениваться с точки зрения кла[illegible] отношений.

Множество преданий в Сибири повествует о тяжелой [illegible] в старое время. Помимо трудностей, [illegible] условиями, необжи-[illegible] были трудности и [illegible] Чиновники смотрели на вверенные им территории [illegible] свои вотчины, видя в них лишь доходное место. Были случаи, когда не в меру ретивые на[illegible] приходились суду за творимые ими притеснения. Но случалось и так, что над ненавистным чиновником народ устраивал самосуд. Об одном таком случае говорится в предании Магая «Земля и ро[illegible]

[13] Байкальские предания, с. 4.

В Прибайкалье была выпущена инструкция, которая предписывала различные формы телесного наказания за проступки крестьян. «Наказания тогда были строгие,— повествует сказитель.— Коли мужик не запашет вовремя землю, приезжает чиновник, собирает сход, и при всем народе такому мужику всыпают розги. Дерут, дерут такого мужика и приговаривают: „лопни кожа с вечера — утром не проснешь". Так, бывало, розгами отхлещут, что всю спину на ремни раскроят»[17].

В этом предании Магаю удивительно правдоподобно удается передать события давно минувшего благодаря употреблению глаголов второго лица в значении личной формы. Создается впечатление, что сказитель сам присутствовал во время описываемых событий, хотя вначале и указывается с ок давности происходящего: «лет двести тому назад».

Простой народ осуждал всякого рода грабеж и насилие. Бывали случаи, когда сами казаки расправлялись с разбойниками из своих же казаков. Интересно в этом отношении предание «О разбойнике Симоне». Сказитель В. В. Троицын с презрением говорит об этом «казачишке, по прозванию Симон», которого выследили казаки и устроили ему суд: «В петлю да на сук». «Так и сделали, [illegible] разбойника-нехристя, туда ему и дорога»[17].

Одним из приемов достижения правдоподобия в преданиях Магая является определение хронологии. С нее так раз чаще всего и начинает сказитель свое повествование: «Это было, наверно, в середине XVII века, когда отдельные отряды казаков в поисках пушнины, серебра и золота проникали в такую глушь, куда и звери не проходили»[18] («Страшная беда»); «Лет двести тому назад,

[17] Байкальские предания. [illegible]
[18] Там же, с. 97
[illegible]

когда чиновник[illegible] «Земля и розги»).

Иногда хронологи[illegible]ия: как бы подводит[illegible]верность и указывает[illegible]но и откуда сведения [illegible]00—250 тому назад. [illegible]Гунку, их помнил и [illegible] в карауле на Мондах»[illegible]елении бурятами В[illegible]потребляет сказочны[illegible]нология того [illegible]

Художественное в[illegible]провано, но не [illegible] наблюдается сдвиг во[illegible] Разин и Пугачев, жи[illegible]зуют совместн[illegible] Чернышевский [illegible]

Природа, с кото[illegible]засельщики в Сибири[illegible]ии. Ее восприятие, к[illegible]не могло не отразить[illegible]

Сказочная традиц[illegible] (синее море, высокие [illegible]ках же Магая прир[illegible] вырисовываются Гу[illegible]гропы, быстрые горн[illegible]от большое место. О[illegible]ываемых событий, [illegible]сти происходящих п[illegible]

Живописная при[illegible]та сказителей, оп[illegible]ческие назв[illegible]

[19] Байкальские пред[illegible]
[20] Там же, с. [illegible]

когда чиновников здесь развел [illegible]
(«Земля и розги»).

Иногда хронология переносится на конец произведения; как бы подводится итог, делается ссылка на достоверность и указывается, когда это событие примерно было и откуда сведения дошли до сказителя: «Было это лет 200—250 тому назад. Особенно много бурят пришло в Тунку, их помнил и мой дедушка, который служил тогда в карауле на Мондах»[20],— заканчивается предание «О заселении бурятами Восточной Сибири». Иногда Магай употребляет сказочный зачин типа «Жили-были...», хронология тогда встречается по ходу повествования.

Художественное время в преданиях хотя и конкретизировано, но не всегда соотносится с реальным, нередко наблюдается сдвиг во времени, анахронизм событий. Так Разин и Пугачев, жившие в разные эпохи, иногда действуют совместно, или вместе с Ермаком покоряют Сибирь, Чернышевский и Пушкин вместе спорят с царем.

Природа, с которой в первую очередь столкнулись засельщики в Сибири, имела большое значение в их жизни. Ее восприятие, как эстетическое, так и практическое, не могло не отразиться в преданиях.

Сказочная традиция знает лишь абстрактную природу (синее море, высокие горы, непроходимые болота). В сказках же Магая природа конкретна, в описании ее ясно вырисовываются Тункинские гольцы, тайга, охотничьи угодья, быстрые горные реки. Картины природы занимают большое место. Они не только служат фоном для описываемых событий, но и создают впечатление длительности происходящих процессов.

Живописная природа Тункинской долины вдохновляла сказителей, они поэтизировали ее, простые географические названия приобретали окраску художественных

---

[19] Байкальские предания, с. 240.
[20] Там же, с. 70.

символов, широко использовались олицетворения. Сами произведения [illegible] ндарный характер [illegible] и шаман» Л. С. [illegible]

Богатое воображение Магая рисовало картины прошлого, рождало художественные образы, а мастерство сказочника создавало сочное, колоритное полотно. Немалое [illegible]

[illegible] владыки Байкала все есть, что только может быть на земле, под землей и в воде»[21] Возражения Иркута полны восхи[illegible] цого Байкала. У моего отца золота и серебра в Саянах столько, что много веков его надо будет возить по [illegible] свету и никто не сможет его полностью перевезти. [illegible] ных драгоценных камней хватит, чтобы украсить всю землю, а зверей так много, что можно одеть всех людей, которые живут и будут жить еще тысячи лет. Таких богатс[illegible]

[illegible] используя поэти- [illegible] природны[illegible] [illegible] и «Откуда Селенга [illegible] ы в то время [illegible] или не- [illegible] зверя водилось видимо-невидимо, а птицы и того [illegible][23]. Об этом же рассказывается и в предании «О заселении бурятами Восточной Сибири [illegible]

---

[21] Сказки и предания Ма[illegible]

[23] Там же, с. 355

оказались несметные, трава здесь для скота ро[illegible]
оня, соболи и бел[illegible] около юрт ходили, рыб[illegible]
ожно было ловить. Об этих местах буряты стали [illegible]
кладывать [illegible]

Произве[illegible] знание
[illegible] Иркут и мудрый
[illegible] дано конкретное
[illegible] их назва-
ние. [illegible] в [illegible]ается в
[illegible]

Большое место занимает описание природы в топони-
[illegible] — одна из
аших [illegible] представление о
[illegible]ившись [illegible]
[illegible] засельщиков
[illegible] только из-
[illegible]у жизнен-
[illegible]

[illegible] ниш
[illegible] (одному селу или ряду сел).
[illegible] не только отдельные ключи, овраги,
[illegible]сы, заимки. Они необходимы для
[illegible]

Осваивая край,
[illegible]ские названия
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]ческая.

Таких преданий Е. И. Сороковиков-Маган знал мно-
[illegible]олюдательность, вдумчивость, тонкое чувст-
[illegible] природы, нашли отражение в топологических преда-

Байкальские предания, с. 70.

ниях. У Магая они различной формы. Иногда это спокойное, мерное повествование со множеством бытовых подробностей; таково предание «Почему наш край Сибирью прозвался». В нем основная функция — познавательная.

Своеобразную форму имеет произведение «Откуда Селенга взяла свое название». Оно представляет собой предание в предании. Чимчигирский князек рассказывает байкальским тунгусам о своих предках, заселении края. Магай нарисовал живую картину обстановки, образ рассказчика, его неторопливую манеру повествования, любопытство слушателей, с нетерпением желающих узнать, почему так называется река.

Если в предании «Откуда Селенга взяла свое название» топонимическое предание обрамляет другое, связан- [illegible] о создании Иркута Иркут и мудрый Мунке-Саридак» объединяет несколько взаимосвязанных сюжетов, то предание «Суво» состоит из двух самостоятельных произведений, каждое из которых вполне могло существовать самостоятельно, между ними нет ни сюжетной, ни логической связи, соединяет их лишь предмет повествования — Суво. Первая часть повествования о том, как пришли тунгусы и почему назвали местность «Суво». Вторая — о русском селе Суво.

В предании «Откуда взялось название [illegible]кал“» Магай широко использует сказочную поэтику, гиперболизм. Язык сочный, яркий, образный. О величине Шаманского [illegible] свет закрыл. Ни вправо, ни влево от него отвернуть нельзя: кругом такие горы, что закинешь голову — шапка слетает, а верхушки не вид[illegible]

Сказитель развертывает интересный сюжет о трудностях пути первых землепроходцев, о добрых взаимоотношениях с бурятами. Объяснение названия, как и в предании «Почему наш край Сибирью прозвался», дается

[25] Байкальские предания, с. 130

Иногда это спокой-
ством бытовых под-
наш край Сибирью
ия — познавательная.
ведение «Откуда Се-
дставляет собой пре-
князек рассказывает
ках, заселении края.
тановки, образ рас-
повествования, любо-
ающих узнать.

га взяла свое назва-
ляет другое, связан-
предание «Гордый
бъединяет несколько
ание «Суво» состоит
ний, каждое из кото-
мостоятельно, между
кой связи, соединяет
во. Первая часть по-
сы и почему назвали
м селе Суво.
вание „Байкал“» Ма-
оэтику, гиперболизм.
еличие Шаманского
дорогу перегородил,
него отвернуть нель-
голову — шапка сле-

ный сюжет о трудно-
добрых взаимоотно-
звания, как и в пре-
о прозвался», дается

шишь в конце произведения, его Магай вкладывает в уста проводника-бурята. Здесь сказитель использует характерный для своей манеры повествования диалог.

«Ушел старик в тайгу, а сын повел русских новой дорогой, вывел их на берег моря и сказал:

— Байгал.

Русские спросили его, что это такое, он им ответил:

— По-нашему значит огненное место, здесь раньше ночью огонь был, потом земля провалилась и стало море. С тех пор мы зовем наше море Байгалом.

Русским это название понравилось, и они тоже стали называть это море Байкалом»[26].

Такая форма дала возможность Магаю ввести в известное ему ранее предание другое, которое он услышал от бурят.

Во многих из них сначала, перед тем, как перейти к основной линии сюжета, дается как бы вступление, которое представляет собой описание природы или быта. Такое вступление служит и фоном изложения. В других случаях эпизод является иллюстрацией сказанному. Так, в предании «Земля и розги» Магай рассказывает о том, как тяжело жилось крестьянам. Подробно нарисовав, как «каждый чиновник драл с мужика по три шкуры», сказитель рассказывает о типичных случаях наказания крестьян и заканчивает повествование конкретным примером: «Был тут такой полицейский, так от него все деревни и все старосты плакали. Как, бывало, приедет он в волостное правление, так быть большой беде. Долго тут он самоуправствовал, но потом нашелся один мужик да и ухлопал его. Сколько ни искала полиция, кто это сделал, но никого найти не могла. Так и извели эту черную душу»[27].

---

[26] Байкальский сборник. С. 210.
[27] Там же. С. 212.

На примере лини[illegible]ний видно, как разнообразны композиционные решения в преданиях Магая.

Наконец, надо отметить отражение пси[illegible] момента в преданиях Магая. Потрясающу[illegible] сказал сказитель в предании «Страшная бе[illegible] нимают трудности, переживаемые казаками [illegible] гическое состояние, их думы.

Интересна роль природы в произведен[illegible]

[illegible]

[illegible]

ской форм[illegible] средства. [illegible] терно исп[illegible] ров фольклор[illegible] венно [illegible] сказку «[illegible]

[illegible]

[illegible]

ным средств[illegible] сказочный сюжет, композиция или обра[illegible]

Произведения Магая испытали на себ[illegible] рятского и эвенкийского фольклора. Бурятс[illegible] ми проникнуто красивое по форме и [illegible] держанию предание «Гордый Ир[illegible]

Байкальские предания. [illegible]

Саридак». Используя к[illegible] лицетворение, Магай [illegible] основу которого лег[illegible] и легенды о происхожд[illegible] единой сюжетной лини[illegible] бы составить самостоят[illegible] ебедя сказитель вклад[illegible] Байкала: «Я лечу от си[illegible] когда-то просторная до[illegible] паслись стада. Прова[illegible] вылетел огненный стол[illegible] большое и светлое озе[illegible] вкладываются топоним[illegible] олине повстречался с[illegible] богатырь, бежал он т[illegible] емли посмотреть и с[illegible] Иркут и спросил незна[illegible]

— Эй, кто такой ты[illegible]

Обиделся молодой [illegible]

— Я не мальчишка [illegible] потому и зовут меня З[illegible]

Сказочно-легендари[illegible] включило в себя реаль[illegible] ние Иркута с Ангарой[illegible] гордый Иркут прыгает[illegible] ает водой — все это [illegible] представленные в сказ[illegible]

Начинается преда[illegible] определения давнос[illegible] то когда-то в незапам[illegible] человечество. В ту пор[illegible] цы, а среди них ста[illegible]

[illegible]

Саридак». Используя как основной поэтический прием — олицетворение, Магай создал прекрасное произведение, в основу которого легли известные сказителю предания и легенды о происхождении рек и озер. Все они связаны единой сюжетной линией, хотя отдельные эпизоды могли бы составить самостоятельные произведения. Так, в уста лебедя сказитель вкладывает предание о происхождении Байкала: «Я лечу от синих вод старого Байкала. Была там когда-то просторная долина, росли на ней хорошие травы и паслись стада. Провалилась эта долина, из недр земли вылетел огненный столб, а на месте долины образовалось большое и светлое озеро Байкал»[29]. В уста Зун-Мурина вкладываются топонимические предания: «В Тункинской долине повстречался ему [Иркуту] красивый и молодой богатырь, бежал он тоже от Саянских гольцов другие земли посмотреть и самого себя показать. Остановился Иркут и спросил незнакомца:

— Эй, кто такой ты будешь, мальчишка?

Обиделся молодой богатырь на Иркута, но ответил:

— Я не мальчишка, воды мои текут стоконевой силой, потому и зовут меня Зун-Мурин»[30].

Сказочно-легендарное повествование этого предания включило в себя реальные географические названия: слияние Иркута с Ангарой, Зун-Мурина с Иркутом. Бурный гордый Иркут прыгает по камням, бросается ими, брызгает водой — все это реальные наблюдения горной реки, представленные в сказочной форме.

Начинается предание, как и большинство других с определения давности происходящих событий: «Было это когда-то в незапамятные времена, едва ли было тогда человечество. В ту пору образовались и Тункинские гольцы, а среди них старый, седовласый Мунке-Саридак и

---

[29] **Сороковиков-Магай Е. П.** Избранные сказки. Улан-Удэ, 1948. с. 172.

[30] Там же.

[illegible] образ прекрасной белой лебеди, эпизод встречи с ней проникнут традиц[illegible]

[illegible]

Иркут опешил [illegible]

подумал он [illegible]

глядел он на [illegible]

было [illegible]

выдержал [illegible]

гай приписы[illegible]

его чувств[illegible]

он любовал[illegible]

[illegible], сердце его оставалось твердым, никому он его не отдавал»[33]. А когда гордый [illegible] что он слышит голос красавицы Ангары, «похолодело сердце отважного, гордого Иркута, несколько времени он не мог произнести ни одного слова»[34].

В этом же предании сказитель использует [illegible] сказочной поэтики: [illegible] который [illegible] смотреть»; [illegible] [illegible]ть. Нашли отражение и некоторые [illegible] почитание старших: «Когда [illegible] напутственн[illegible] о [illegible]брым, не [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

да»[35]. Когда мудрый Мунке-Сарндак узнает, что сын его гибнет, посылает он черного соболя: «Иди скажи моему сыну, что погибнет он у мраморных стен Байкала, если не сломит свою гордость и не поклонится большим и малым речкам...»[36]

Магай широко использует гиперболизацию человечески [illegible] «...взяла из его рук стрелу, [illegible] ее и отбросила так далеко, что обломки стрелы свистели в воздухе с утра до самого вечера»[37].

Мы не останавливаемся на содержании топонимических преданий Магая, они подробно рассмотрены в книге Л. Е. Элпасова «Народные предания». Нас в данном случае [illegible] кается история, передаваемая из уст в уста, каким путем [illegible] об этом так: «Название рекам, горам и местам больше всего здесь тунгусы давали, потому что их больше было здесь, чем других народов»[38]. В предании «Откуда Селенга взяла свое название»: «У той реки нет имени, потому [illegible] данне Магая «Как произошли названия деревень» со [illegible] не больше. Вот когда русские начали в Сибирь приходить, они диву дались, как тут много разных птиц. Старики

---

[35] Сороковиков-Магай Е. И. Избранные сказки, с. 171

[36] Там же, с. 174.

[37] Сказки и предания Магая.

[38] Там же

[39] Там же, с. 356

рассказывали, что их тут столько было, что во время перелета стаи солнце закрывали, а сядут на поле, то глазом не охватишь. В некоторых местах одни воробьи велись, как полетят тучей, света белого не видно. Где в таких местах столько воробьев водилось, и деревни Воробьевкой прозывались. Может, и в России такие места были, так наверное в тех местах деревни тоже Воробьевкой [illegible][40].

Большой интерес представляют генеалогические предания жителей Тункинской долины. Интересны они прежде всего тем, что отражают не только картину заселения края, но и образование своеобразной в национальном отношении группы населения — ясачных, карымо[illegible].

Генеалогические предания русских, обычно начинающиеся с предка, пришедшего в Сибирь, используют лишь достоверные (или кажущиеся такими) факты из родословной фамилии. Но случается и так, что в народе бытует несколько вариантов предания о каком-то одном известном лице, часто они дополняются вымыслом. В 1968 г. записано любопытное предание о происхождении рода Магая. «Магай бурят был, они жили в местечке Шарагун возле Иркута, кочевали. Однажды отец собрался на охоту, жене сказал: „Вы без меня не кочуйте",— и уехал. Жена взяла сына, привязала к столбу, закрыла на замок и укочевала. Сына звали Магай. Отец вернулся в предчувствии беды. Когда он подъехал к дому — дом на замке. Слышит — кто-то стонет. Он срывает замок, заходит и видит — его сын. Он оставил сына у родных и поехал догонять жену. Жена удивилась, что очень рано. Он живет и как будто не замечает, что нет сына. А потом спрашивает: „Где у нас Магай?" Жена говорит: „Что ты, он давно умер".

Магай вырос, женился, стал сено косить, очень много накосил сена, за коню брал телка и набрал целое стадо.

[40] Байкальские предания, с. 169.

Так стал зажиточным.
казак Сороковиков и
Так отец рассказывал м
Это предание касае
ва-Магая по бурятской
рассказывал родословн
а. В приведенном пре
ном эпизоде происхож
Егора Ивановича посл
ению прослеживается
мофея, пришедшего в
коления сказителя [42]. I
ния Магая, они во мно
ству Л. Е. Элпасова,
отражены в преданиях
Магая ему рассказыва
Говоря об историзм
черкивал: «От глубоко
и своеобразно сопутст
о деятельности Людови
ние резко различно с с
циалистами, которые в
том, что именно вноси
ба монарха с феодал
говорить об историзме
Социальную напра
ние к народным засту
содержат предания об
Главное в них — вера
в себе положительный
преданий данного тип
ных походах Ермака.

[41] Записано от Г. А. Н
[42] Байкальские преда
убликовано Л. Е. Элпасо
[43] Горький М. Собр. с

Так стал зажиточным. У него дети пошли. Его окрестил зак Сороковиков и пошло потомство Сороковиковых. Так отец рассказывал мой»[41].

Это предание касается родословной Е. И. Сороковикова-Магая по бурятской линии. Сам же сказитель обычно рассказывал родословную от русского предка Сороковикова. В приведенном предании рассказ заостряется на одном эпизоде происхождения рода Магая, в предании же Егора Ивановича последовательно от поколения к поколению прослеживается род Сороковиковых от предка Тимофея, пришедшего в Тунку с первыми казаками, до поколения сказителя[42]. Имеются и другие семейные предания Магая, они во многом противоречивы. По свидетельству Л. Е. Элпасова, противоречивость данных, которые отражены в преданиях, Магай объяснял тем, что о роде Магая ему рассказывали разные люди.

Говоря об историзме фольклора, А. М. Горький под-
черкивал: «Он глубоко [illegible] и своеобразно сопутствует истории. У него свое мнение о деятельности Людовика XI, Ивана Грозного, и это мнение резко различно с оценками истории, написанной специалистами, которые не очень интересовались вопросом о том, что именно вносила в жизнь трудового народа борьба монарха с феодалами»[43]. В этом смысле мы можем говорить об историзме преданий.

Социальную направленность, сочувственное отношение к народным заступникам, сострадание к изгнанникам содержат предания об исторических лицах и событиях. Главное в них — вера в народную силу. Они заключают в себе положительный идеал народа. Немалое место среди преданий данного типа занимают повествования о славных походах Ермака.

---

[41] Записано от Г. А. Нефедьева в 1968 г.

[42] **Байкальские** предания, с. 123—124. Предание записано и публиковано Л. Е. Элпасовым.

[43] **Горький М.** Собр. соч., т. 26. М., 1953, с. 312.

Через все предания проходит мысль, что Ермак не чинил зла народам, жившим в Сибири, он всегда стремился к мирному разрешению споров. Даже когда Ермак собирается осваивать новые богатые земли, то в обращении к казакам он подчеркивает их роль не завоевателей, а освободителей: «Живут в той стране нехристи, [illegible] ими злой-презлой хан. Своих нехристей он бьет и [illegible]дит, житья им не дает, на свет божий смотреть не велит. Пойдемте, казачушки, в ту сторону, хана-урода изведем, на его людей посмотрим, а слюбуется, то там костям нашим лежать»,— говорится в предании Г. Я. Павлова «Ермак и Хан-урод»[44]. И решают казаки в «неведомый край идти», «буйные головы сложить или добрым людям добро добыть». Так подчеркиваются гуманистические цели, с которыми отправлялись в Сибирь первые землепроходцы.

Большой популярностью пользовалось предание Магая «Как Ермак Сибирь завоевал», которое сказитель воспринял от своего деда. В нескольких вариантах знал его и отец Егора Ивановича[45]. Образ Ермака в предании Магая дан традиционно. Эту колоритную фигуру особенно ярко характеризует диалог с царем. Он держится перед царем с достоинством, но без бахвальства, отвечает сдержанно, не заискивая, во всем спокойная уверенность, сила, мудрость:

«— Ты ли есть храбрый казак Ермак Тимофеевич?

— Да,— отвечает он ему,— я Ермак Тимофеевич, но только про храбрость свою сам не слыхал, про то у казаков спросить надо.

— Служба у меня для тебя подыскалась,— говорит царь.— Будешь ли ты мне служить верой и правдой?

— Служить могу, а вера и правда потом скажутся,— ответил Ермак Тимофеевич»[46].

---

[44] Байкальские предания [illegible]

[45] Народные предания, с. [illegible]

[46] Байкальские предания, с. 59.

Ермак вольнолюб
не принимает решен
ветом к своим спут
Он ценит поддержку
воли царя. Отголоск
[illegible] в ответ на кл
[illegible]ми царя плени
[illegible] я к тебе при
на то воля ка[illegible]ская
[illegible] казакам
[illegible] другом
вина, слывшего за с
политика. Это пред
освоения Сибири. В
масса казачества, с
ний о Головине ясн
ства. Головин выст
он наказывает сот
казаку.

Образ Ермака вы
цициях. Ермак «хо
людей страх нагоня
но Бове-Королевичу
воинов к королю М
он на него войско
пленных воинов хан
зла чинить кучумов
договориться» с Ку
«для Руси новую зе

Традиционно ос
шении [illegible]ности и
долго [illegible] того, как
литер[illegible]туре, он наш

---

[47] Байкальские пре

Ермак вольнолюбивый, рассудительный, мудрый. Он не принимает решений единолично, а обращается за советом к своим спутникам и всегда находит поддержку. Он ценит поддержку товарищей и считает их волю выше воли царя. Отголоски казачьей вольницы ясно слышны, когда в ответ на клятву сделать своих людей верными слугами царя пленный Кучум слышит: «Не по воле царской я к тебе пришел,— ответил Ермак Тимофеевич,— на то воля казацкая была, не с царем ты дрался, а с моими добрыми казаками, у них и прощения проси»[47].

Совсем в другом плане дан образ князя Федора Головина, слывшего за справедливого руководителя и мудрого политика. Это предание отражает более поздний этап освоения Сибири. В преданиях об Ермаке показана единая масса казачества, с ней сливается и сам Ермак. В преданиях о Головине ясно видно классовое расслоение казачества. Головин выступает защитником рядовых казаков, он наказывает сотника, который недодавал жалование казаку.

Образ Ермака выдержан в лучших фольклорных традициях. Ермак «ходил с казаками по рекам, на худых людей страх нагонял, а добрым как мог помогал». Подобно Бове-Королевичу, посылающему оставшихся в живых воинов к королю Маркобруну сказать, чтобы не собирал он на него войско «и не губил зря народ», Ермак через пленных воинов хана Кучума передает, «что он не будет зла чинить кучумовым людям», он стремится «полюбовно договориться» с Кучумом, «бескровно» Сибирь пройти и «для Руси новую землю открыть».

Традиционно освещен в преданиях вопрос о соотношении личности и коллектива. Интересно, что еще задолго до того, как этот вопрос был поставлен в русской литературе, он нашел решение в фольклоре и в первую

---

[47] Байкальские предания, с. 60.

очередь в его философских жанрах — пословицах, поговорках, притчах. Отражен он и в преданиях.

Магай, как уже отмечалось, уделяет большое внимание моральному облику сказочного героя. Так, в предании «Гордый Иркут и мудрый Мунке-Саридак» проводится мысль о том, что личность существует до тех пор, пока ее поддерживает коллектив. Иногда повествование приобретает назидательный оттенок: гордый, но одинокий Иркут превращается в немощного и жалкого старика, потому что ослушался наказа своего отца мудрого Мунке-Саридака, который учил его: «Быть могучим — это хорошо, но знай, сын мой, что твоя сила идет от твоих малых братьев и сестер, от всех, кто тебя окружает и питает своей силой, своей кровью. Без них ты станешь немощным и хилым, с тобой никто не будет считаться, курица иссушит твою душу, ты не сможешь напоить и воробья»[48]. Лишь после того, как поклонился Иркут своим младшим братьям и сестрам, он вновь обрел силу и стал могучим. Эта же идея в основе взаимоотношений Ермака и казаков, которые «одним голосом» говорят своему атаману: «С тобой, Ермак Тимофеевич, хоть в огонь и в воду»[49].

Ермак показан в сибирских преданиях как национальный герой. Не ради корыстных целей ведет он своих казаков в Сибирь, а ради интересов России. Эта мысль вложена в ответ Ермака казакам, оценившим подарки от царя ниже «одного казацкого волоска, потерянного в боях». «Не дороги подарки,— ответил Ермак,— а дорога милость Руси»[50]

Образ казака ассоциируется с образами народных героев — Разина и Пугачева, поэтому Ермаку часто приписываются их черты. С легкостью сюжеты, связанные с именем Разина, переходили к другому народному за-

---

[48] Сказки и предания [illegible]

[49] Байкальские предания, [illegible]

[50] Там же. с. 61.

гуннику — Емельяну
ты и эпизоды из и
Ермака.

Встречаются пре
Разин и Пугачев ил
писанном Л. Е. Эли
зин помог Ермаку о
новый город; эти два
старший брат Разина
дал казакам свобод
снилась», а Разин
в национального гер

О встрече Разина
во многих преданиях
ское предание «Про
Отличительные черт
независимость, служ
ях Ермак, гордо отв
любив, дерзок с царе
себя не дает»,— гово
верного казака Разин
Разин и «всех каза
царю псовому в слу
а лучше о себе поду
землю-матушку зап
дании. Таким же п
Магая «О Пугачеве
ми жил как брат с
и разговаривали с п

Разину, Пугачеву
цам предания прип
тиворечили действи
сказителям, чтобы
казать их такими.

---

[51] Народные преда

ословицах, поговор-
их.
ет большое внима-
ря. Так, в предании
ридак» проводится
вует до тех пор,
огда повествование
рдый, но одинокий
жалкого старика,
ца мудрого Мунке-
огучим — это хоро-
дет от твоих малых
окружает и питает
ты станешь немощ-
считаться, курица
апоть и воробья»[48].
кут своим младшим
лу и стал могучим.
Ермака и казаков,
своему атаману:
огонь и в воду»[49].
ниях как национал-
ведет он своих ка-
ени. Эта мысль вло-
нившим подарки от
потерянного в бо-
Ермак,— а дорога

азами народных ге-
Ермаку часто при-
сюжеты, связанные
гому народному за-

ступнику — Емельяну Пугачеву, и наоборот. Многие черты и эпизоды из их действий переносились на образ Ермака.

Встречаются предания, где одновременно действуют Разин и Пугачев или Разин и Ермак. В предании, записанном Л. Е. Элпасовым в Усолье, говорится, что Разин помог Ермаку одолеть Кучума, построить в Сибири новый город; эти два образа взаимодополняются. Ермак — старший брат Разина, он не только покорил Сибирь, но и дал казакам свободную жизнь, «которая и во сне им не снилась», а Разин из народного мстителя превратился в национального героя.

О встрече Разина и Ермака Тимофеевича говорится во многих преданиях. Интересно в этом смысле сибирское предание «Про вольного и верного казака Разина». Отличительные черты всех трех героев — вольнолюбие, независимость, служение народу. Волен в своих действиях Ермак, гордо отвечающий на вопросы царю; свободолюбив, дерзок с царем Степан Разин, «молодой, а в обиду себя не дает»,— говорит о нем предание «Про вольного и верного казака Разина». «Всю жизнь войска перевернул» Разин и «всех казаков на свою мысль склонил, чтобы царю псовому в слугах не ходить, его казну не множить, а лучше о себе подумать да о голытьбе, что всю русскую землю-матушку заполонила»,— говорится в другом предании. Таким же нарисован образ Пугачева в предании Магая «О Пугачеве-кормильце». Он «со своими солдатами жил как брат с братом, атаманы его за отца почитали и разговаривали с ним как с ровней»[51].

Разину, Пугачеву, Ермаку и другим историческим лицам предания приписывали порой поступки, которые противоречили действительным фактам, но они нужны были сказителям, чтобы раскрыть образы любимых героев, показать их такими, какими они жили в сознании народа.

---

[51] Народные предания, с. 325.

В предании важно было передать идею, мысль, черту характера, действительную или приписываемую. Так, большинство преданий о Разине лишь номинально связано с его личностью, события и бытовые детали часто искажены. Народом нарисован определенный образ, которому и соответствуют совершаемые поступки: Разин — защитник простого люда, он не боится никого, его и пуля не берет. «Стреляют в них, стреляют, „Стой-ко“,— кричит ево сила; перестанут стрелять. Они снимут с себя одежды, повытряхивают пули и отдадут назад»[52].

Отголоски общественных событий доходили и до сибиряков, а образы заступников народных, тех, кто осмелился выступить против царя, вырастали здесь до сказочных образов героев легенд, преданий. В лучших традициях сказочного героя выдержан образ Разина в предании Магая «Разговор барина с Разиным». Высокомерному и глупому барину противопоставлен находчивый, остроумный герой, в данном случае это Разин. В предании заметно влияние бурятского фольклора, в частности бурятских сатирических сказок о глупых ламах, слывущих за мудрых. В их глупости народ убеждается, когда они не могут решить предложенных загадок, в то время как это легко делает простой парень из народа.

Интересные предания о декабристах и других ссыльных революционерах родились здесь, в Сибири, на месте их каторги и ссылки. И хотя не все соответствует исторической правде, действительным событиям, зато очень наглядно показано взаимоотношение ссыльных с народом. Предания отразили их благородство и как основное достоинство всякого человека — доброту, за что народ платил им уважением. В одном из них, записанном Л. Е. Элиасовым от Г. Ф. Рютина, говорится: «...царя сбросить с престола им не удалось, и сами попали в Нерчинск. Тут они в шахтах работали. Народ знал, что они за люди.

[52] «Живая старина», 1907, вып. 2, с. 40.

Им на работу мужик
молока давали, а кто
для них. Да как же
горькую судьбу полу
шей жизни. Для этого
горемычных с хлебом
скотины провожали.
тения не было, а об
ря-то им немилость
С уважением рас
шевском. Некоторые
с царем», «Как Черн
«За что пострадал
анекдотических случ
рый ум и глупость
нужен ли русским
спорили, что Черны
ты царь, а по уму ба
заковать, отправить
кой встречают», в
поэтому последнее
„Доброго человека
не уважают“»[54]. В д
шевского, старается
положение: он при
но получает такой
пула» («Разговор Ч
В рамках сибир
в предании Магая
с царицей». «Черн
начинает сказител
спорить с царем, та

[53] Байкальские пр
[54] Там же, с. 231.
Там же.

Им на работу мужики и бабы хлеб с солью приносили, молока давали, а кто побогаче жил, то и масла выкраивал для них. Да как же им было не помогать, когда они горькую судьбу получили за народ, хотели они ему лучшей жизни. Для этого они и восстали... В каждой деревне погоремычных с хлебом и солью встречали и до самой поскотины провожали. Другим-то каторжникам такого почтения не было, а об этих народ шибко убивался. От царя-то им немилость была, но от народа почтение»[53].

С уважением рассказывают предания о Н. Г. Чернышевском. Некоторые из них («Как Чернышевский спорил с царем», «Как Чернышевский опозорил царя с царицей», «За что пострадал Чернышевский» и др.) основаны на анекдотических случаях, в которых раскрывается его острый ум и глупость царя. Чернышевский спорит с царем, нужен ли русским людям царь, и однажды «до того доспорили, что Чернышевский сказал ему: „По наружности ты царь, а по уму баран“». И хотя царь сильнее, он может заковать, отправить в Сибирь, Чернышевского «везде лаской встречают», в поддержке народной — сила героя, и поэтому последнее слово за ним, «он и отписал царю: „Доброго человека и цепи украшают, а барана и в золоте не уважают“»[54]. В другом предании царь, зная ум Чернышевского, старается его опозорить, поставить в глупое положение: он при всех задает ему неожиданный вопрос, но получает такой ответ, что «сразу к лицу кровь хлынула» («Разговор Чернышевского с царем»)[55].

В рамках сибирской традиции показан Чернышевский в предании Магая «Как Чернышевский опозорил царя с царицей». «Чернышевский человек умный был,— так начинает сказитель свое произведение.— Схватится он спорить с царем, так царь всегда отступал и против Чер-

---

[53] Байкальские предания, с. 225.
[54] Там же, с. 231.
[55] Там же.

нышевского он в дураках оставался»[56]. Это предание передано в стиле народного анекдота.

Многие случаи, рассказанные в преданиях, конечно, не всегда отражали действительные факты, но они верно передавали существо явлений, преломленных сквозь призму художественного мышления народа. Они показали характерные черты личности Н. Г. Чернышевского: полемическую заостренность его публицистики, ум, принципиальность, самоотверженность. Чернышевский представлен как борец за народное дело. «До нас, сибиряков, истинная правда редко доходила,— говорит В. Д. Зорин в предании „Молва о Чернышевском".— Пока она шла, то молва так ее разукрашивала, что не отличишь, где бело, а где черно. Но про того Чернышевского, видать, правдой она была: не хотел он, чтобы Россией царь правил»[57]. В этих словах удивительно точно заключено существо закона отражения действительности в преданиях.

М. К. Азадовский отмечал, какой большой интерес представляют предания об исторических лицах, отбывавших ссылку в Сибири. В «Беседах собирателя» он писал: «Особый интерес приобретают в Сибири различные местные сказания. Помимо различных сказаний и легенд, связанных с какой-либо местностью, в Сибири можно услышать ряд легендарных рассказов о многих дорогих для каждого русского именах... Достаточно вспомнить только декабристов или людей такой высокой культуры, как Радищев или Чернышевский. Их судьба, их личность не могли не поразить воображения местного населения. Оно стремилось так или иначе постигнуть странную и непонятную судьбу пришельцев. И вот был вызван к жизни целый ряд своеобразных легенд, к сожалению, только в незначительном количестве дошедших до нас»[58]

---

[56] Байкальские предания, с. 232.

[57] Там же. с. 2

[58] Азадовский М. К. Беседы собирателя. Иркутск, 1925, с. 5—7.

Нами рассмотрены
Предания даны им в л
бири. Это высокохуд
ясно виден стиль Маг

Предания Магая по
эстетическое воздейст

Второстепенная дл
ция у Магая приобре
нию к познавательной
вующее, а достовер
фантазией, отчего пре
бенно отчетливо это
Магая, созданных на
ниже.

Нами рассмотрены различные темы сказаний Мигая. Предания даны им в лучших фольклорных традициях Сибири. Это высокохудожественные произведения, в них ясно виден стиль Магая-сказочника.

Произведения Магая пользовались большой популярностью, эстетическое воздействие их было велико.

Второстепенными или лишними найти в стилевой формуле у Магая приобретений не только робкой уже оппозиции и противопоставлений, но вообще в сложности, в подчиненности [illegible] фактором, этого дружно объединяется [illegible]. Особенно отчетливо это наблюдается в новых произведениях Магая, созданных на советскую тематику, о чем речь ниже.

НОВЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ МАГАЯ

Общественно-политические преобразования, связанные с Октябрьской революцией, оказали влияние на традиционный фольклор, в том числе на сказку. Изменились интерпретация образов, концовки, лексика, усилился социальный смысл. Г. С. Виноградов писал в 1923 г.: «Казалось труднее всего ожидать отражения современности в таком устойчивом (не только в отношении формы, но и содержания) виде устного народного творчества, как сказка. Однако внимательное прослеживание всего, что создает народ под влиянием тех или иных событий или обстоятельств, показывает, с какой чуткостью душа народа отзывается на все, что так или иначе ее касается, и едва ли есть область народного творчества, где бы не было отзвуков ее на совершающееся вокруг. Сказка, оказывается, не является исключением»[1]. Обращение сказочников к советской тематике было вполне естественным. Современная героико-патриотическая тема волновала сказителей, она побуждала их к творчеству, в процессе которого они выражали свой идеал, свое отношение к происходившим событиям. В 30-е гг. одаренные исполнители традиционных сказок стали создавать новые произведения — советские сказки.

Будучи качественно новым явлением в фольклоре, советская сказка вобрала в себя элементы традиционной,

[1] Виноградов Г. С. Этнография и современность.— «Сибирская живая старина», Иркутск, 1928, вып. 1, с. 15.

имеющей многовеково
только прошлое, но и
ский,— творческое ее
но является в полной
Е. И. Сороковиков-М
и исполнителей новых

К советской темати
их волшебных сказка
мент, сказитель подн
в то же время конкр
темные силы олицет
В традиционной сказ
просит девушку: «Сде
помнить и на Росси
кого брать не буду. С
чтобы они родину Ив

В старые сказки
под влиянием которог
диционном образе ца
тельные черты, ему
выходец из народа, д
ная роль была преди
частую заменяется И

Таким образом, н
современные идеи по
ния сказителя к но
про космос сказки
земляк Николай Ива

О связи новых с
старых произведений
сам сказитель: «Это
Ведь почти во всех с

[2] Азадовский М. К.
ка, т. 1, с. 11.
[3] Сказки и предания

имеющей многовековую историю развития. «Сказка не только прошлое, но и настоящее,— писал М. К. Азадовский,— творческое ее бытие еще далеко не оборвалось, но является в полной мере фактом сегодняшнего дня»[2]. Е. И. Сороковиков-Магай — один из первых создателей и исполнителей новых сказок.

К советской тематике Магай приближается уже в своих волшебных сказках: усиливая в них социальный момент, сказитель поднимается до глубокого обобщения и в то же время конкретизирует образы. Так, сказочные темные силы олицетворяют врагов Советской России. В традиционной сказке «Жар-птица и царь Ирод» царь просит девушку: «Сделай меня молодым, век тебя буду помнить и на Россию больше не пойду, и в заклад никого брать не буду. Своим внукам и правнукам накажу, чтобы они родину Ивана-царевича любили и чтили»[3].

В старые сказки входит революционное содержание, под влиянием которого переосмысливаются образы. В традиционном образе царя, например, усиливаются отрицательные черты, ему теперь противопоставляется герой — выходец из народа, даже в тех сюжетах, где положительная роль была предназначена царю, а Иван-царевич зачастую заменяется Иваном — крестьянским сыном.

Таким образом, интерес к реальной действительности, современные идеи подчеркивают естественность обращения сказителя к новой тематике. «Был бы сейчас, так про космос сказки сочинил»,— говорит про Магая его земляк Николай Иванович Сороковиков.

О связи новых сказок со старыми, о приспособлении старых произведений к новым условиям жизни говорил сам сказитель: «Этот вопрос меня занимал много лет. Ведь почти во всех сказках добрые люди мечтали о спра-

---

[2] Азадовский М. К. Русские сказочники.— В кн.: Русская сказка, т. 1, с. 11.

[3] Сказки и предания Магая, с. 237.

ведливости, о такой жизни, когда не будет ни бедных, ни богатых, когда можно будет открыто говорить про царя, попов и жандармов. И вот царя не стало, попов признали [illegible] и склады. Народ [illegible] ния. Как же это все вклю- [illegible] как можно [illegible] я подрался с Аслами- [illegible] товарищами, которые [illegible] Мы поговорили и пришли [illegible] сами по себе хорошие, [illegible] и потому стоит ли их [illegible] сказка для этого окажется [illegible] такого дела не надо»[4].

[illegible] тематику «Как охотник [illegible] в 1937 г. в Мос- [illegible] Но [illegible] Проходит [illegible] подру- [illegible] Москве. [illegible]

[illegible]

[1] Сказки и предания Магая, с. 20.

смысл и новую напра
тая М. К. Азадовский
Сказитель использ
элементы сплетаются
Магай старается выбр
жественные образы, к
близки к современност
кие, как социального
него более емкое вопл
Новые сказки отл
стика используется ог
Магая приблизиться к
изведениях о В. И. Л
кументальные факты
ссылке («Самый мудр
пытку исторически об
волюционеров — преди
«Как Ильич добро д
как народу власть в с
здесь, в Сибири, в
Кого только тут не
и те, кто хотел его
царя шли, и те, что
Ленин к таким дела
всем говорил, что уб
Главное, надо весь на
захватить, а там уж
справиться со своей в
Советская действи
сказочного героизма
творчестве создается
который наделен лу
традиционного фольк

Сказки Магая. Л.,
[6] Ленин в творчестве

смысл и новую направленность»,— писал о сказках Магая М. К. Азадовский[5].

Сказитель использует традиционные мотивы, древние элементы сплетаются в его творчестве с современностью. Магай старается выбрать в арсенале старой сказки художественные образы, которые по идейной направленности близки к современности. Идеи традиционных сказок (такие, как социального равенства, гуманизма) получили у него более емкое воплощение.

Новые сказки отличает реалистичность, в них фантастика используется ограниченно. Наблюдается стремление Магая приблизиться к исторической достоверности. В произведениях о В. И. Ленине, например, можно найти документальные факты о пребывании вождя в енисейской ссылке («Самый мудрый человек»); сказитель делает попытку исторически объективно оценить деятельность революционеров — предшественников большевиков. В сказке «Как Ильич добро делил» говорится: «Задолго до того, как народу власть в свои руки взять, много разных людей здесь, в Сибири, в ссылке да на каторге перебывало. Кого только тут не было: и те, кто царя хотел убить, и те, кто хотел его отравить, и те, что бунтом против царя шли, и те, что в упор застрелить его пытались. Ленин к таким делам непричастен был, он постоянно всем говорил, что убить царя не штука, да толку мало. Главное, надо весь народ к восстанию подготовить, власть захватить, а там уж рабочие и крестьяне сами сумеют справиться со своей властью»[6].

Советская действительность породила людей поистине сказочного героизма и мужества. В народном поэтическом творчестве создается новый образ положительного героя, который наделен лучшими чертами, присущими героям традиционного фольклора.

---

[5] Сказки Магая. Л., 1940, с. XXVIII.
[6] Ленин в творчестве народов Бурятии. Улан-Удэ, с. 158.

Большое место в репертуаре Магая [illegible] о древних русских богатырях, которые [illegible] потому что бьются они за правду на з[illegible] цов за независимость русской земли [illegible] советских сказок Магая. Близость эта [illegible]на общностью патриотических и гуманистических и[illegible] заключенных как в сказках о богатырях русского эпоса, так и в сказках на советскую тематику. Но, как указывает М. К. Азадовский: «Старые образы сказочных богатырей заполняются теперь новым содержанием, ассоциируются с героическими событиями в жизни нашей страны и получают глубоко народный характер»[7].

В советских сказках Магая созданы прекрасные образы охотников: Федор («Как охотник Федор японцев прогнал»), дедушка Степан и его сын Иван («Чудесные небесные птицы») и др. В них отразилась личность сказителя, его мораль, его эстетические вкусы.

Герой у Магая знает и любит родную землю, тонко чувствует природу. Федор в лесу все замечает: «кустик ли ему попадется или какое-нибудь дерево и ку[illegible] оно накренится». Этому же учит он и своих братьев, «а братья удивляются, что Федор не рассматривает ни брода, ни[illegible] чего, забредает в речку... А он показывает им на пенек, велит запомнить его: „И вы тоже будете переходить здесь“»[8] («Как охотник Федор японцев прогнал»).

Традиционный сказочный мотив единства природы и человека особенно ярко нашел свое отражение в сказке «Как охотник Федор японцев прогнал»: «Когда братьям пришлось трудно, то Федор стал просить природу, чтобы природа помогла им. Ниоткуда взялась страшная б[illegible] уронила большую сосну и придавил[illegible] несколько [illegible]цев»[9]. Братьям в их борьбе помогают деревья, звери, [illegible]

---

[7] Сказки Магая. с. XXX.
[8] Русский фольклор Тункинской долины, с. 246.
[9] Там же. с. 2[illegible]

цы. Казалось бы, нет возможности юноше, взявшемуся за освобождение богатыря, преодолеть тяжести пути, но [illegible] дикой»[10] («Богатырь и орел»). В поисках сына охотнику Степану помогает заяц, который за добро платит добром («Чудесные небесные птицы»). Эта помощь — не только плата за добрые услуги, это помощь правому делу. Природа [illegible]да оказывается на стороне справедливости. Так, в сказке «Ленинский источник» целебный источник исчез, когда его захватили богатые: «Долго искали богатые люди целебный источник, да так и не нашли»[11]. Только тогда, [illegible] стали пользоваться честные труженики, «свет[illegible]ится источник. Все выше и выше поднимает [illegible]ебные воды, все чище и чище его капли, все светлее да светлее светит солнце вокруг ленин[illegible] источника, и нет краше его во всем мире»[12].

Наблюдая за жизнью новой эвенкийской сказки, М. Г. Воскобойников пишет: «Характерно, что новая волшебная эвенкийская сказка, как правило, вводит в действие волшебных помощников, волшебные предметы, вообще ей свойственно одухотворять природу. Ряд эпизодов эвенкийской сказки „Теперь в тайге светло“ или „Долбонэ“ перекликаются с созданной позднее русской сказкой Сороковикова-Магая „Как охотник Федор японцев прогнал“. В кульминационный момент, когда японцы переходят границу, герой сказки обращается за помощью [illegible] приходят к нему на выручку»[13]. Одухотворение природы свойственно всем советским сказкам Магая, это один из его творческих приемов. Но этот прием не является открытием сказите-

---

[10] Русский фольклор Тункинской долины, с. 263.

[11] Там же, с. 271.

[12] Там же, с. [illegible].

[13] Воскобойников М. Г. Новая эвенкийская сказка.— В кн.: Фольклор народов Сибири. Улан-Удэ, 1965, с. 131.

ля, он часто встречается и в традиционных сказках. Например, в «Сказке о Бессчастном стрелке», записанной в первой половине XIX в.: «И смотрит стрелок — в лесу зашумело и на разбойников что-то налетело из-за деревьев: одного взбросит, другого скинет; а кто нападает — никого не видать. Разбойники попадали с коней, не могли подняться с земли; а стрелок дальше поехал, песню напевая, посвистывая, из темного леса в чистое поле и [illegible] полем до города»[14].

[illegible] идея — сеять на земле добро, уничтожать зло. Илья Муромец «что видел худое, то и уничтожал, а где видел доброе, то там помогал»[15]. Почти в тех же словах выражена идея в новых сказках. В сказке «Крылатые подруги» [illegible] выше всех, дальше всех и быстрее всех и посмотреть, что творится вверху и внизу, что плохо — [illegible] мудрости получает новое звучание, она связывается с патриотической идеей.

Новый герой стоит на большой моральной высоте, верен гражданскому долгу, благороден, честен, не обидит слабого. Таким он воспитан старшим поколением, самой [illegible]тельностью. В сказке «Чудесные небесные птицы» [illegible] казывать, как жить на белом свете, как [illegible] не оставлять бедных и обижать вдов и сирот»[17]. Эти этические воззрения народа выражены и в волшебных сказках. Так, в сказке «Еруслан Лазаревич» старец говорит герою: «Сын славного могучего богатыря Еруслана Лазаревича, который

[illegible] исях и публикациях первой половины XIX века. М.— Л. [illegible]

[illegible] Сказки М[illegible]

[16] Русский [illegible]р Тункинской долины. с. [illegible]

[17] Там же, с. [illegible]

был над царями царь, [illegible] и бессильных всегда [illegible] рость и захотел меня [illegible] вах отца: «Нехорош[illegible] Я всегда уважал слаб[illegible] лорный мотив получи[illegible] ранее мечтой человек[illegible]

В сказках Магая [illegible] чувство, чистота и кр[illegible] По-новому складываю[illegible]

Как и в традицио[illegible] идеал воплощен в об[illegible] не гоним старшими, [illegible] переработан мотив не[illegible] му брату, порожден[illegible] в семье. И хотя общ[illegible] брата над старшими [illegible] зителем. Э. В. Помер[illegible] славистов указывает, [illegible] зочного героя (Ива[illegible] удачливого батрака, [illegible] как множественный [illegible] полнении разных ска[illegible] того или другого обра[illegible] черты исторической [illegible] принадлежит сказочн[illegible] бенности фольклора [illegible] один и тот же образ, [illegible] с тем глубоко различ[illegible] эпох, в исполнении [illegible] временников и едино[illegible]

[illegible] Сказки Магая, с. 1[illegible]

[illegible] там же.

[20] Из выступления [illegible] в Москве.— В [illegible] Русс[illegible] т. 5. М.— Л., 19[illegible]

был над царями царь, над богатырями богатырь, а слабых и бессильных всегда уважал, а ты поимел такую храбрость и захотел меня стоптать»[18]. Эта же мысль и в словах отца: «Нехорошо ты это сделал, дорогой сынок. Я всегда уважал слабых и сирот...»[19] Этот древний фольклорный мотив получил новое содержание: то, что было ранее мечтой человека, теперь стало действительностью.

В сказках Магая прославляется большое человеческое чувство, чистота и красота дружбы и взаимного доверия. По-новому складываются взаимоотношения в семье.

Как и в традиционных, в новых сказках эстетический идеал воплощен в образе младшего брата, но последний не гоним старшими, между ними нет вражды. Магаем переработан мотив несправедливого отношения к младшему брату, порожденный патриархальными отношениями в семье. И хотя общая идея о превосходстве младшего брата над старшими сохранена, она переосмыслена сказителем. Э. В. Померанцева в выступлении на I съезде славистов указывает, что «конкретно единый образ сказочного героя (Ивана-дурака, угнетенной падчерицы, удачливого батрака, хитрого солдата и т. д.) существует как множественный образ, постоянно варьирующий в исполнении разных сказочников. На характере раскрытия того или другого образа в конкретном тексте сказываются черты исторической эпохи, социальной группы, к которой принадлежит сказочник, сказываются национальные особенности фольклора разных народов — в результате чего один и тот же образ, единый по своему существу, вместе с тем глубоко различен в тексте разных народов, разных эпох, в исполнении разных сказочников, пусть даже современников и единоплеменников»[20].

---

[18] Сказки Магая, с. 173.

[19] Там же.

[20] Из выступления Э. В. Померанцевой на I съезде славистов в Москве.— В кн.: Русский фольклор. Материалы и исследования, т. 5. М.— Л., 1960, с. 293.

В сказках Магая нет той зависти, из-за которой готовится погибель младшему брату. В произведениях традиционного фольклора на сюжет о трех братьях «умные» стараются выведать тайну младшего, [illegible] все считают «дураком», обмануть его, сжить со света. В новых сказках старшие братья лишь недооценивают младшего, считая его малолетним, неопытным, а иногда даже смеются над ним, как в сказке «Дорожный строитель», но никаких злых помыслов против него у них нет. И когда оказывается, что младший брат не по годам мудр, старшие проникаются к нему уважением.

Новая мораль, новые семейные отношения органически вошли в советские сказки Магая.

Разнообразные формы поэтизации получил в фольклоре труд. Трудолюбивый человек всегда вызывал восхищение. Н. Г. Чернышевский отмечал, что у крестьянина «в понятии „жизнь" всегда заключается понятие о работе: жить без работы нельзя; да и скучно было бы»[21].

Магай прославляет человека труда. Для героев сказок Магая труд не подневольный, подневольный, а свободный, созидательный. Дед Ефим в сказке «Самое дорогое», глядя на дорогу, проложенную через болото, «раньше только птицы летали, а люди и близко не подходили», с гордостью говорит: «Это все устроили трудолюбивые советские люди». Вдохновленный ленинским словом, он обращается к колхозникам: «Трудитесь, дорогие товарищи, работайте каждый по своей профессии, как учит нас дорогой Ленин»[22].

То, что раньше было доступно только волшебной силе, теперь делают руки человека. Магая волнуют «чудеса» действительности, они подсказывают ему новые темы и образы.

---

[21] **Чернышевский Н. Г.** Полн. собр. соч., т. 2. М., 1949, с. 10.
[22] **Русский** фольклор Тункинской долины, с. 268.

Своеобразно освеще
пулярная в фольклоре
В этом смысле она пе
«Кому на Руси жить хо
о том, что самое дорого
Некрасова героям и в
счастливыми, то в ска
ному мнению совсем
тает свое занятие самы

Магаю удается нар
выносливого героя, ко
трудностями, верен сво
препятствия ради заду
сказке «Богатырь и о
помочь освободить бога
нил он, что дал клятву
ни стало найти эту ки
пошел искать: «Зашел
в изумлении: не
Сел он на колод
клятву матери-сырой з
ного дела"»[23].

Богатая фольклор
разы мужественных
могающих любимым
вестью. В советских с
дальнейшее развитие.
поправный член общ
Любовная коллизия,
традиционной волшеб
или отодвигается на з
тупая место героиче

Опираясь на дей
перелет по маршруту

Русский фольклор

Своеобразно освещена в сказке «Самое дорогое» популярная в фольклоре тема — поиски героем счастья. В этом смысле она перекликается с поэмой Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Сказка начинается со спора о том, что самое дорогое на белом свете. И если в поэме Некрасова героям и в голову не приходит назвать себя счастливыми, то в сказке спорящие не приходят к единому мнению совсем по другой причине — каждый считает свое занятие самым нужным.

Магаю удается нарисовать образ целеустремленного, выносливого героя, который не останавливается перед трудностями, верен своему долгу, готов преодолеть любые препятствия ради задуманного. Юноша в аллегорической сказке «Богатырь и орел» ищет книгу, которая должна помочь освободить богатыря, но найти не может: «Вспомнил он, что дал клятву матери-сырой земле во что бы то ни стало найти эту книгу и избавить богатыря». И снова пошел искать: «Зашел он в дремучий лес. И вот тут он встал в изумлении: некуда больше идти, нет нигде прохода. Сел он на колодинку и призадумался: „Ведь я дал клятву матери-сырой земле. Не нужно оставлять задуманного дела“»[23].

Богатая фольклорная традиция создала прекрасные образы мужественных и самоотверженных женщин, помогающих любимым в борьбе со злом и несправедливостью. В советских сказках образ женщины получил свое дальнейшее развитие. Женщина выступает здесь как равноправный член общества, как общественный деятель. Любовная коллизия, которая была неотъемлемой частью традиционной волшебной сказки, в новых произведениях или отодвигается на задний план, или совсем отсутствует, уступая место героическому в жизни женщины.

Опираясь на действительное событие — героический перелет по маршруту Москва — Комсомольск-на-Амуре в

---

[23] Русский фольклор Тункинской долины, с. 263.

1938 г. летчиц Героев Советского Союза Валентины Гризодубовой, Марины Расковой и Полины Осипенко, Магай создал сказку «Крылатые подруги», в которой даны образы замечательных советских девушек. Многие качества роднят их с лучшими женскими образами традиционной сказки, и в то же время это новый тип женщины, нашей современницы.

В годы Великой Отечественной войны Магай начал рассказывать сказку «Рыбак Василий и его семья», в которой стремился выразить мысли советских людей, их патриотические чувства. «Он приходил в фольклорный отдел Иркутского областного музея,— свидетельствует А. В. Гуревич,— подолгу простаивал у стенда с фольклорными материалами, читал новые патриотические сказки, песни, частушки и параллельно с этим слушал лекции и беседы на литературные темы и невидимо для постороннего взгляда начинал складывать, создавать сюжеты новых советских сказок»[24].

В образе жены рыбака Василия воплощены лучшие черты советской женщины-матери, вынесшей на своих плечах всю тяжесть войны. Эта женщина сумела в тылу заменить мужа, ушедшего на борьбу с фашистами, а когда потребовалось, приняла участие в разгроме вражеского отряда. Любящая мать, она рискует жизнью сына ради спасения Родины. Разыскивая отряд, чтобы сообщить ему об опасности, женщина не думает о себе: «Она изодрала все свои ноги, она изорвала всю свою юбку, но боли не чувствовала. Бежала она, бежала по лесу темному, по чащам непроходимым, и, наконец, наткнулась на красный отряд»[25].

Новые сказки Магая — это один из первых опытов создания сказок на советскую тематику. Магаю больше уда-

---

[24] **Гуревич А. В.** Е. И. Сороковиков-Магай.— В кн.: Е. И. Сороковиков-Магай. Избранные сказки. Улан-Удэ, 1948, с. 23—24.

[25] **Русский** фольклор Тункинской долины, с. 275.

лись образы охотников,
ся на свой жизненный
у Магая образы «прек
ции», «крылатого бога
то новое, что только
эти схематичны, сказо
обрисовке.

Наряду с мотивами
стики, такими, как бо
рение природы, живая
чек, в новых произвед
бенно в образах герое
мотивированы, он обра
жения и мотивы, обус
для сказителя — дейст

В основе системы
жит прием антитезы,
зительных средств не
ных героев, но и враж
тают реальный,
тем не менее Магай
орла — разные страш
чуть не погиб в борьбе
птицы»), в сказке «Р
называет фашистов оз
рями. Он умело испол
сказок, особенно это
героя с чудовищем. «
птицы» герои вступа
в творческом воображ
охотник Сактахи Мэр
ря-великана»[26].

---

[26] **Баранникова Е. В.**
«Правда Бурятии», 1968,

лись образы охотников, рыбаков, так как здесь он опирался на свой жизненный и творческий опыт. Менее удачны у Магая образы «прекрасных юношей в кожаном одеянии, [illegible] и некоторые другие. Это то новое, что только входило в его творчество. Образы эти схематичны, сказочник довольно однообразен в их обрисовке.

Наряду с мотивами и элементами волшебной фантастики, такими, как борьба героя с чудовищем, одухотворение природы, живая и мертвая вода, волшебный клубочек, в новых произведениях много реалистического, особенно в образах героев. Все их поступки, как правило, мотивированы, он обращает особое внимание на соображения и мотивы, обусловившие поступки героя. Главное для сказителя — действие героя, его отношение к людям.

В основе системы художественных образов сказки лежит прием антитезы, этим определяется характер изобразительных средств не только для обрисовки положительных героев, но и враждебных сил. Хотя враги и приобретают реальный, исторически-конкретный характер, тем не менее Магай их рисует в виде чудовищ: слуги орла — разные страшилища («Богатырь и орел»); Иван чуть не погиб в борьбе с чудовищем («Чудесные небесные птицы»), в сказке «Рыбак Василий и его семья» Магай называет фашистов озверелыми, лютыми, кровавыми зверями. Он умело использует некоторые мотивы бурятских сказок, особенно это наглядно видно в эпизодах борьбы героя с чудовищем. «Когда в сказке „Чудесные небесные птицы“ герой вступает в единоборство с чудовищем, в творческом воображении сказителя возникает смелый охотник Сактахи Мэргэн, побеждающий ненавистного зверя-великана» [26].

---

[26] **Барашникова Е. В.** Его голос прекрасно звучал по-бурятски.— «Правда Бурятии», 1968, 7 апр.

Таким образом, нравственный идеал народа, воплощенный в лучших фольклорных образах, в советскую эпоху нашел свое дальнейшее развитие, обогатился новыми чертами, рожденными самой жизнью.

Магай одним из первых сказочников создал сказки о В. И. Ленине.

Создание произведений о В. И. Ленине явилось естественным выражением чувств и мыслей народа. Образ вождя отвечал не только идеалу положительного героя, созданному фольклором, но и стал вершиной народного представления об идеале. Во всех сказках на ленинскую тематику выделяется ведущий мотив — поиски счастья и правды. Этот мотив лежит в основе предания «Самый мудрый человек». Герои его — эвенкийские охотники — узнают от мудрого старика Турунчи, что есть на свете человек «самый мудрейший из мудрых, надо найти его, и он укажет путь к счастью». Гибнет первый сын в нелегком пути, второй попадает в тюрьму, и только третий, как это бывает обычно в сказке, достигает цели. Он встречается с самым мудрым человеком — Лениным, который помогает бедным охотникам зажить счастливо. «Вот так тунгусам помог великий Ленин. Потому они его и помнят и чтят»,[27] — заключает свое произведение сказитель.

Поиски правды, счастья определяют развитие сюжета сказок о В. И. Ленине «Самое дорогое» и «Ключ счастья». Последнюю Магай усвоил от бурят. Он очень хорошо передает национальный колорит; здесь и традиционные черты его старых сказок, и новое — символика, аллегория, достоверность изображаемого.

Ленин — богатырь,— таков вождь в глазах народа. Он дал людям счастье, привел к правде. Все лучшие качества героев старой сказки воплотил сказитель в образе В. И. Ленина. Но новый образ требовал и новых поэтических форм. Сказитель интуитивно стремится к обобщающему

[27] Сказки и предания Магая, с. 335.

образу, характерному д
ма не может вместить
другие сказители, испол
тод изображения. При
изображения действите
и орел». Один из вари
«Сказка-революция», и
ключенную в произвед
на вечерах сказок слуш
Магая воспринимали
о Ленине.

Характерно, что си
гай, очень распростран
революции. Это, напри
В сказке «Ключ счасть
руках и нет от него ни
шика встречается в ска
ских сказителей.

Уже отмечалось, чт
работаны многие тради
псках чудесного предм
претерпевает различны
ходят чудесные помо
ческие предметы, хотя
цию, но в сюжете уже
ционной сказке «Найд
давая герою перстень
«Когда будешь в него
него ничего не скроет
рою удается спастись
В сказке «Богатыр
зыскал книгу. «В это

[23] Сказки и предания

образу, характерному для фольклора. Однако старая форма не может вместить нового содержания. Магай, как и другие сказители, использует аллегорию как основной метод изображения. Примером символико-аллегорического изображения действительности служит сказка «Богатырь и орел». Один из вариантов этой сказки Магай назвал «Сказка-революция», прямо указывая на аллегорию, заключенную в произведении. По словам А. В. Гуревича, на вечерах сказок слушавшие произведение в исполнении Магая воспринимали его как художественную поэму о Ленине.

Характерно, что символы, которыми пользовался Магай, очень распространены в новых сказках, посвященных революции. Это, например, орел — символ самодержавия. В сказке «Ключ счастья» хан-орел держит власть в своих руках и нет от него никому пощады. Этот же образ хищника встречается в сказках, записанных от других советских сказителей.

Уже отмечалось, что в новых сказках по-новому разработаны многие традиционные мотивы и образы. В поисках чудесного предмета в традиционных сказках герой претерпевает различные трудности, и ему на помощь приходят чудесные помощники. В новых сказках фантастические предметы, хотя и сохранили свою основную функцию, но в сюжете уже играют новую роль. Так, в традиционной сказке «Найден-Попович» Сокол-Соколович, подавая герою перстень, в котором есть алмаз, говорит: «Когда будешь в него смотреть, то увидишь все, через него ничего не скроется»[28]. Благодаря этому алмазу герою удается спастись от неминуемой гибели.

В сказке «Богатырь и орел» прекрасный юноша разыскал книгу. «В этой книге было написано, что где-то

---

[28] Сказки и предания Магая, с. 117.

есть алмаз двенадцати глаз, которым можно видеть все на свете, и этим алмазом можно освободить богатыря от страшных оков и сетей»[29]. Этот богатырь — народ. Не за свое личное счастье борется герой, а за счастье всего народа.

Выдержанная в символико-аллегорическом стиле сказка иногда поднимается до патетического тона: «Земля расцвела так, что пером не опишешь, такими разными цветами. А про этого прекрасного юношу прошла славушка по всему земному шару»[30].

Другое произведение на ленинскую тему, созданное Магаем,— сказка «Ленинский источник». По своему художественному методу она отходит от традиционной волшебной сказки, приближаясь к преданию. Лишь отдельные элементы роднят это произведение со сказкой. Как и в сказке, здесь много вымысла, волшебства, но как в предании речь идет о событиях достоверных. Важный компонент в определении жанра — сюжет — сближает это произведение с преданием.

Художественный метод изображения, лишь наметившийся в сказке «Ленинский источник», нашел свое развитие в лучшем произведении Магая о В. И. Ленине — «Самый мудрый человек». По композиции оно приближается к сказке, но в поэтике, в создании образов героев — больше от предания, в самом же сюжете много от эпического сказания, например, в центре повествования борьба за интересы общества, поиски героя-избавителя.

Магай ведет повествование как сказку, но воспринимается оно как предание; познавательная функция сведена к нулю, фактологический материал, на котором должно базироваться предание, отсутствует, усилено идейное и эстетическое звучание произведения.

---

[29] Сказки и предания Магая, с. 304.
[30] Там же.

Сказитель сознатель
ные художественные за
мысла, чем определяется
Начинается рассказ
на «жил-был», но не «в
сударстве», а в конкрет
леко на севере, за круть
порожистым Витимом, з
мудрый старик Турунча
и в сказочной прозе: «Б
Лоргакто, самый старш
старик нарек своим имен
Несмотря на то, что
тимо — герои идут к К
Байкала, движутся они
стойбища тунгусов, отды
цы,— все это не мешает
зочную птицу, говорящ
наж, действие которого
эпоса.
Совершенно в ином
Ильич добро делил». В о
анекдота из серии об ум
делил». Построенная п
ностью языка, неожида
В ней показан не только
и неразрывная связь
сила Ильича. Вот почем
служникам опозорить Л
вят, что Ленин умный, а
ным народом, дескать,
а на самом деле он, мо
Ленина с простым народ

---

[31] Сказки и предания Ма

Сказитель сознательно ставит перед собой определенные художественные задачи, придавая им характер вымысла, чем определяется сказочный жанр повествования.

Начинается рассказ с традиционного сказочного зачина «жил-был», но не «в некотором царстве, некотором государстве», а в конкретно указанном месте: «Далеко, далеко на севере, за крутыми гольцами Байкала, за бурным порожистым Витимом, за широкой Леной-рекой, жил-был мудрый старик Турунча...» И далее о трех сыновьях, как и в сказочной прозе: «Было у старика Турунчи три сына: Лоргакто, самый старший, средний Мукан, а младшего старик нарек своим именем — Турунчой...»[31]

Несмотря на то, что присутствие реалий весьма ощутимо — герои идут к Иркуту, их путь проходит возле Байкала, движутся они по Витиму, встречают на пути стойбища тунгусов, отдыхают в юртах, преодолевают гольцы,— все это не мешает сказителю ввести в действие сказочную птицу, говорящую человеческим голосом, персонаж, действие которого определено традицией сказочного эпоса.

Совершенно в ином жанре представлена сказка «Как Ильич добро делил». В основу ее легли мотивы известного анекдота из серии об умных мужиках «Как мужик гусей делил». Построенная на диалоге, она отличается сочностью языка, неожиданностью ситуаций, остроумием. В ней показан не только ум Ленина, его находчивость, но и неразрывная связь с народом. В этом единстве — сила Ильича. Вот почему царь дал задание своим прислужникам опозорить Ленина перед народом: «Все молвят, что Ленин умный, а вы его опозорьте перед всем честным народом, дескать, все разговоры о нем — это враки, а на самом деле он, мол, недалекий человек». Единство Ленина с простым народом подчеркнуто и реакцией наро-

[31] Сказки и предания Магая, с. 319.

да, оказавшегося свидетелем позора царских прислужников. «Народ, который тут был, громко рассмеялся, чиновников, купцов и прискателей на смех подняли»[32].

В традиционной волшебной сказке события, лица, поразившие сознание народа, даны в особом, присущем фольклору преломлении — это фольклорные образы. Сам метод фольклора отличается от литературного. В художественных образах фольклора нет четкой индивидуализации, для них характерна типизация, которая дает возможность говорить о едином герое волшебной сказки. В центре внимания — самое значительное. В новых же сказках метод создания образов ближе к литературному, хотя сказитель и использует фольклорные приемы.

Причислять к жанру волшебных сказок новые произведения сказочников на советскую тематику можно лишь условно, скорее всего они «составили совершенно особую область советского творчества, по-своему интересную»[33].

Традиция выработала в сказке определенную сказочную поэтику, которая шлифовалась веками. Так было достигнуто единство стиля, формы и содержания. Сами носители фольклора понимают, что, чем древнее по своему происхождению произведение, тем его художественные достоинства выше. Для понимания природы народного творчества интересно замечание известного сибирского сказителя В. Р. Гурьянова, выражающее эстетическое кредо фольклора: «Песни его (Магая.— *Р. М.*) все старинные, много, видать, лет они поются, лишнего слова в них не найдешь»[34].

---

[32] **Ленин** в творчестве народов Бурятии, с. 159.

[33] **Гусев В. Е.** О критериях фольклорности современного народного творчества.— В кн.: Современный русский фольклор. М., 1966, с. 16.

[34] **Сказки** и предания Магая, с. 62.

Стремления доказат
тем, что книга вытесни
ков считает отрицатель
ениям сказочников от
и рядом слабые и несо
ветскую тематику расс
ры и безоговорочно вкл
развернувшиеся в 50—
к единому мнению о п
ний сказителей [36].

В творчестве Е. И
основные тенденции
которые приводят в ко
лорной сказки с литера

Вековые произведе
во всей их глубине. С
традиции, поэтому да
ний народного творче
традицией, что прид
звучание.

Там, где Магай при
рался на традиционное

---

[35] **Новиков Н. В.** К
Принципы текстологическ
с. 65.

[36] По проблемам диску
приводить которую здесь
сия о советском фольклор
ветская этнография», «Но
ская литература» в 50—60
ник «Русский фольклор. М
1960; вып. 6, 1961, и др. О
пятых на ней проблем с
куссии».—

Стремления доказать неживучесть советской сказки тем, что книга вытеснила ее, несостоятельны. Н. В. Новиков считает отрицательное отношение к новым произведениям сказочников ответной реакцией на то, что «сплошь и рядом слабые и несовершенные их произведения на советскую тематику рассматривались чуть ли не как шедевры и безоговорочно включались в сборники»[35]. Дискуссии, развернувшиеся в 50—60-е гг. по фольклору, не привели к единому мнению о природе и судьбе новых произведений сказителей[36].

В творчестве Е. И. Сороковикова-Магая отразились основные тенденции в сказочной традиции, тенденции, которые приводят в конечном итоге к сближению фольклорной сказки с литературной.

Вековые произведения фольклора осмыслены Магаем во всей их глубине. Сказитель тонко чувствовал рамки традиции, поэтому дал прекрасные образцы произведений народного творчества, оттенил то новое, что стало традицией, что придает классической сказке свежее звучание.

Там, где Магай при создании новых произведений опирался на традиционность, подчиняясь законам коллектив-

---

[35] **Новиков Н. В.** К проблеме сказочного сборника.— В кн.: Принципы текстологического изучения фольклора. М.— Л., 1966, с. 83.

[36] По проблемам дискуссии накопилась большая библиография, приводить которую здесь не представляется необходимым. Дискуссия о советском фольклоре отражена на страницах журналов «Советская этнография», «Новый мир», «Вопросы литературы», «Русская литература» в 50—60-е годы. Большое место отвел ей ежегодник «Русский фольклор. Материалы и исследования», вып. 5. М.—Л., 1960; вып. 6, 1961, и др. Обзор материалов дискуссии по ряду поднятых на ней проблем сделан В. Е. Гусевым в статье «Две дискуссии».— «Русская литература», 1962, № 3, с. 186—199.

ного творчества, он создал великолепные произведения, которые пользовались большой популярностью.

Здесь происходит сложный процесс, характеризующий судьбу жанра и требующий изучения. Новые и [illegible]ния представляют большой интерес как непосредственное отражение народного мнения на определенном этапе развития общества, как опыт художественного творчества. Они закономерны и органичны для творчества одаренных сказителей.

Введение

Тункинская фольк

Волшебно-фантаст

Традиционн

Психологиче элементы

Сибирский

Сатирические ска

Идейно-художеств ний Магая

Новые произведен

ные произведения,
ностью.
характеризующий
Новые произведе-
непосредственное
ленном этапе раз-
нного творчества.
рчества одаренных

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 5

Тункинская фольклорная традиция . . 19

Волшебно-фантастические сказки Магая . 72

Традиционная обрядность . . . —

Психологические и реалистические элементы 88

Сибирский колорит 105

Сатирические сказки 127

Идейно-художественное содержание преданий Магая 142

Новые произведения Магая 170

Руфина Прокопьевна Матвеева

ТВОРЧЕСТВО СИБИРСКОГО СКАЗИТЕЛЯ Е. И. СОРОКОВИКОВА-МАГАЯ

Ответственный редактор
Лазарь Ефимович Элиасов

Редакторы *В. А. Третьякова, Л*
Художественный редактор *В. И*
Художник *Е. Ф. Зайцев*
Технический редактор *Т. К. Овчинник*
Корректоры *К. И. Сергеева, В.*

Сдано в набор 25 ноября 1975 г.
МН 10323. Формат 70×
печ. л.+1 вкл. на м

Издательство «Наука», Сибирское отделение. 630099, Новосибирск, 99, Советская, 18.

1-я типография издательства «Наука» 630077. Новосибирск, 77, Станиславского.

СИБИРС
ИЗДАТ

готовит к вы

Русская литература Сиби
указатель, ч. I, II.

Очерки литературы и кр

Болонев Ф. Ф. Народный

Декабристы и Сибирь.

Словарь русских говоров

Проблемы жанра и стиля

В помощь преподавателя

В тысячи адресов. (Истор

высылаются налож
630090. Новосиби

твеева

ЕЛЯ
ЛАГАЯ

ктор
сов

ф. Коваленко
Шумаков
ов
чинникова
з. Борисова

21 апреля 1976 г.
ая № 2. 6 печ. л., 8,4 усл.-
аж 1750 экз. Заказ

30099, Новосибирск, 99, Со-

Новосибирск, 77, Стани-

СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

готовит к выпуску следующие книги:

Русская литература Сибири. XVII в.—1970 г. Библиографический указатель, ч. I, II.

Очерки литературы и критики Сибири (XVII—XX вв.).

Болонев Ф. Ф. Народный календарь семейских Забайкалья.

Декабристы и Сибирь.

Словарь русских говоров Новосибирской области.

Проблемы жанра и стиля в литературе Сибири.

В помощь преподавателям иностранных языков. Вып. 8.

В тысячи адресов. (История Бердского радиозавода).

Книги высылаются наложенным платежом. Заказы направлять по адресу: 630090, Новосибирск, 90, Морской проспект, 22. Магазин «Наука».

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу: 117464, Москва, В-464, Мичуринский проспект, 12. Магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 197110, Ленинград, П-110, Петрозаводская ул., 7. Магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига».

Адреса магазинов «Академкнига»

480391, **Алма-Ата,** ул. Фурманова, 91/97;
370005, **Баку,** ул. Джапаридзе, 13;
320005, **Днепропетровск,** проспект Гагарина, 2
7 4001, **Душанбе,** проспект Ленина, 95;
4033, **Иркутск,** 33, ул. Лермонтова, 303;
252030, **Киев,** ул. Ленина, 42;
277012, **Кишинев,** ул. Пушкина, 31;
443002, **Куйбышев,** проспект Ленина, 2;
192104, **Ленинград,** Д-120, Литейный проспект, 57;
199164, **Ленинград,** Менделеевская линия, 1;
199004, **Ленинград,** 9 линия, 16;
103009, **Москва,** ул. Горького,
117312, **Москва,** ул. Вавилова, 55/7;
630076, **Новосибирск,** Красный проспект, 51;
630090, **Новосибирск,** Академгородок, Морской проспект,
620151, **Свердловск,** ул. Мамина-Сибиряка, 137;
700029, **Ташкент,** Л-29, ул. Ленина, 73;
700100, **Ташкент,** ул. Шота Руставели, 43;
634050, **Томск,** наб. реки Ушайки, 18;
450075, **Уфа,** Коммунистическая ул., 49;
450075, **Уфа,** проспект Октября, 129;
720001, **Фрунзе,** бульвар Дзержинского,
310003, **Харьков,** Уфимский пер., 4/6.

м направлять по ад-
оспект, 12. Магазин
адемкнига»; 197110,
азин «Книга — поч-
» или в ближайший

га»

;

57;

проспект, 22;